

ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Философия. Психология. Педагогика

2023

Том 23

Выпуск 3

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

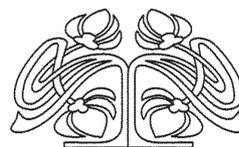
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2023 Том 23

ISSN 1819-7671 (Print)

ISSN 2542-1948 (Online)

Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

Агапов О. Д., Агапова Э. И. Совмещение несовместимого или вопрос о синергии образовательных стратегий 244

Андреева В. А. Образ женщины в условиях современной псевдодемократической мифологии 249

Бакаева Ж. Ю., Стеклова И. В. Реляционный аспект неэмоциональности 254

Голубев И. С. Синкретизм общества и государства в теории общественного договора Т. Гоббса 258

Дыдров А. А. Искусственный интеллект: мифологии social studies 262

Листвина Е. В. Социокультурные и антропологические вызовы начала XXI века 267

Муратов А. В. Социальная справедливость в философии ислама 272

Пеннер Р. В. М. Маклюэн: между медиумом и медиатизацией 277

Резвушкина С. А. К вопросу о месте мифологии техники в современных digital studies 282

Сюсюкин В. А. Сетевое общество и институт образования: абрис социально-философской рефлексии 287

Фортунов А. Н. Нейроисторицизм как имитативная реальность: особенности формирования визуальных образов российских городов с помощью нейросетей 293

Щекалева О. В. Предназначение неклассического искусства как философская проблема (на материале философии В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева) 298

Психология

Гайдар К. М. Организационная психология в условиях специальной военной операции и после: задачи прежние, контексты и акценты новые 303

Захарова Л. Н. Креативность и инновативность субъекта труда в новых социально-экономических условиях 308

Киселев К. А. Стратегии психологического воздействия онлайн грумера на несовершеннолетнюю жертву в ситуации сексуальных домогательств 313

Орлова М. М. Предикторы субъективного ощущения социальной поддержки у онкологических больных на примере заболеваний репродуктивной системы 318

Пантелеев А. Ф. Проблема сравнительной оценки картин, созданных художником и сгенерированных нейросетью 326

Руденко С. Л. Эмоциональные факторы дефицита социальной перцепции при неврастении 331

Смирнова А. Ю. «Методика диагностики» адекватности профессионального самоопределения: психометрические характеристики 336

Педагогика

Денисова А. Ю. Проблемные вопросы практической подготовки сотрудников полиции зарубежных стран и Российской Федерации на этапе учебной практики 343

Большакова А. С. Аспекты становления профессиональной культуры будущего руководителя образовательной организации 349

Михайлова И. В. Изучение русского языка как иностранного в техническом вузе в аспекте культурно-ориентированного подхода 354

Савина И. С. Формирование компонентов критического мышления курсантов в процессе изучения русского языка как иностранного 359

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76648 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К1, специальности: 5.3.1; 5.3.4; 5.3.5; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.4; 5.7.5; 5.7.6; 5.7.7; 5.7.8; 5.7.9; 5.8.1; 5.8.2; 5.8.7)

Подписной индекс издания 36014. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (php.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Батищева Татьяна Федоровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Батищева Татьяна Федоровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89
E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 22.09.2023

Подписано в свет 29.09.2023

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 14,41 (15,5).

Тираж 100 экз. Заказ 98-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2023

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;

– на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегию серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

– аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

– в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: https://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: aroria@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS**Scientific Part****Philosophy**

- Agapov O. D., Agapova E. I.** Combining the incompatible, or on the question of the synergy of educational strategies 244
- Andreeva V. A.** The image of a woman in the conditions of modern pseudo-democratic mythology 249
- Bakaeva Zh. Yu., Steklova I. V.** The relational aspect of non-emotionality 254
- Golubev I. S.** The State-Society syncretism in Thomas Hobbes' theory of social contract 258
- Dydrov A. A.** Artificial intelligence: Mythologies of social studies 262
- Listvina E. V.** Socio-cultural and anthropological challenges at the beginning of the 21st century 267
- Muratov A. V.** Social justice in the philosophy of Islam 272
- Penner R. V. M.** McLuhan: Between medium and mediatization 277
- Rezvushkina S. A.** On the place of the mythology of technology in contemporary digital studies 282
- Syusyukin V. A.** The network society and the institute of education: A dimension of socio-philosophical understanding 287
- Fortunatov A. N.** Neurohistoricism as an imitative reality: Special features of the formation of visual images of Russian cities using neural networks 293
- Shchekaleva O. V.** The purpose of non-classical art as a philosophical problem (based on the philosophy of V. S. Solovyov, S. N. Bulgakov and N. A. Berdyayev) 298

Psychology

- Gaidar K. M.** Organizational psychology in the conditions of a special military operation and afterwards: Old tasks, new contexts and emphasis 303
- Zakharova L. N.** Creativity and innovativeness of the subject of labor in the new socio-economic conditions 308
- Kiselev K. A.** Strategies of psychological influence of online groomer on the minor victim in the situation of online sexual harassment 313
- Orlova M. M.** Predictors of subjective feeling of social support in women with oncological diseases of the reproductive system 318
- Pantelev A. F.** The problem of comparative evaluation of paintings created by an artist and generated by a neural network 326
- Rudenko S. L.** Emotional factors of social perception deficit in neurasthenia 331
- Smirnova A. Yu.** Psychometric characteristics of the "Appropriateness of professional self-determination" Scale 336

Pedagogy

- Denisova A. Yu.** Problematic issues of police officers' practical training in some foreign countries and the Russian Federation during training practices 343
- Bolshakova A. S.** Aspects of professional culture development for future head of an educational organization 349
- Mikhailova I. V.** Studying Russian as a foreign language at a technical university in the aspect of a culturally-oriented approach 354
- Savina I. S.** Formation of critical thinking components in cadets in the process of learning Russian as a foreign language 359

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

Главный редактор

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Антипова Екатерина Алексеевна, кандидат филос. наук (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Варламов Дмитрий Иванович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Гриценко Валентина Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)
Данилов Сергей Александрович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Демидов Александр Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Иоффе Андрей Наумович, доктор пед. наук, кандидат ист. наук, доцент (Москва, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рахимбаева Инга Эрленовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рязанов Александр Владимирович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стеклова Ирина Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Стризов Александр Леонидович, доктор филос. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Филимонова Ольга Федоровна, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Михайловна, доктор филос. наук, доцент (Москва, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Чумаков Александр Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY”**

Editor-in-Chief – Vladimir B. Ustiantsev (Saratov, Russia)

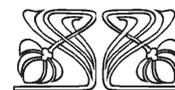
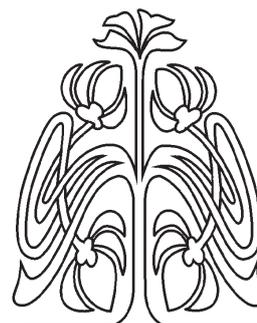
Deputy Editor-in-Chief – Evgeniya V. Listvina (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Ekaterina A. Antipova (Saratov, Russia)

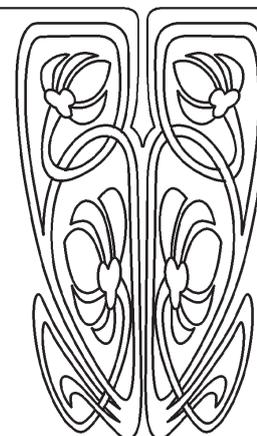
Members of the Editorial Board:

Ljudmila N. Aksenovskaya (Saratov, Russia)
Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)
Ekaterina I. Balakireva (Saratov, Russia)
Dmitry I. Varlamov (Saratov, Russia)
Valentina V. Gritsenko (Moscow, Russia)
Sergey A. Danilov (Saratov, Russia)
Alexander I. Demidov (Saratov, Russia)
Andrey N. Ioffe (Moscow, Russia)
Igor I. Kalnoy (Simferopol, Russia)
Mikhail O. Orlov (Saratov, Russia)
Inga E. Rakhimbaeva (Saratov, Russia)

Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)
Alexander V. Ryazanov (Saratov, Russia)
Irina V. Steklova (Saratov, Russia)
Alexander L. Strizoe (Volgograd, Russia)
Olga F. Filimonova (Saratov, Russia)
Svetlana V. Frolova (Saratov, Russia)
Svetlana M. Frolova (Moscow, Russia)
Igor A. Furmanov (Minsk, Belarus)
Alexander N. Chumakov (Moscow, Russia)
Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ФИЛОСОФИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 244–248

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 244–248
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-244-248>

EDN: MJKGCL

Научная статья
УДК 101.1:316

Совмещение несовместимого или вопрос о синергии образовательных стратегий

О. Д. Агапов¹✉, Э. И. Агапова²

¹Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева, Россия, 420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42

²Институт развития образования Республики Татарстан, Россия, 420015, г. Казань, ул. Б. Красная, д. 68

Агапов Олег Дмитриевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин, ag.oleg2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6352-8505>

Агапова Элеонора Игоревна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник информационно-аналитического отдела, agapova.ele@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3302-3562>

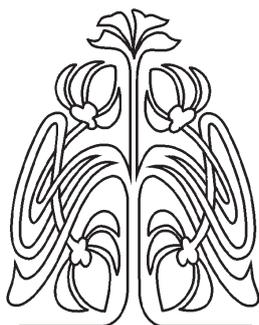
Аннотация. Введение. Ведущая идея авторов заключается в том, что каждая исторически состоявшаяся образовательная стратегия является *совмещением несовместимого*, порождая феномены экономоцентризма, политикоцентризма, техноцентризма, экологоцентризма (иных центризмов), редуцирующих смысл и формы образования. **Теоретический анализ.** Образование как социально-антропологический феномен обладает своей относительной *автономностью*, где в основании лежит идея об *аутопоэзисе человека*. В данном контексте философия образования оборачивается философией человека, способного не только встраиваться в цивилизационный дизайн эпохи с его культурно-историческими стандартами и профессиональными запросами, но и выходит за пределы эпохи, в поисках себя(своего). **Эмпирический анализ.** Неотчуждаемая миссия образования состоит в создании социального поля для духовного становления и самосовершенствования человека. **Заключение.** Свою полноту и достоинство образование получает когда оно выходит на уровень Тем самым образование становится формой развития гражданского сообщества, способного к самоорганизации и саморазвитию, к творчеству жизни (вращиванию смыслов и институтов), а не социальным «конвейером-фабрикой» по приведению неких человеческих «полуфабрикатов» к стандартам политических, профессиональных или социокультурных институтов.

Ключевые слова: философия образования, образовательные стратегии, антропологический подход, антропомодели, экономоцентризм, политикоцентризм, относительная автономность образования, антропопрактики «заботы о себе», синергия социальных практик, конвергентность образования

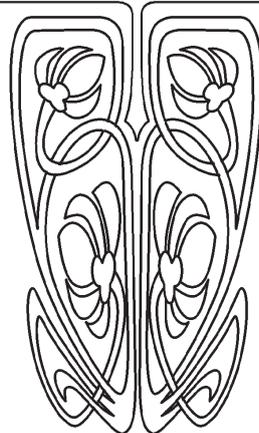
Для цитирования: Агапов О. Д., Агапова Э. И. Совмещение несовместимого или вопрос о синергии образовательных стратегий // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 244–248. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-244-248>, EDN: MJKGCL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

© Агапов О. Д., Агапова Э. И., 2023

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Combining the incompatible, or on the question of the synergy of educational strategies

O. D. Agapov¹✉, E. I. Agapova²

¹Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasova, 42 Moskovskaya St., Kazan 420111, Russia

²The Tatarstan Institute of Education Development, 68 B. Krasnaya St., Kazan 420015, Russia

Oleg D. Agapov, ag.oleg2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6352-8505>

Eleonora I. Agapova, agapova.ele@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3302-3562>

Abstract. Introduction. The main idea of the article is that every established educational strategy *combines the incompatible*, generating economocentrism, political centrism, technocentrism, ecocentrism and other “centrism” that lead to a reductionist approach to the meaning and forms of education. **Theoretical analysis.** Education as a socioanthropological institution is relatively *autonomous*, and the idea of *autopoiesis of the human being* is what lies at the foundation of its autonomy. In this context, philosophy of education appears as a philosophy of its age, or, even broader, a philosophy of human beings who are able not only to integrate themselves into the civilizational design of the epoch with its cultural and historical standards, and professional needs, but also to transcend their epoch in search for themselves / their own. **Empirical analysis.** The inalienable mission of education consists in creating a social field for spiritual maturation and self-perfection for individual human beings. Education acquires its completeness and dignity only when it reaches the level of navigating a person towards development, “the care of the self”. **Conclusion.** Education thus becomes a form of development of a civil society, able to self-organize and self-develop, to create (cultivating meanings and institutions), which is not reducible to a social “conveyor-factory” for producing semi-finished products according to the standards of political, professional or sociocultural institutions.

Keywords: philosophy of education, educational strategies, anthropological approach, anthropomodels, economocentrism, political centrism, relative autonomy of education, “the care of the self”, the synergy of social practices, the convergence of education

For citation: Agapov O. D., Agapova E. I. Combining the incompatible, or on the question of the synergy of educational strategies. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 244–248 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-244-248>, EDN: MJKGCL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Устойчивое развитие социума как открытой саморазвивающейся системы связано с множеством факторов. Одним из них выступает институт образования, а точнее образовательная стратегия, которую выстраивает конкретное общество. От того, насколько система образовательных институций онтологически полновесна, зависит как политико-экономическое, так и личностное развитие. Критерием онтологической «зрелости» образования выступает сочетание в нем линии профессиональной и общегражданской социализации с линией практик «заботы о себе».

Понимание необходимости сочетания коллективного и личностного, этого сочетания *несочетаемого* возникло в Древней Греции, где практики «заботы о себе» следовали идее о том, что человек, реализуясь как политическое существо, не должен оставлять без внимания себя [1, с. 12–15]. Российские исследователи В. К. Пичугина и В. Г. Безрогов отмечают, что «забота о себе» была связана с «заботой об общем» [2, с. 123]. Социально-антропологический репертуар практик «заботы о себе» в Античную эпоху был весьма широк и включал в себя, как минимум, по С. А. Смирнову, пять базовых типов: эпистрофу, агон, мимезис, когито, метанойю [3, с. 68].

Широкий спектр образовательных практик «заботы о себе» позволял осуществляться личностному выбору человека внутри практик «заботы об общем» – политике, религии, экономике. Вне хрупкого баланса между коллективным и личностным в образовательной стратегии общества система образования довольно быстро редуцируется до одномерных моделей, способных воспроизводить отдельные свои элементы в форматах, необходимых для социального воспроизводства определенных страт управленцев, военных, религиозных союзов и профессиональных групп, представляющих «линейку» социально-экономического уклада. Как правило, представители конкретных социальных профессиональных сообществ отмечают саму идею «заботы о себе» с ее идеалами признания человека как личности наивысшей ценностью. Среди политико-экономических элит преобладает запрос на жесткую привязку образовательных практик к критериям политического режима, социально-экономического уклада, с четким кругом предписанных человеку качеств и сведением мышления человека к решению технологических задач вне глубокого самосознания, стремления к духовному росту и воплощению.

Указывая на одномерность экономико- и политикоцентризма в образовательных стратегиях

прошлого и настоящего, не следует обольщаться идеей о том, что практики «заботы о себе» вне их связи с «заботой об общем» способны породить онтологически полновесные формы. При доминировании «заботы о себе» образование превращается в имитацию, *вечную подготовку к жизни вместо самой жизни*.

В образовательной стратегии каждого конкретного общества сходятся в драматической внутренне-конфликтной конфигурации интенции социального института образования, получившего в процессе развития и дифференциации общества относительную автономность и ценностное самоопределение с интенциями других не менее важных и относительно автономных социальных областей военной, управленческой, экономической и духовной жизни человеческого рода.

Теоретический анализ

Философия со времен Античности развивает идею об *аутопозисе человека*, где образование выступает формой духовной практики путем

восхождения человека в полноту своих возможностей. Столкновение интересов образования как автореферентной сферы с запросами других социальных институтов, а также с интенцией любого человека на личностное бытие и становление порождает в каждую историческую эпоху *коллизию*, от разрешения которой зависит, насколько устойчивым будет развитие не только каждой из сторон, но и всего социума как сложной саморазвивающейся системы.

Исходя из вышесказанного, в каждую эпоху складывается, как минимум, три образовательных стратегии общества, которые по-своему разрешают противоречия между «образованием-для-образования», «образованием-для-институтов общества» и «образованием-как-практики “заботы о себе”» (таблица).

У каждой из образовательных стратегий есть активные социальные субъекты и агенты, лоббирующие свой подход. Гегемония одной из них чревата не просто потерей целостного представления об образовании, но и невосполнимой утратой для социально-антропологического развития человеческого рода.

Соотнесение антропологических топик и образовательных стратегий в развитии человеческого рода
Table. Anthropological “topics” and educational strategies in the development of the human kind

Антропологическая топика (по С. Хоружему)	Образовательные стратегии	Атрибуты
Онтологическая	Образование как форма социализации одновременно выступает и формой «заботы о себе»	Признание Человека наивысшей ценностью; понимание целостности человеческого бытия; акцент на рефлексии и свободе выбора
Онтическая	Образование выступает формой одномерной социализации («человек экономический», «человек политический»)	Жесткая привязка к социально-технологическому укладу или политическому режиму (компетентностный подход); ориентация на результат, а не на смыслы и процесс; редукция и фрагментарность
Виртуальная	Образование выступает имитацией как социализации, так и практик «заботы» о себе»	Игровой характер без предметной сферы (устранение принципа реальности); погруженность в потоки информации; подмена знания информированностью

Итак, каждая исторически состоявшаяся образовательная стратегия (Античности или Средневековья, эпохи Возрождения или Просвещения) является *совмещением несовместимого*, поскольку в поле образовательных практик вовлечены интенции и интересы различных субъектов социальных отношений. Главный вопрос в том, какие *образы человека* используются различными субъектами социума. Разные конфигурации (homo economicus, homo politicus, homo academicus и т.д.) имеют отличительные

свойства и способности, определяющие абстрактные модели человеческого бытия.

Эмпирический анализ

Сегодня важно определить заинтересованные стороны процесса цифровизации и его социально-антропологическую *телеологию*. В. К. Пичугина и В. Г. Безрогов, отмечая, что образование в цифровую эпоху предоставляет человеку широкий спектр возможностей, вопро-

шают, кто будет нести их издержки, не сведется ли образование к предоставлению информации [2, с. 122].

Российские исследователи А. М. Кондаков и И. С. Сергеев полагают, что, хотя стратегическое планирование учитывает новые компетенции цифрового общества, оно пока игнорирует педагогическую проблему развития новых личностных качеств [4]. Также они выражают беспокойство по поводу вопроса дефицита кадров в сфере воспитания. Экономикоцентризм, равно как и любой другой «изм» в образовательных стратегиях, ведет к редукционизму, к угасанию творческого и созидательного начала в людях.

В образовании как форме «заботы о себе» также соединяются «само-бытие» и отказ от него («selflessness»). В современном понимании «заботы о себе» объединены две сферы: лично ориентированная и социально ориентированная. Поэтому оптимальным местом продуктивного диалога между личностью и обществом является образование, имеющее целью как раскрытие и приумножение способностей отдельного человека, так и развитие общества в целом.

В. И. Слободчиков напоминает, что образование в онтологическом плане соединяет в себе три ипостаси: 1) самостоятельную сферу общества; 2) универсальный способ трансляции культурно-исторического опыта; 3) всеобщую культурно-историческую форму развития человека. Он считает, что в них можно увидеть ключевую цель образования в современности, а именно: развитие «как ценностную основу и принцип существования образования». Образование должно развивать и быть развивающимся [5, с. 15].

Действительно, современная система образования есть форма нахождения себя в культуре. Более того, цифровизация образования, переход к «сети» задают новые диапазоны «заботы» ради сохранения идентичности и обретения себя в культуре [2, с. 125]. Полагаем, что будущее за образовательными стратегиями в духе *автопоэзиса* [6], конвергенции [4], перехода по А. Неклессе к «*глубинному образованию*» как «сумме критичных взаимоотношений, синтезу аспектов этики, обусловленных знанием и деятельностью началом (активизм, критическая теория, постструктурализм, дискурс-анализ, вокеизм, пост- и деколонизальность), сплав обучения с исследовательской активностью, культурной экспрессией» [7, с. 41]. Забвение в рамках профессиональной и общегражданской социализации практик «заботы об общем» и

«заботы о себе» приводит к неспособности институтов средне-профессионального и высшего образования к подготовке специалистов с общекультурными и профессиональными компетенциями, при этом обладающих «чувством патриотизма, политической культурой и активной жизненной позицией» [8, с. 11].

Заключение

Человек, пройдя «горнило» как практик социализации, так и практик «заботы о себе», становится гражданином, готовым к *школе обучения* в течение всей жизни в различных сферах гражданского общества. Ю. Хабермас отмечает, что его институциональным центром выступает публичная сфера, выполняющая функции, которые нельзя заменить иными социальными формами: 1) процесс расширения социального равенства и свободы; 2) процесс реструктуризации и демократизации государства [9, с. 41].

Исток *своей человечности* мы находим в перманентном процессе трансцендирования, в формировании *духовной или исторической* сферы, в превосхождении исходных границ природы и общества. Быть Я, субъектом, по Э. Левинасу, означает взятие на себя *труда бытия*, дела преобразования сущего из неразличного, безликого и безразличного в мир бесконечно различного, заботы, справедливости, выси и т.д. [10, с. 286]. Полагаем, что и сегодня образование должно опираться на *рефлексивные духовные практики*, направленные на *экологию образования*, на сохранение, по В. А. Кутыреву, «человеческой идентичности на уровне духа, души и тела» [11, с. 188].

К сожалению, на наш взгляд, путь технотопий и НБИК-инноваций, взятый на повестку радикальными социальными движениями по преобразованию человеческой природы, не ведет к нахождению человеком себя, так как основан на фантастическом антропосоциопроекте «*Безграничного Человека*», прямого наследника доктрины бесконечного прогресса. С. С. Хоружий предостерегает, что они в ходе улучшения разума игнорируют ключевые экзистенциальные характеристики и предикаты (бытие-к-смерти, забота, тревога...) человека как целого своих измерений [12, с. 8]. Разумеется, есть надежда, что цифровая трансформация общества подобно волнам модернизации последних двух столетий пройдет путь от утопии, авангарда и последующей травмы к нормализации.

Суть и сущность современного социально-гуманитарного сообщества заключается в том,

чтобы выявлять социально-антропологические основания и пределы складывающейся антропосоциотехногенной машины и выходить на уровень конституирования антропопрактик, позволяющих человеческому роду оставаться собой, быть субъектом, свободно и ответственно творящим историю.

Список литературы

1. Иванченко Г. В. Забота о себе: история и современность. М. : Смысл, 2009. 304 с.
2. Пичугина В. К., Безрогов В. Г. Образование и забота о себе в эпоху метамодерна // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2015. Вып. 3 (38). С. 116–128. <https://doi.org/10.15382/sturIV201538.116-128>
3. Смирнов С. А. Образовательное пространство города в категориях антропопрактик заботы. Идея конфигуратора // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 11. С. 63–74. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-11-63-74>
4. Кондаков А. М., Сергеев И. С. Образование в конвергентной среде: постановка проблемы // Педагогика. 2020. №12. С. 5–22.
5. Слободчиков В. И. Концептуальные основы антропологии современного образования // Образование и наука. 2010. №1 (69). С. 11–22.
6. Ярославцева Е. И. Человек аутопоэзисный в цифровом формате // Человек. 2018. № 2. С. 121–128. <https://doi.org/10.7868/S0236200718020104>
7. Неклесса А. И. Цивилизация как процесс: мультиплицированные субъекты Постмодерна // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 39–55. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.04>
8. Василенко В. А. Подготовка кадров и антропологическая ориентация суверенного образования // THEORIA: педагогика, экономика, право. 2021. № 1 (2). С. 11–21. https://doi.org/10.51635/27129926_2021_1_11
9. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. М. : Весь мир, 2016. 344 с.
10. Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. 416 с.
11. Кутырев В. А. Культура и технологии: борьба миров. М. : Прогресс-традиция, 2001. 240 с.
12. Хоружий С. С. Постчеловек, виртуальный человек и их социум // Электронный журнал «Вестник МГОУ». 2016. № 3. С. 2–17.

References

1. Ivanchenko G. V. *Zabota o sebe: istoriya i sovremennost* [The Care of the Self: History and its Contemporary State]. Moscow, Smysl, 2009. 304 p. (in Russian).
2. Pichugina V. K., Bezrogov V. G. Education and care of the self in metamodern and metamodernism. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psihologiya* [St. Tikhon's University Review. Series 4: Pedagogy. Psychology], 2015, iss. 3 (38), pp. 116–128 (in Russian). <https://doi.org/10.15382/sturIV201538.116-128>
3. Smirnov S. A. City educational environment in terms of anthropopractices of care. The idea of a configurator. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2020, vol. 29, no. 11, pp. 63–74 (in Russian). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-11-63-74>
4. Kondakov A. M., Sergeev I. S. Education in a converged environment: problem statement. *Pedagogika* [Pedagogy], 2020, no. 12, pp. 5–22 (in Russian).
5. Slobodchikov V. I. Conceptual foundations of the anthropology of contemporary education. *Obrazovanie i nauka* [Education and Science], 2010, no. 1 (69), pp. 11–22 (in Russian).
6. Yaroslavtseva E. I. The Autopoietic person in a digital format. *Chelovek* [Human Being], 2018, no. 2, pp. 121–128 (in Russian). <https://doi.org/10.7868/S0236200718020104>
7. Neklessa A. I. Civilization as a process: Multiplied subject of Postmodernity. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2021, no. 5, pp. 39–55 (in Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.04>
8. Vasilenko V. A. Personnel training and the anthropological orientation of sovereign education. *THEORIA: pedagogika, ekonomika, pravo* [THEORIA: Pedagogy, Economics, Law], 2021, no. 1 (2), pp. 11–21 (in Russian). https://doi.org/10.51635/27129926_2021_1_11
9. Habermas J. *Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Mit einem Vorwort zur Neuauflage*. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 1990. 391 S. (Russ. ed.: Habermas J. *Strukturnoe izmenenie publichnoy sfery*. Moscow, Ves mir, 2016. 344 p.).
10. Levinas E. *Totalité et Infini*. La Haye, Nijhoff, 1961. 284 p. (Russ. ed.: Levinas E. *Izbrannoe. Totalnost i Beskonechnoe*. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga, 2000. 416 p.).
11. Kutyrev V. A. *Kultura i tekhnologii: borba mirov* [Culture and Technology: A Struggle between Worlds]. Moscow, Progress-traditsiya, 2001. 240 p. (in Russian).
12. Khoruzhiy S. S. The posthuman, the virtual man and their society. *Elektronnyy zhurnal "Vestnik MGOU"* [Digital Journal "MSU Vestnik"], 2016, no. 3, pp. 2–17 (in Russian).

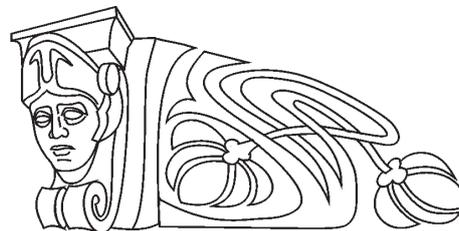
Поступила в редакцию 01.02.2023; одобрена после рецензирования 21.04.2023; принята к публикации 09.06.2023
The article was submitted 01.02.2023; approved after reviewing 21.04.2023; accepted for publication 09.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 249–253
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 249–253
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-249-253>, EDN: LUAVII

Научная статья
УДК 304.2

Образ женщины в условиях современной псевдодемократической мифологемы

В. А. Андреева

Омский государственный технический университет, Россия, 644050, г. Омск, Пр. Мира, д. 11

Андреева Валентина Александровна, аспирант кафедры истории, философии и социальных коммуникаций, andreeva_valyaaa@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1395-3874>

Аннотация. Введение. Образ женщины является одним из неотъемлемых форм существования человека, в зависимости с которыми мы выстраиваем свое понимание мира, отношения в обществе, представления о Другом. Данная статья посвящена критическому анализу трансформации образа женщины в сетевом обществе. **Теоретический анализ.** В современном обществе усиливается приверженность агендерной позиции, предполагающей отказ от гендерных различий, тогда как последние служат одним из источников человеческой культуры. Возникает кризисная ситуация, сопровождающаяся потерей гендерной самоидентификации, нарушением интернализации и экзистенциальной фрустрацией. В сетевом обществе образ женщины поливариативен и определяется интерпретацией актора, его использующего, но человек обретает и воспроизводит свою родовую сущность только в интуициях социальной целостности, путем трансцендирования. **Заключение.** Мы приходим к выводу, что образ женщины в сетевом обществе конструируется посредством псевдодемократической мифологемы, которая создает иллюзию свободы и приводит к полной автономии индивидов, что служит причиной отчуждения человека от общества и тем самым от самого себя. Предложен выход из сложившегося кризиса гендерной идентичности посредством социального трансцендирования, включающего в себя сигнификацию.

Ключевые слова: миф, образ женщины, сетевое общество, социальное трансцендирование

Для цитирования: Андреева В. А. Образ женщины в условиях современной псевдодемократической мифологемы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 249–253. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-249-253>, EDN: LUAVII

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The image of a woman in the conditions of modern pseudo-democratic mythology

V. A. Andreeva

Omsk State Technical University, 11 Mira Prosp., Omsk 644050, Russia

Valentina A. Andreeva, andreeva_valyaaa@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1395-3874>

Abstract. Introduction. The image of a woman helps to construct one's understanding of the world, relations in society, ideas about the Other. This article is devoted to a critical analysis of the transformation of the image of a woman in a network society. **Theoretical analysis.** Today, the position of rejecting gender differences, which serve as one of the sources of human culture, is increasing in society. A crisis situation arises, accompanied by the loss of gender self-identification, the violation of internalization and existential frustration. In the network image of society, women are polyvariant and solve it by interpreting the actor who uses it, but a person acquires and manifests his or her generic essence only in the intuitions of the social essence, with the help of transcending. **Conclusion.** We come to the conclusion that the image of a woman in a network society is constructed by means of a pseudo-democratic mythologeme, which implements the illusion of freedom and leads to the full autonomy of individuals, which is the cause of alienating a person from society and thereby from himself/herself. The proposed way out of the existing gender identity crisis is by means of transcending communication, which includes signification.

Keywords: myth, image of a woman, network society, social transcending

For citation: Andreeva V. A. The image of a woman in the conditions of modern pseudo-democratic mythology. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 249–253 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-249-253>, EDN: LUAVII

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Человек с рождения включен в социальный мир и приобщается к определенному символическому порядку. «Мальчик или девочка?» – один из первых вопросов, которым задаются родители, и уже в самом начале своего жизненного пути человек окружен гендерными знаками, как например, розовая или синяя лента на пеленальном одеяле новорожденного. Без создания, осмысления и воспроизведения образов невозможны сознательная деятельность человека и социальная коммуникация. В сетевом обществе наблюдается и нарастает конвергенция мужского и женского, т.е. становится все сложнее установить, какие характеристики и функции включает в себя тот или иной гендер.

Гендер – это социально-исторический конструкт, через призму которого происходит персонализация личности, осознание собственной идентичности и формирование Я образа, т.е. образа женщины или мужчины и т.п. Мы используем понятие «образ женщины», так как оно шире понятия «гендер», но тесно с ним связано. Образ женщины является отображением матрицы существования, транслирующей идентификационные модели женской идентичности, которые складываются в условиях аутопоэтической коммуникации. Категория «образ» всегда имеет двойственную природу и отображает взаимосвязь сознания человека с объективной реальностью в процессе познания. Образ служит неотъемлемым средством для творчества, передачи, сохранения общественных смыслов, норм и чувственных реакций, которые переживаются людьми субъективно и интерсубъективно. Гендер – это социально приемлемые правила и нормы поведения, т.е. внешнее предписание, которому человек следует и, руководствуясь которым, выстраивает свою жизненную стратегию. Самопрезентации образа женщины основываются на самосознании субъектом собственного Я, что отсылает нас к проблеме познания субъектом своего жизненного мира в целом.

Бытие женщины и мужчины равнозначно в своей сущностной родовой основе, но существование человека возможно лишь в условиях социальной реальности, которая надындивидуальна, субстанциональна и конструируется по собственным законам, включающим определенную систему различий.

Теоретический анализ

Традиционно женские и мужские социальные роли формировались и закреплялись как результат воздействия власти на сферу сексу-

альности. Термин «власть» мы понимаем как возможность субъекта осуществлять свою волю по отношению к Другому. Таким детерминантом в истории на основании различных религиозных предписаний выступал Бог, отец и муж как глава семьи в патриархальном устройстве общества, политический институт как регулятор социальных отношений и т.п.

Понятие «сексуальность» мы рассматриваем как культурный феномен и противопоставляем его животному инстинкту. Такой позиции придерживался Ж. Бодрийяр: «...Соблазн представляет собой господство над символической вселенной, тогда как власть лишь господство над реальностью» [1, с. 36]. В религиозных и мифологических источниках содержатся идеи, согласно которым сексуальность не просто порождение символического, но и то, что непосредственно повлияло на становление культуры. Вспомним, например, сказание народов Древней Месопотамии. Богатырь Энкиду вырос среди диких зверей и не был знаком с цивилизованным общественным устройством жизни. Для того чтобы завлечь Энкиду в Урук, к нему отправляют Шамхат – блудницу. Сексуальная связь с Шамхат меняет Энкиду, он перестает быть частью животного мира и становится частью мира людей. Энкиду исторгнут из мира первобытной дикости, так как животные, с которыми он жил раньше, после связи с Шамхат разбегаются от него в разные стороны [2]. Следуя месопотамской традиции, секс делает человека человеком. Аналогично источником культуры человека Ж. Батай объявляет запрет на инцест и наступивший вследствие его потлач женщин. Таким образом, автор подчеркивает именно социальное, религиозное, правовое и моральное значение, а не просто условие выгодной сделки во имя безопасности и экономической выгоды [3, с. 41].

В религиозном мировоззрении прослеживаются две основные линии по отношению к сексуальности. В одной из них сексуальность провозглашается греховной чувственностью (ислам, христианство и т.п.). В другой, напротив, сексуальность является частью культа (даосизм, тантризм и т.п.). В том или ином случае проблема сексуальности остается сокрытой и относится к области религиозных и мистических верований и должна восприниматься только как объект веры, а значит быть в подчинении системы представлений и власти, основанной на них.

Наиболее распространенной и оказавшей значительное влияние на устройство традиционного общества является трактовка сексуальности как греховной чувственности. Контроль над сексуальностью осуществлялся различными

санкциями. Кроме прямого телесного наказания, устанавливаются определенные формы мышления, например, посредством такого экзистенциала, как стыд. Чувство стыда формируется из-за негативной оценки и неприятия обществом какой-либо формы поведения. Стыд – это не просто принятие вины из-за совершения преступления, а еще и негативная оценка себя, сопровождающаяся неприятными эмоциями. Люди испытывают стыд тогда, когда сами себя не принимают. Таким образом то, что реально «извне», становится соответствующим тому, что реально «внутри». Интернализация проходит посредством экзистенциалов. Переживания стыда мужчины и женщины различны. Индивид вне зависимости от пола переживает чувство вины, если осознает невозможность выполнения всеобщего законодательства. Однако вина мужчины конструируется на внутренней вине (совести), а вина женщины – на внешней вине (стыде). С этой позиции мужской субъект относится непосредственно к инстанции всеобщего закона, а женский объект всегда опосредован Другим [4, с. 406]. Такая модель присуща традиционному обществу и является несостоятельной в современном обществе, где права женщины уравниваются с правами мужчин.

Идеологический образ «новой женщины», получивший распространение в Новое время, безусловно, привел к положительным результатам, но и породил обратные процессы. Вовлечение женщины в сферу производства носило революционный характер и расширяло границы ее социальных возможностей, но одновременно в соответствии с марксистской концепцией это привело к ее двойному угнетению – на работе и дома. Обратимся к экзистенциалу заботы. В современной социологии существует несколько подходов к данной категории. Один из них связан с пониманием заботы как специфического женского опыта, обусловленного гендерными семейными ролями матери, дочери, жены и др. [5, с. 6]. Например, «поколение сэндвича» – люди в возрасте от 45–46 лет – сталкиваются перед тремя вызовами: забота о еще не выросших детях, забота о уже престарелых родителях, занятость на оплачиваемом труде. Данной практической заботой в частной сфере до сих пор зачастую занимаются женщины. «Новая женщина» остается идеологическим мифом, так как попытки определения женщины нейтрализовали женское в терминах «мужских». «Женское – то, что располагается по ту сторону любой выявляемой и в конечном счете субстантивируемой “женственности” – будь то вытесненной или победившей» [1, с. 18].

В сетевом обществе основной производственной единицей является информация, но она не равна смыслу. В условиях такого общества упраздняется традиционный миф и утверждаются мифологемы. «Традиционный миф отличается синкретизмом, образной целостностью; современные социальные мифологемы – фрагментарные множественности, ни о какой целостности в них речи не идет, только о некоем пазловом соединении» [6, с. 19]. Фрагментарные идеи теряют принципиальную целостность, приходят в противоречия сами с собой, замыкаются в себе, не отсылают к реальности, а симулируют ее системные символы и атрибуты, но вместе с тем не исключают себя, а, напротив, обретают псевдоустойчивость. Тотальная свобода информации делает социальное бытие абсолютно прозрачным.

По своей природе мифологическое мировоззрение устремлено к восприятию мира (в том числе социального) в его целостном единстве, т.е. оно направлено на союз, согласование и выживание общества. Такими чертами обладает миф традиционного общества, который отражает диалектику единства и противопоставления человека с природой, а также идеологический миф «новой женщины», уравнивающий мужское и женское духовное начало в его социальной значимости. В условиях постиндустриального (сетевого) общества миф транспарантен, так как не связан и не отражает реальность: миф означает сам себя и конвертирует свой собственный вымысел [6].

Характерными чертами сетевого общества выступают децентрализованность, текучесть, сложность и неопределенность реальности, вследствие чего возникает затруднение при выделении всеобщего, устойчивого детерминанта образа женщины, как это было возможно в традиционном обществе. В традиционном обществе образ женщины определен неким смыслом, который на основании общего ценностного согласия значительней и авторитетней любого индивидуального начала. В сетевом обществе, напротив, приоритет в вопросе гендерного самоопределения отдается индивидуальному, иррациональному началу. Например, при выборе гендера ставится вопрос «кем ты себя ощущаешь?», т.е. зачастую человек начинает обращаться уже не столько к смыслу, сколько к своему эмоционально-чувственному восприятию мира. Может ли человек быть оставлен с этим вопросом один на один?

Сетевое общество децентрализовано, что допускает, например, существование раз-

личных идеологических оснований образа женщины, которые могут использоваться как в конфронтации, так и в комплементарности. Проведем параллели данного положения с идеями о неподлинном существовании человека у М. Хайдегера: «...Теперь может возникнуть мнение, что понимание самых чужих культур и их «синтез» со своей ведут к полной и впервые истинной просвещенности присутствия насчет себя самого. Искушенное любопытство и беспокойное всезнание симулируют универсальную понятность присутствия. Но по сути остается не определено и не спрошено, что же собственно подлежит пониманию» [7, с. 205].

Сегодня возникают различные виды гендеров, например, такие как демигендер, пангендер, бигендер, гендер-флюид и т.п. Человек находится в поиске себя и пытается самоопределиваться с помощью утверждения новой нормы: «...Отчуждение опять же не может однако значить, что присутствие становится от самого себя фактически оторвано; напротив, оно вгоняет присутствие в способ бытия, склонный к предельнейшему «самоанализу», искушающий себя во всех толковательных возможностях, так что являемые им «характерологии» и «типологии» сами уже становятся необозримы» [7, с. 206]. Например, демигендеры отождествляют себя частично с одним гендером и в то же время с другим. По какой формуле рассчитывается пропорциональность соотношения гендеров в одной личности? Не является ли данное решение гендерной проблемы самообманом? Возникает иллюзия свободы, и человек отчуждается от своего Я.

В современном обществе образ женщины зависит от интерпретации актора его использующего, поэтому следует при его анализе обращаться к экзистенциальным или индивидуально-личностным сторонам этого явления. Экзистенция представляет собой уникальность бытия каждого индивида в модусах возможностей. Она не замкнута в собственном существовании, а, напротив, предполагает интенцирование за его пределы и устремленность к абсолютному бытию. Трансцендирование выступает базовой характеристикой экзистенции. Обратившись к работе Э. Тирикьяна, следует отметить, что социальная жизнь имеет трансцендентное измерение, в котором человек может обрести свободу в интуициях социальной целостности [8, с. 257].

Представители религиозного экзистенциализма выделяют трансцендентную реальность, которая отличается от реальности эмпирического мира, видят реальность человека укорененной в чем-то таком, что превосходит индивида.

Э. Тирикьян прослеживает пересечение в идеях экзистенциализма и социологии. Трансценденция – это направленный выход за пределы себя и то, что дает индивиду его Я и свободу. Общество у Э. Дюркгейма выступает как этико-религиозная реальность, превосходящая индивида. С точки зрения экзистенциализма, свобода – это неотъемлемая часть человеческой экзистенции, а, по мнению Э. Дюркгейма, человек способен обрести свободу только в обществе [8, с. 257].

Заключение

Проблема гендерной идентичности в условиях современной псевдодемократической мифологемы становится замкнутой в пределах крайнего индивидуализма, женское и мужское перестают быть знаковыми образованиями. Такого рода крайний индивидуализм может быть преодолен с помощью соединения повседневного и символического внеповседневного уровня социальной реальности путем трансцендирования. Сигнификация как процесс создания и обозначения человеком знаков выступает одним из способов социального трансцендирования, которое «...немыслимо без творческой составляющей, оно интенционально, темпорально-горизонтно, интерсубъективно и коммуникативно, в большой степени интуитивно; но оно телеологично, причем и потому, что не ограничивается лишь действием, а превращается в сложную многогранную (эйдетическую, интуитивно-рациональную, духовную и материальную) деятельность» [9, с. 28].

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи. М. : Ad Marginem, 2000. 320 с.
2. Афанасьева В. К. Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М. : Наука, 1979. 219 с.
3. Батай Ж. История эротизма / пер. с фр. Б. Скуратова. М. : Логос, 2007. 200 с.
4. Введение в гендерные исследования : учебное пособие. Ч. 1 / сост. Е. Гапова, Е. Горошко, Е. Здравомыслова, С. Жеребкин, И. Жеребкина, Е. Иванова, Е. Карпенко, И. Кон, Е. Мезенцева, Е. Мещеркина, С. Поленика, Л. Попкова, Н. Пушкарева, А. Темкина, А. Усманова, С. Ушакин, И. Чекалова, Е. Ярская-Смирнова; под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков : Харьковский центр гендерных исследований ; СПб. : Алетей, 2001. 708 с.
5. Бороздина Е. А., Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Забота в постсоветском пространстве между патернализмом и неолиберализмом: феминистские исследования // Критическая социология заботы.

- Перекрестки социального неравенства / под ред. Е. А. Бороздиной, Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 6–23.
6. Пилюгина Е. В. Состояние постмодерна: сингулярность бытия, транспарентность сознания и вирусы тоталитарных идей // *Studia Humanitatis*. 2014. № 1-2. С. 19.
7. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библикина. Харьков : Фолио, 2003. 503 с.
8. Тирикьян Э. Социологизм и экзистенциализм // *Личность, культура, общество*. 2002. Т. 5, вып. 3–4 (13–14). С. 240–277.
9. Латышева Ж. В. Социальное трансцендирование как концептуальная основа понимания культуры и общества // *Концепт: философия, религия, культура*, 2020. Т. 4, № 2 (14). С. 25–32. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-2-14-25-32>
10. Kon I., Mezentseva E., Meshcherkina E., Polenika S., Popkova L., Pushkareva N., Temkina A., Usmanova A., Ushakin S., Chekalova I., Yarskaya-Smirnova E., comp.; Zhrebkina I. A., ed. Introduction to Gender Studies: A Study Guide. Part 1]. Kharkov, Kharkovskiy tsentr gendernykh issledovaniy Publ.; St. Petersburg, Aletya, 2001. 708 p. (in Russian).
11. Borozdina E. A., Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. Care in the Post-Soviet Space Between Paternalism and Neoliberalism: Feminist Studies. In: *Kriticheskaya sotsiologiya zaboty. Perekryostki sotsial'nogo neravenstva* [Borozdina E. A., Zdravomyslova E. A., Temkina A. A., eds. Critical Sociology of Care. Crossroads of Social Inequality]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019, pp. 6–23 (in Russian).
12. Pilyugina E. V. The postmodern condition: singularity of being, transparency of consciousness and viruses of totalitarian ideas. *Studia Humanitatis*, 2014, no. 1–2, pp. 19.
13. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen, Max Niemeyer Verlag GmbH&CoKG, 1993. 437 S. (Russ. ed.: Heidegger M. *Bytiye i vremya*. Kharkiv, Folio, 2003. 503 p.).
14. Tirikyan E. Sociologism and existentialism. *Lichnost', kul'tura, obshchestvo* [Personality, Culture, Society], 2002, vol. 5, iss. 3–4 (13–14), pp. 240–277 (in Russian).
15. Latysheva Zh. V. Social transcending as a conceptual basis for understanding culture and society. *Koncept: filosofiya, religiya, kul'tura* [Concept: Philosophy, Religion, Culture], 2020, vol. 4, no. 2 (14), pp. 25–32 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-2-14-25-32>

References

1. Baudrillard J. *Soblazn* [Temptation]. Moscow, Ad Marginem, 2000. 320 p. (in Russian).
2. Afanas'eva V. K. *Gil'gamesh i Enkidu. Epicheskie obrazy v iskusstve* [Gilgamesh and Enkidu. Epic Images in Art]. Moscow, Nauka, 1979. 219 p. (in Russian).
3. Bataille Zh. *Istoriya erotizma* [History of Eroticism]. Moscow, Logos, 2007. 200 p. (in Russian).
4. *Vvedenie v gendernye issledovaniya: uchebnoe posobie* [Gapova E., Goroshko E., Zdravomyslova E., Zhrebkin C., Zhrebkina I., Ivanova E., Karpenko E.,

Поступила в редакцию 22.03.2023; одобрена после рецензирования 01.05.2023; принята к публикации 09.06.2023
The article was submitted 22.03.2023; approved after reviewing 01.05.2023; accepted for publication 09.06.2023

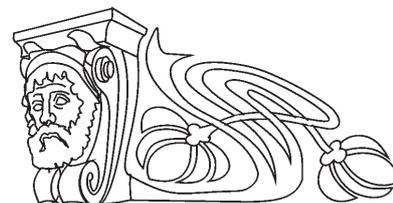
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 254–257

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 254–257

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-254-257>, EDN: NAADYA

Научная статья
УДК 115.4+165.19

Реляционный аспект неэмоциональности

Ж. Ю. Бакаева¹, И. В. Стеклова²✉

¹Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, Россия, 428015, г. Чебоксары, Московский проспект, д. 15

²Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Бакаева Жанна Юрьевна, доктор философских наук, профессор кафедры бухгалтерского учета и электронного бизнеса, zannabaka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5630-173x>

Стеклова Ирина Владимировна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Философия, социология, культурология», irinasteklova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7164-2313>

Аннотация. Введение. В статье представлен реляционный аспект неэмоциональности как вида познания и научного освоения действительности в частности. В центре внимания находятся неэмоциональные состояния, которые оказывают влияние на научную деятельность и характеризуют современный тип научной рациональности, а также реляционная концепция времени. Целью исследования становится изучение онтологических источников феномена неэмоциональности, условий и отношений, приводящих к креативным решениям. **Теоретический анализ.** Реляционный подход позволяет исследовать возможности разума в условиях состояния безэмоциональности как в научной деятельности, так и в познавательном процессе в целом. Неэмоциональность выполняет сигнальную и регулируемую функции, которые выражаются, во-первых, в том, что отсутствие переживаний возникает в связи со спецификой окружающей действительности или с изменениями в организме человека, и, во-вторых, неэмоциональность помогает преодолевать возникающие преграды и предотвращает нежелательную деятельность, т. е. регулятивные механизмы неэмоциональности могут как способствовать нарастанию эмоциональности, так и снимать ее избыток вплоть до полной блокировки. **Заключение.** Реляционный анализ феномена неэмоциональности раскрывает возможности человеческого разума в особых состояниях безэмоциональности осуществлять творческую деятельность, выходить из экстремальных ситуаций при решении исследовательских задач в научной деятельности.

Ключевые слова: время, восприятие, неэмоциональность, интерпретация, информативность, онтология, рациональность, сознание

Для цитирования: Бакаева Ж. Ю., Стеклова И. В. Реляционный аспект неэмоциональности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 254–257. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-254-257>, EDN: NAADYA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The relational aspect of non-emotionality

Zh. Yu. Bakaeva¹, I. V. Steklova²✉

¹Chuvashskiy gosudarstvennyy universitet I. N. Ulyanova, 15 Moskovskiy Ave., Cheboksary 428015, Russia

²Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

Zhanna Yu. Bakaeva, zannabaka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5630-173x>

Irina V. Steklova, irinasteklova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7164-2313>

Abstract. Introduction. The article presents the relational aspect of non-emotionality as a type of cognition and scientific development of reality in particular. The focus is on non-emotional states that influence scientific activity and characterize the modern type of scientific rationality, as well as the relational concept of time. The aim of the research in this regard is to study the ontological sources of the phenomenon of non-emotionality, the conditions and relationships that lead to creative solutions. **Theoretical analysis.** The relational approach allows us to explore the possibilities of the mind in a state of emotionlessness both in scientific activity and in the cognitive process as a whole. Non-emotionality performs signaling and regulatory functions, which are expressed, firstly, in the fact that the absence of feelings arises in connection with the specifics of the surrounding reality or together with changes in the human body, and, secondly, unemotionality helps to overcome emerging barriers and prevents unwanted activity, that is, the regulatory mechanisms of non-emotionality can contribute to both the growth of emotionality and remove its excess right up to a complete blockage. **Conclusion.** The relational analysis of the phenomenon of non-emotionality reveals the possibilities of the human mind in special states of unemotionality to carry out creative activity, to get out of extreme situations when solving research problems in scientific activity. **Keywords:** time, perception, non-emotionality, interpretation, informativeness, ontology, rationality, consciousness

For citation: Bakaeva Zh. Yu., Steklova I. V. The relational aspect of non-emotionality. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 254–257 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-254-257>, EDN: NAADYA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В условиях парадигмальной трансформации научной рациональности и из-за изменения социокультурного бытия современного человека, которое характеризуется такими категориями, как неустойчивость, динамика, нестабильность, проблема безэмоциональности становится актуальной. В настоящее время, во-первых, идет стремительное накопление информации, объем которой требует определенного времени для ее переработки и, во-вторых, необходимость знания различных иностранных языков в коммуникационных процессах, включая такой артефакт, как латинский язык, присутствующий в любом лингвистическом контексте, увеличивает количество знаков-символов в памяти человека в несколько раз. Данные факторы можно считать основаниями состояния неэмоциональности, возникающего в чрезвычайный момент, требующий выбора определенного вектора в направлении мышления. Неэмоциональность не отождествляется в данном случае с таким психологическим состоянием, как алекситимия, при котором человек теряет способность к проявлению и определению эмоций, так как люди в этом состоянии испытывают эмоции, но не могут их классифицировать. Одновременно исключается исследование апатии – безразличия, полного отсутствия эмоций, при которой не возникают желания и побуждения.

Исследование отсутствия проявления эмоций связано с проблемой времени, по-разному представляемой в истории философии. Компаративистский анализ методологий И. Канта, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, включающих темпоральные воззрения, связывающие время либо с чистым сознанием, либо с трансцендентальным всеобщим, либо с бытием в целом, с деятельностным подходом Л. В. Выготского позволяет в рамках реляционных представлений исследовать отношение безэмоциональной реакции на различные события, а феномен неэмоциональности предстать как ценность, понимаемую как отношение, и выявить его онтологическое начало, так как в данном состоянии человек испытывает эмоции, может рефлексировать, но не проявляет их в течение какого-то времени.

Теоретический анализ

Под влиянием современных цифровых информационных технологий появилась проблема, которая связана с интерпретацией изменения бессознательных эмоций и сведения их под влиянием

этой новой трансформации к состоянию безэмоциональности. Эмоция – это психический процесс, отражающий субъективное оценочное отношение к объективному миру и к возможным или существующим ситуациям. Эмоции бывают положительными, отрицательными или амбивалентными. Они возникают не по воле человека и порождают чувства, выполняя при этом следующие функции: коммуникативную – невербальное общение, позволяющее передать переживание и отношение к миру с помощью мимики; побудительную, связанную с оценкой событий и формированием поведения; оценочную – обобщенная оценка происходящих событий. Сравнительный анализ эмоциональности и безэмоциональности приводит к выводу о том, что для неэмоциональности тоже характерны данные функции, однако по содержанию они уже иные. Так, коммуникативная функция неэмоциональности выражается в отсутствии вербального и невербального общения, хотя и не отрицает определенного отношения к реальности; побудительная – приводит к формированию осторожного поведения на основе результатов, происходящих событий; оценочная функция не является быстрой, восприятие событий замедляется, эмоции как бы вытесняются из сознания, потому что человек не демонстрирует ни радости, ни восторга, ни удовольствия, ни печали, ни огорчения, ни гнева. Отсутствие проявления эмоций всегда носит временный характер, иначе речь должна идти о наличии состояния организма с нарушением его нормальной жизнедеятельности.

Размышляя о продолжительности времени, И. Кант заметил его зависимость от силы впечатления. Так, медленное течение времени ассоциировалось у него с монотонностью, а мгновенность – с богатым разнообразием образов и событий. По И. Канту способность человека что-либо забывать, вспоминать и предвидеть будущее служит условием формирования воззрений о настоящей ситуации и ее восприятии. И. Кант отмечал, что время является формой чувства или созерцанием собственного субъективного состояния [1, с. 74]. По его мнению, время выступает предпосылкой всего происходящего, непосредственным основанием душевных процессов и косвенно условием объективной реальности, т. е. «все предметы чувств существуют во времени и необходимо находятся в отношениях времени» [1, с. 74]. Определяя время как субъективное обстоятельство нашего созерцания, носящее чувственный характер, философ утверждал, что в отношении вещей, встречающихся в опыте, оно является объективным. Согласно трансцен-

дентальной идеальности времени по И. Канту время не может быть причислено к предметам ни как субстанция, ни как свойство [1, с. 75–76]. Поэтому время, как и пространство, понималось им как два источника познания, из которых могут возникнуть синтетические значения. В качестве примера И. Кант приводил математику, так как в рамках данной науки «дело касается знания о пространстве и его отношении» [1, с. 78]. Таким образом, неэмоциональность можно рассматривать как реляционный феномен.

В отличие от И. Канта Э. Гуссерль стремился выделить разные уровни абстракции и в соответствии с ними пытался более детально изучать время, которое для него – интуиция относительно сознания, средство для поиска абсолютной его основы. Э. Гуссерлю принадлежит обоснование сознания как объектно-субъектного синтеза, как целостного феномена. Он закладывает основания для креативной деятельности, причем не просто для создания чего-либо нового, а рассматривает направления познавательного поиска, в частности, в различных состояниях сознания, которые могут включать в себя индуктивно-дедуктивное мышление, строгость логического метода и оптимальное решение вопроса. Э. Гуссерль пишет, что «способность идеально овладевать общим в единичном, понятием в эмпирическом представлении, и при повторном представлении убеждаться в тождественности логического идеала есть условие возможности познания, мышления» [2, с. 247]. Философ указал на ограничение интеллектуальных сил человека, отмечая, что посредством символических процессов можно получать вполне верные результаты. При этом темпоральные структуры интенциональности по Э. Гуссерлю характеризуют восприятие в виде наброска или эскиза, конституируют данность предмета, т. е. феноменологическое данное представляет собой континуум перспектив, позволяющий человеку достраивать какой-либо образ. Анализ темпоральных воззрений философа приводит нас к выводу, согласно которому неэмоциональность можно рассматривать как искусственный прием, носящий характер приема «экономии мышления». М. Хайдеггер, в свою очередь, тоже отмечал зависимость человеческих действий от мышления. Концепция предварительного допонятийного понимания коррелирует у него с кантовским априоризмом, но специфика хайдеггеровского априоризма состоит в невозможности рационального анализа, так как речь идет о «врожденности» идей, трак-

туемых как предшествование познавательной деятельности. В связи с этим М. Хайдеггер утверждает, что бытие становится понятным лишь в горизонте времени [3].

Проблему восприятия времени в особых состояниях сознания анализировал У. Джемс. Он считал, что существуют коротковременные интервалы, которые не воспринимаются человеком. По У. Джемсу с продолжительными воспоминаниями связано время, которое мгновенно, но информационно содержательно, а время без событий имеет длительное течение, но ощущается как очень короткий период. У. Джемс и Истину трактовал как согласие с реальностью, как работоспособность, как полезное и выгодное. С его точки зрения, Истина – «мысль, которая успешно ведет нас от какой-нибудь одной части опыта к любой другой, которая целесообразно связывает между собой вещи, работает надежно, упрощает, экономизирует труд» [4, с. 47]. Он выдвигает прагматический критерий истинности, в соответствии с которым выгодно то, что отвечает успешности действия. В результате и неэмоциональность может восприниматься как условие в принятии решения проблемы.

Таким образом, время можно измерить числом воспринимаемых в определенный период событий, которые могут иметь как положительное, так и отрицательное значение. По мнению О. Г. Квасовой, трансформация перспективы в экстремальной ситуации приводит, во-первых, к негативным последствиям, подразумевающим редукцию и разрушение события, а во-вторых, к позитивным выводам, созидательным образам, а именно конституированию целостной временной перспективы [5, с. 10–11]. Влияние смысловой интенциональности безэмоциональности на определение и оценку события позволяет трактовать данный феномен как динамическое образование. Л. С. Выготский, в частности, утверждал, что чувства и эмоции вступают «в новые отношения с другими элементами душевной жизни, возникают новые системы, новые сплавы психических функций, возникают единства высшего порядка, внутри которых господствуют особые закономерности, взаимозависимости, особые формы связи и движения» [6, с. 326]. Подобным образованием, включающим различные уровни отношений, и является состояние безэмоциональности. Для того чтобы переработать информацию в знание, проанализировать его на различных реляционных уровнях и принять истинное решение, необходим определенный период времени. Чем больше информации и раз-

нообразнее смысловая комбинация, тем больше требуется времени на ее осмысление. Состояние неэмоциональности при этом выступает как защитная функция психики, оптимизирующая познавательный процесс. Именно поэтому ученые, имеющие широкий кругозор и большой творческий потенциал, пребывают часто в состоянии, которое можно определить как состояние тоски, но исследователь не грустит в таком настроении, он немногословен, настраивается на выработку знания и в момент принятия решения у него отсутствуют эмоции.

В качестве иллюстрации неэмоционального состояния выступает и такой феномен, как удивление. Однако, как правило, удивление определяют как когнитивную эмоцию, но оно длится всего лишь доли секунды, а за ним только могут следовать эмоции радости, страха, замешательства. И даже поднятие бровей – это уже следствие удивления, переход к эмоции. В момент удивления мышление очень интенсивно работает для принятия решения – это субъект-объектное отношение, оно является промежуточным звеном между эмоциональными состояниями и выполняет функцию приспособления нервной системы к изменениям окружающей среды. С ростом информации в современном мире безэмоциональность становится характерной чертой человека, что наиболее ярко проявляется в познавательной деятельности.

Заключение

Эмоциональный фон выступает аналогом слова и демонстрирует сенсорную обстановку. Он зависит от программы поведения человека и соотносится с рефлекторным принципом. Знак эмоции не представляет собой механизм действия. Он характеризует не саму эмоцию, а показывает актуальность того или иного поведения. Неэмоциональность же связана с отсутствием слова, которое можно считать ее онтологическим началом, сингулярной точкой – местом рождения чего-либо нового. Постнеклассическая научная рациональность характеризуется учетом отношений объекта, субъекта и средств познания,

поэтому реляционный аспект такого явления, как неэмоциональность, важен для понимания информационных процессов.

Список литературы

1. Кант И. Критика чистого разума. М. : Издательство Эксмо, 2007. 736 с.
2. Гуссерль Э. Логические исследования. Прологомены к чистой логике // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск : Сагуна, 1994. С. 175–353.
3. Хайдеггер М. Время и бытие. М. : Республика, 1993. 447 с.
4. Джемс У. Прагматизм. СПб. : Шиповник, 1910. 237 с.
5. Квасова О. Г. Трансформация временной перспективы личности в экстремальной ситуации // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 4. С. 109–117.
6. Выготский Л. С. К вопросу о психологии творчества актера // Собрание сочинений в 6 т. М. : Педагогика, 1984. Т. 6. С. 319–328.

References

1. Kant I. *Kritik der Vernunft*. Riga, Hartknoch, 1781. 865 S. (Russ. ed.: Kant I. *Kritika chistogo razuma*. Moscow, Eksmo, 2007. 736 p.).
2. Husserl E. *Logische Untersuchungen. Prolegomena zur reinen Logik*. Halle, 1900. 224 S. (Russ. ed.: Gussel E. *Logicheskie issledovaniya. Prolegomeny k chistoy logike. Filosofiya kak stroгая nauka*. Novocherkassk, Saguna, 1994, pp. 175–353).
3. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Niemeyer, Tübingen, 2006. 341 S. (Russ. ed.: Khaydegger M. *Vremya i bytiye*. Moscow, Respublika, 1993. 447 p.).
4. James W. *Pragmatism*. Harvard, University Press, 1975. 316 p. (Russ. ed.: Dzhems U. *Pragmatizm*. St. Petersburg, Shipovnik, 1910. 237 p.).
5. Kvasova O. G. Transformation of the temporal perspective of personality in an extreme situation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology], 2011, no. 4, pp. 109–117 (in Russian).
6. Vygotsky L. S. To the question of the psychology of the actor's creativity. In: Vygotsky L. S. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 6* [Collected Works: in 6 vols.]. Moscow, Pedagogy, 1984, vol. 6, pp. 319–328 (in Russian).

Поступила в редакцию 17.04.2023; одобрена после рецензирования 02.05.2023; принята к публикации 09.06.2023

The article was submitted 17.04.2023; approved after reviewing 02.05.2023; accepted for publication 09.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 258–261

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 258–261

<https://phpp.sgu.ru>

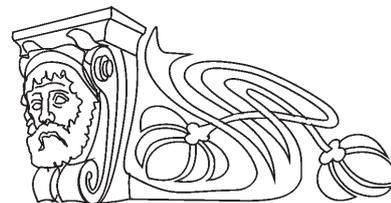
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-258-261>, EDN: OWRSCY

Научная статья

УДК 321.01

Синкретизм общества и государства в теории общественного договора Т. Гоббса

И. С. Голубев

¹Российский университет дружбы народов (РУДН), Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

²Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Голубев Иван Сергеевич, ¹ассистент кафедры социальной философии факультета гуманитарных и социальных наук, ²аспирант кафедры социальной философии и философии истории философского факультета, ivan-golubev-1997@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6939-0583>

Аннотация. Введение. В статье анализируется взаимосвязь общества и государства в теории общественного договора Т. Гоббса. Распространенная в отечественной философской мысли этатистская интерпретация его социально-политического учения, принципиально противопоставляющая обществу государству, как представляется, не отражает то понимание их взаимосвязи, которое фактически присуще договорной теории английского мыслителя. **Теоретический анализ.** Исходные концептуально-теоретические установки Т. Гоббса – это единство социогенеза и политогенеза, фактическое отождествление социальности и государственности, утверждение потребности в безопасности как важнейшего фактора перехода людей от «естественного состояния» к государственно-общественной организации их совместной жизни. Анализируя природу государственной власти, Т. Гоббс полагает, что политическая деятельность суверена как источника и носителя первой подчиняется, прежде всего, интересам управляемого им общества. **Заключение.** Этатистская интерпретация взаимосвязи общества и государства не находит достаточного подтверждения в теории общественного договора Т. Гоббса. Проведенный анализ позволил выявить, что для английского мыслителя было характерно представление о синкретизме общества и государства, подразумевающим единство процессов социогенеза и политогенеза и, соответственно, одновременное возникновение этих форм организации совместной жизни людей.

Ключевые слова: государство, общество, теория общественного договора, суверен, государственность, социальность

Для цитирования: Голубев И. С. Синкретизм общества и государства в теории общественного договора Т. Гоббса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 258–261. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-258-261>, EDN: OWRSCY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The State-Society syncretism in Thomas Hobbes' theory of social contract

I. S. Golubev

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia

²Lomonosov Moscow State University, GSP-1, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Ivan S. Golubev, ivan-golubev-1997@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6939-0583>

Abstract. Introduction. The article analyzes the state-society relationship in the theory of social contract by T. Hobbes. The etatist interpretation of his socio-political doctrine, widespread in Russian philosophical thought, fundamentally opposing society to the state, does not seem to reflect the understanding of their relationship. From our point of view this is inherent in the contractual theory of the English thinker. **Theoretical analysis.** The author shows that the original conceptual and theoretical principles of T. Hobbes are the unity of sociogenesis and politogenesis, the actual identification of sociality and statehood, and the assertion of the need for security as the most important factor in the transition of people from the «state of nature» to the state-public organization of their life together. Analyzing the nature of state power, T. Hobbes believes that the political activity of the sovereign, as the source and bearer of the first, is subject, first of all, to the interests of the society he controls. **Conclusion.** The etatist interpretation of the state-society relationship does not find sufficient confirmation in the theory of the social contract of T. Hobbes. The analysis made it possible to reveal that his point of view on this problem can be described with the idea of the syncretism of society and the state, which implies the unity of the processes of sociogenesis and politogenesis and, accordingly, the simultaneous emergence of these forms of common life.

Keywords: state, society, social contract theory, sovereign, statehood, sociality

For citation: Golubev I. S. The State-Society syncretism in Thomas Hobbes' theory of social contract. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 258–261 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-258-261>, EDN: OWRSCY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В отечественной социально-философской литературе, рассматривающей теорию общественного договора Т. Гоббса, преобладает традиция характеризовать ее как главным образом этатистски ориентированную. Этой позиции придерживались и такой видный специалист в области философии права начала XX в., как П. И. Новгородцев [1], и авторитетные советские и российские исследователи В. В. Соколов [2], В. С. Нерсесянц [3] и Л. С. Мамут [4]. Утверждению этатистской интерпретации теории Т. Гоббса способствовало, на наш взгляд, прежде всего, недостаточное внимание к его важнейшему тезису об *одновременном* возникновении общества и государства. Игнорирование исследователями сущностного единства генезиса этих форм социально-политической организации совместной жизни людей закономерно приводило к последующему концептуальному «раздвоению» общества и государства при анализе договорной теории английского мыслителя и в дальнейшем к их резкому противопоставлению. Это, в свою очередь, повлияло на распространение сугубо односторонней трактовки гоббсовского понимания государственной власти, как в принципе не сочетающейся с интересами общества и в конечном счете направленной против действительных интересов человека.

Теоретический анализ

Анализ учения Т. Гоббса о договорном происхождении государства позволяет выделить в качестве одной из важнейших для него концептуально-теоретических установок генетическое единство общества и государства. Так, еще до «Левиафана» в работе «О гражданине» он, употребляя понятия «государство» и «общество» в качестве синонимов, поясняет, что возникающая в результате всеобщего соглашения общность людей «называется государством, или гражданским обществом, а также гражданским лицом; ибо, поскольку воля всех едина, общество следует рассматривать как одно лицо... Государство (по нашему определению) есть одно лицо, воля которого в силу соглашения многих людей признается волей их всех...» [5, с. 331]. Это же интегративное по сути понимание государства и общества сохраняется и в «Левиафане»: «Государство есть единое лицо (one person), ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло

использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты» [6, с.135]. Современный отечественный исследователь Ю. Н. Давыдов, характеризуя гоббсовскую идею единства процессов социогенеза и политогенеза, ведущую фактически к полному совпадению «начала государства» и «начала общества», пишет, что в целом «Гоббс не мыслит никакого различия государства и общества, которое могло бы раздвоить единый принцип образования того и другого (в одном и том же акте)» [7, с. 134].

В этой связи важно отметить также неразрывную взаимосвязь социальности и государственности в теории английского мыслителя. Предметом общественного договора между индивидами, каждый из которых живет в «естественном состоянии» сам по себе, согласно Т. Гоббсу становится учреждение такой формы организации их совместной жизни, при которой будет, безусловно, обеспечено прекращение «войны всех против всех». В результате достижения соответствующего соглашения появляется государство, цель которого состоит в *регламентировании социально приемлемых* форм поведения людей, что и означает фактическое возникновение общества. Это понимание генезиса и функций государства как формы организации социальной жизни общества в целом – ключевой пункт всей социальной философии Гоббса. Ее исходный постулат заключается в том, что возникновение государства равнозначно установлению социального порядка как такового. Соответственно, социальность для него оказывается принципиально неотделимой от государственности, что позволяет сделать вывод о присущем ему своеобразном синкретизме в понимании феноменов государства и общества.

Об этом синкретизме свидетельствует также высокая оценка Т. Гоббсом роли потребностей человека (прежде всего потребности в безопасности) как главного фактора «подталкивающего» к заключению «общественного договора» и учреждению государства. Именно для обеспечения безопасности в результате соглашения между людьми и устанавливаются социально приемлемые, а в некоторых случаях даже общеобязательные формы поведения индивида. Иными словами, общество в опоре на мощь государственной власти «формально-юридически» закрепляет совершаемый индивидом отказ от произвольного выбора средств удовлетворения собственных потребностей, а взамен учрежденное отказавшимися от этих своих возможностей индиви-

дами, государство-общество предоставляет им гарантии обеспечения личной безопасности. Т. Гоббс специально подчеркивает в разных местах «Левиафана», что «цель государства – главным образом обеспечение безопасности» [6, с.129] и что «обязанности суверена... определяются той целью, ради которой он был облечен верховной властью, а именно целью обеспечения безопасности народа» [6, с. 260]. Собственно, можно сказать даже, что главный смысл государственности-социальности, с точки зрения Т. Гоббса, практически состоит в обеспечении безопасного существования индивидов. Следует отметить, что увеличение возможностей государства в его политическом учении по существу равнозначно укреплению безопасности его граждан. Именно поэтому согласно Т. Гоббсу власть государства-общества должна быть сколь возможно более полной или даже всеобъемлющей, ведь «государство установлено не ради себя, но ради граждан» [5, с. 401]. Усиление государственной власти на языке его теории означает не только увеличение безопасности жизнедеятельности людей, но и как следствие расширение их возможностей в удовлетворении индивидуальных потребностей. Поэтому подчинение власти, как считает английский мыслитель, обусловлено не только гражданскими обязанностями людей, но и их личными интересами.

Присущий договорной теории Т. Гоббса синкретизм общества и государства проявляется, наконец, и в его концепции суверена как источника и носителя государственной власти, в рамках которой, как отмечают, в частности, К. Шмитт [8] и Л. Штраус [9], он показывает, что деятельность суверена принципиально не противоречит интересам индивидов. Более того, все возможности государства, сила государственной власти базируются, в первую очередь, на соглашении между людьми. Гоббс приходит к выводу, согласно которому суверен потому и постольку «возвышается» над отдельным индивидом, поскольку его власть по сути представляет собой собранную воедино силу граждан, которые, образовав сообщество, отказались в его пользу от своих политических притязаний и полномочий. Именно это и побуждает-вынуждает каждого из них подчинять-согласовывать свои личные интересы с интересами других людей. Как пишет современный российский исследователь политической философии Нового времени А. В. Магун, суверен в договорной теории английского мыслителя «создается самим обществом и является его функцией», а его (суверена) «мощь – это объединенная мощь самого общества» [10, с. 279].

Таким образом, усиление власти суверена не обязательно ведет к конфликту между обществом и государством. Напротив, анализ социально-политического учения английского мыслителя позволяет утверждать, что в своей теории он исходит из принципа «больше государства – больше безопасности для всех». Как отмечают в этой связи Дж. Л. Коэн и Э. Арато, в политическом учении Т. Гоббса «государство можно было отождествить с общественным благосостоянием (commonwealth) или гражданским/политическим обществом «...», поскольку «власть суверена является единственным гарантом “социальной” связи, между отдельно взятыми людьми, по природе своей асоциальными, но рациональными» [11, с. 136]. Поэтому можно констатировать, что Т. Гоббс понимает государство скорее как благо для индивида, что в принципе не укладывается в рамки этатистской интерпретации его учения о происхождении государства.

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что идея противопоставления общества и государства не находит достаточного подтверждения в договорной теории Т. Гоббса. Проведенный анализ показал, что для английского мыслителя было характерно представление о синкретизме общества и государства, подразумевающее единство социогенеза и политогенеза, практическое тождество государственности и социальности. О синкретизме этих форм организации совместной жизни людей в его договорной теории свидетельствует также и его концепция суверена, политическая сила которого есть в то же время сила управляемого им общества. Можно утверждать, что сугубо этатистская интерпретация договорной теории Т. Гоббса не соответствует пониманию взаимосвязи общества и государства.

Список литературы

1. Новгородцев П. И. Лекции по истории философии права. М. : URSS, 2011. 352 с.
2. Соколов В. В. Бытие, познание, человек и общество в философской доктрине Томаса Гоббса // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М. : Мысль, 1991. Т. 1. С. 3–65.
3. Нерсесянц В. С. Философия права: учебник для вузов. М. : Норма, 2005. 656 с.
4. Мамут Л. С. Этатизм и анархизм как типы политического сознания. М. : Наука, 1989. 258 с.
5. Гоббс Т. О гражданине // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М. : Мысль, 1991. Т. 1. С. 270–506.

6. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М. : Мысль, 1991. Т. 2. С. 3–590.
7. Давыдов Ю. Н. Социальная мысль в контексте общенаучных программ XVII–XVIII вв. // История теоретической социологии. Предыстория социологии. М. : Академический Проект; Гаудеамус, 2010. С. 119–142.
8. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб. : Владимир Даль, 2006. 299 с.
9. Strauss L. The Political Philosophy of Hobbes. Its basis and its genesis. Chicago & London: University of Chicago Press, 1996. 196 p.
10. Магун А. В. Единство и одиночество: Курс политической философии Нового времени. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 544 с.
11. Коэн Дж. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М. : Весь мир, 2003. 784 с.
4. Mamut L. S. *Etatizm i anarkhizm kak tipy politicheskogo soznaniya* [Etatism and Anarchism as Types of Political Consciousness]. Moscow, Nauka, 1989. 258 p. (in Russian).
5. Gobbs T. De Cive. In: Gobbs T. *Sochinenija: v 2 t.* [Essays: in 2 vols.]. Moscow, Mysl', 1991, vol. 1, pp. 270–506 (in Russian).
6. Gobbs T. Leviathan, or Matter, the form and power of the state, ecclesiastical and civil. In: Gobbs T. *Sochinenija: v 2 t.* [Essays: in 2 vols.]. Moscow, Mysl', 1991, vol. 2, pp. 3–590 (in Russian).
7. Davydov Yu. N. Social Thought in the Context of General Scientific Programs XVII–XVIII ct. In: *Istoriya teoreticheskoi sotsiologii. Predystoriya sotsiologii.* Moscow, Akademicheskij Proekt, Gaudeamus, 2010, pp. 119–142 (in Russian).
8. Shmitt K. *Leviafan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbsa* [Leviathan in the Doctrine of the State by Thomas Hobbes]. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2006. 299 p. (in Russian).
9. Strauss L. *The Political Philosophy of Hobbes. Its basis and its genesis.* Chicago & London, University of Chicago Press, 1996. 196 p.
10. Magun A. V. *Edinstvo i odinochestvo: kurs politicheskoi filosofii Novogo vremeni* [Unity and Solitude: A Course in the Political Philosophy of Modern Era]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 544 p. (in Russian).
11. Cohen D. L., Arato E. *Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaya teoriya* [Civil Society and Political Theory]. Moscow, Ves' mir, 2003. 784 p. (in Russian).

References

Поступила в редакцию 06.05.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 09.06.2023
The article was submitted 06.05.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 09.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 262–266

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 262–266

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-262-266>, EDN: IJIVHU

Научная статья

УДК 37.013.41

Искусственный интеллект: мифологии social studies

А. А. Дыдров

¹Южно-Уральский государственный университет, Россия, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76

²Челябинский государственный университет, Россия, 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129

Дыдров Артур Александрович, доктор философских наук, ¹профессор кафедры философии ИМСГН ЮУрГУ, ²профессор кафедры философии, dydrovaa@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5693-9258>

Аннотация. Введение. Социальная интеграция комплексных трендовых технологий перманентно сопровождается мифологизацией инноваций и созданием особых дискурсов, функционирующих на основе вторичных семиотических систем. Традиционно тенденция связывается с обывательскими (пользовательскими) дискурсивными практиками. Гипотеза исследования заключается в том, что мифологизация – сложный процесс, протекающий не только в границах непрофессиональных сообществ, но и в научном мире. **Теоретический анализ.** Мифология технологий (technological mythology) возникла на Западе в контексте общественных наук и носит преимущественно эмпирический, научно-исследовательский бэкграунд. На сегодняшний день разработано несколько вариаций концептуализации мифологии в отношении к технологиям, которые необходимо существенно дополнять и уточнять. **Эмпирический анализ.** Генеральным методом исследования является контент-анализ научной базы данных Scopus в сфере общественных наук (social sciences). В фокусе внимания находилась тематика искусственного интеллекта как титульной конвергентной технологии. Референтная база включает научные труды за десятилетие (2010–2020 гг.), объединенные тематикой, предметом и ключевыми словами. **Заключение.** Исследовательские практики в области искусственного интеллекта имеют практически 60-летнюю историю, что позволяет в перспективе сопоставить результаты аналитики, выявить генетические закономерности и особенности научного дискурса, сопоставить результаты анализа западного контента с российским, определив ключевые дискурсивные спецификации.

Ключевые слова: мифология технологий, мифологизация, мифологема, искусственный интеллект, общественные науки, контент-анализ

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда. Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Для цитирования: Дыдров А. А. Искусственный интеллект: мифологии social studies // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 262–266. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-262-266>, EDN: IJIVHU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Artificial intelligence: Mythologies of social studies

A. A. Dydrov

¹South Ural State University, 76 Lenin Ave., Chelyabinsk 454080, Russia

²Chelyabinsk State University, 129 Brothers Kashirin St., Chelyabinsk 454001, Russia

Artur A. Dydrov, dydrovaa@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5693-9258>

Abstract. Introduction. The social integration of complex technologies is constantly accompanied by the mythologization of innovations and the creation of special discourses that function on the basis of secondary semiotic systems. Traditionally, the trend is associated with philistine (user) discursive practices. The hypothesis of the study is that mythologization is a complex process that takes place not only within the boundaries of non-professional communities, but also in the scientific world. **Theoretical analysis.** The technological mythology originated in the West in the context of the social sciences and has a predominantly empirical research background. Today several variations of the conceptualization of mythology in relation to technologies have been developed, which need to be significantly supplemented and refined. **Empirical analysis.** The general research method is the content analysis of the Scopus scientific database in the field of social sciences. The focus was on the topic of artificial intelligence as the main convergent technology. The reference base includes scientific papers for the decade (2010–2020), united by the theme, the subject and keywords. **Conclusion.** Research practices in the field of artificial intelligence have almost 60 years of history, which allows us to compare the results of analytics in the future, identify genetic patterns and features of scientific discourse, contrast the results of the analysis of Western content and Russian one, by identifying key discursive specifications.

Keywords: technological mythology, mythologization, mythologeme, artificial intelligence, social sciences, content-analysis

Acknowledgements: The work was supported by the Russian Science Foundation. Contest "Conducting Basic Scientific Research and Exploratory Scientific Research by Individual Scientific Groups" (regional competition) 22-18-20011 "Digital Literacy: Interdisciplinary Research (Regional Aspect)".

For citation: Dydrov A. A. Artificial intelligence: Mythologies of social studies. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 262–266 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-262-266>, EDN: IJVNHU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В ситуации полидискурсивности, иными словами, в контексте «грамматики множественности», дискурсы специфицируются своей особой маркировкой, размечающей межвидовые границы. В частности, распространено мнение, согласно которому обывательские дискурсы оперируют общеупотребительным корпусом естественного языка. Для профессиональных высказываний, напротив, характерны специальные семантические барьеры (в первую очередь, терминологический), требующие определенного уровня подготовки.

Обозначенная позиция позволяет не без удобства демаркировать сложные дискурсивные конструкции и сводить их к инвариантным видовым признакам. Логическая структуризация, аргументированность, методичность, идейная фундированность и т. д. суть специфические модуляции научного дискурса, не присущие эклектическим обывательским пропозициям, в которых синтезируются коннотации, различные типы языков, аналогические дефиниции, ориентация на стереотипические мнения и пр. Обобщая, можно сказать, что обывательский дискурс, в отличие от научного интенсивно пользуется мифологемами (в частности, переносами значения) и перманентно создает вторичные семиотические конструкции. В действительности видовые границы проницаемы, что приводит к междискурсивной диффузии. Наиболее отчетливо диффузия проявляется в эклектических дискурсах типа публицистического или научно-популярного с терминологической редукцией, сознательным упрощением (или вынесением за скобки) методологии, продуцированием простых схем и моделей, частотным иллюстрированием, аналогизацией и т. д. Де-факто мифологизация, выраженная продуцированием переносных значений и вторичным семиозисом, характерна и для обывательских, и для научных дискурсивных практик. Последние в определенном смысле не автономны от циркулирующих в социуме и культуре образов, хотя и пытаются минимизировать издержки использования чужеродных языков. Научный тезаурус непосредственно зависит от социальных трендов, интенсификации

инноваций. Следовательно, он не только теоретически фундирует технологические разработки, но и генерирует смыслы постфактум, когда новация уже интегрирована в процесс социальной абсорбции. Научный дискурс имплицитно и эксплицитно функционирует как эталон объективности и одновременно как эклектическое образование, состоящее из пропозиций различной квалификации.

Теоретический анализ

Исследование непрофессиональных дискурсов в контексте высокотехнологического мейнстрима активно обсуждалось благодаря фундаментальному труду Э. Дэвиса «Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху», в котором проанализированы многочисленные оккультные практики т. н. «техномистицизма» [1]. В книге М. Дери «Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков» детально рассмотрены кейсы из сферы искусства. Спецификация научно-публицистического труда заключается в апелляции к популистским дискурсам специалистов-технологов (в частности, стенограмма интервью со специалистом в области робототехники Г. Моравеком [2]). Обозначенные работы существенно повлияли на формирование технологической мифологии как сферы научно-исследовательской деятельности. Философская концептуализация техномифологии представлена в книге V. Mosco «The digital sublime: myth, power, and cyberspace» [3]. Автор анализирует популярные концепции «конца истории», «постиндустриального общества», «глобальной деревни», формулируя тезисы о рециклинге мифологии и ее деструктивном заряде. Последний направлен на маскировку исторической преемственности социально-экономического уклада. Мифологический флер катализирует процессы «общественной амнезии» в отношении к политике прошлого, ее издержкам и репрессивным механизмам. Специализированный ракурс технологической мифологии представлен в исследованиях J. P. Singh [4], S. Natale & A. Ballatore [5] и некоторых других авторов. Указанные ученые акцентируют внимание на стереотипах и в общем плане вторичном семиозисе вокруг инфокоммуникацион-

ных технологий и искусственного интеллекта (далее – ИИ). Тема мифологизации ИИ актуальна не только в контексте бытовых пропозиций, но и официальных публичных экспертных дискурсов. Однако обозначенная тема заслуживает отдельного исследования и в данном случае мы не будем ее касаться. Методология аналитики социальных практик, концентрирующихся вокруг технологического мейнстрима, может продуктивно использоваться и в специализированном плане. В частности, в фокусе внимания могут оказаться профессиональные дискурсы. Одним из них – статистически с большим удельным весом – является дискурс западных social science. Исследования в этой области велись с 70-х гг. Аналитика научной базы данных результируется экспоненциальным ростом публикаций в области ИИ.

Эмпирический анализ

Качественный контент-анализ индексированных публикаций Scopus (период 2010–2020 гг.) позволил выявить 3 ключевых исследовательских тренда – технологический, социальный и антропологический. Первый занимает лидирующие позиции, что сближает дискурс западных общественных наук с дискурсом технических, второй задается интеграцией ИИ в социальные сферы и общественные отношения, деятельность сообществ (например, медицину, образование, экологию, юридические практики и т. д.). Третий, в свою очередь, конституируется антропологами (понятиями достоинства, субъективации и др.). Перечень трендов позволяет систематизировать спорадические исследовательские задачи и выявить наиболее частотные фокусы внимания, в определенном смысле формирующие мейнстрим social sciences. В границах каждого условно выделенного тренда обозначаются относительно стабильные узловые точки научного интереса. В границах каждого тренда и конкретного направления ежегодно проводятся десятки исследований. Многие из них носят прикладной характер и содержат фактологические и расчетные данные (например, моделирование оптимизации транспортных потоков). Однако значительное число научных трудов отрасли social sciences включают в себя исследовательские оценочные коннотативные пропозиции, определенное видение «перспектив», «рисков» и «угроз» развития технологии. В рамках исследования не ставилась цель составить исчерпывающий перечень коннотаций ИИ. Мы укажем на некоторые результаты, сформули-

ровав определенные условные мифологические «паттерны». Концептуализация технологической мифологии может спровоцировать дискуссии, что и представляется продуктивным подходом для дальнейшего уточнения и корректировки результатов:

Паттерн «антропологизация» («гомоморфизм»). Разработка ИИ, по распространенному убеждению, должна опираться на данные о так называемом «естественном» интеллекте. Следовательно, для создания интеллектуальной системы в принципе необходимо анализировать идеи, мысли и поведение человека [6, р. 1]. Аналогизм также нередко выражается в новообразованных понятиях типа «знания внутри машины» (досл. «the knowledge within the machine» [7, р. 15]). В недавнем прошлом в social sciences возник термин «искусственный интеллект, ориентированный на человека» (в ориг. «Human-Centered Artificial Intelligence», «гуманоцентрический» ИИ). Его определяют (коннотируют) как «обеспечивающий доверие», «понимающий человека» и т. д. [8]. ИИ устойчиво вписывается в сверхинтенсивную тенденцию «смартизации», т. е. буквально обслуживает веру в генезис «умных» пространств, вещей, отношений и деятельности. Характерным трендом современности является маркировка традиционно высокотехнологических практик (например, медицинской диагностики) как «умных».

Паттерн «исторификация». Для изменения удельного веса процесса или события дискурс прибегает к конструированию исторического основания. Исторификация реализуется с помощью нескольких техник: связки предмета с известными событиями («У ведет начало от Х»), фигурами («сам Х повлиял на возникновение Y») и указания на давность лет. Характерная цитата: «Искусственный интеллект существует уже более шести десятилетий и пережил зимы и весны. Рост суперкомпьютерной мощности и технологий больших данных, по-видимому, расширил возможности ИИ в последние годы» [8].

Паттерн «хронотоп». Конституируется базовыми топологическими понятиями «расширяется», «углубляется» и пр. Характерный пример: «Новое поколение ИИ быстро расширяется» [6, р. 63]. Семантика элементарных топологических понятий связана с исчислимостью и мерой. Однако эти понятия используются без научной рефлексии и являются, вероятно, наиболее популярными маркерами, фиксирующими неопределенно «высокий» статус технологии. Технология как будто самостоятельно аннексирует пространство, позиционируется в качестве

автономной силы (величины), действующей по собственным законам. Она «автономно» действует не только в пространстве, но и во времени, детерминируя спектр сценариев будущего: «... Может предвещать утопическое будущее, в котором человечество гармонично сосуществует с машинами, или предвещать антиутопический мир, наполненный конфликтами, бедностью и страданиями. В ближайшем будущем искусственный интеллект ускорит наш прогресс в достижении целей устойчивого развития» [9, р. 100330].

Паттерн «революция». С высокой частотой в дискурсах *social sciences* фигурирует маркер «будущее», с которым сопрягают «революционный» заряд технологии. Данная мифологема локализуется в частных пропозициях, например: «Искусственный интеллект революционизирует сетевую архитектуру умного города» [4, р. 102364] и т. д. Будущее интегрировано в структуру мифологема как качественно иная в сравнении с настоящим и прошлым модальность. Привычная нерефлективная маркировка будущего как особого «активного» модуса («модус-актант») интегрирована и в научный дискурс («будущее грядет», «наступает», «обещает», «обеспечит» и т. д.). Характерный пример: «Будущее обещает создание технологий, разработанных специально для обучения и преподавания, путем объединения возможностей AIED [досл. «искусственный интеллект в образовании». – А. Д.] с достижениями в области робототехники и все более широким использованием сенсорных устройств для наблюдения за нашим окружением и действиями» [10, р. 701].

Заключение

Обозначенные паттерны не исчерпывают тему мифологизации научного дискурса. В данном исследовании они представлены в общем виде, однако в границах каждого можно выделять специфические кластеры, синтезирующие гомогенные, или близкие, мифологема. Демифологизирующий исследовательский дискурс связывает мифологию не только с социальными рисками, но и с категорией «возвышенное». Таким образом, под мифологию подводится метафизический субстрат, превращающий ее не только в трансэпохальный феномен, но и в пространство формирования идеалов. Помимо «метафизической» интерпретации, широко распространен психологический вариант дескрипции роли мифологизации. В частности, мифодискурсы катализируют процессы соци-

альной абсорбции новаций, способствующей трансформации последних в инновации. Мы позиционируем мифологические дискурсы и контекстуально технологическую мифологию как синтетическое образование, интегрированное в процессы символической языковой игры. Вопрос о рефлексивности этих образований является открытым, так как в противном случае следовало бы признать, что технологическая мифология либо суть специально конструируемые пропозиции, созданные с целью скрыть нечто эссенциальное и подлинно значимое, либо результирующая шаблонного стереотипического мышления. Редукция к строго определенной маркировке может неоднозначно сказаться на способе восприятия предмета исследования. Демифологизирующая процедура ориентирована на вскрытие условности мифологии, конституируемой сдвигами значения и дающей на выходе смысловые новообразования. Их конкретная оценка зависит от социального запроса и установок в границах конкретных экспертных процедур. Не исключается, что сами экспертные установки и процедуры не фокусируются на объективности в угоду социально-политическим, экономическим и культурным трендам.

Список литературы

1. Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. М.: АСТ, 2008. 408 с.
2. Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков. М.: АСТ МОСКВА, 2008. 478 с.
3. Mosco V. The Digital Sublime. Myth, Power, and Cyberspace. Massachusetts: The MIT Press, 2005. 230 p.
4. Singh S. Convergence of blockchain and artificial intelligence in IoT network for the sustainable smart city // Sustainable Cities and Society. 2020. № 63. Article number 102364. <https://doi.org/10.1016/j.scs.2020.102364>
5. Natale S., Ballatore A. Imagining the thinking machine: Technological myths and the rise of artificial intelligence // Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies. 2020. № 1. P. 3–18. <https://doi.org/10.1177/1354856517715164>
6. Duan Y. Artificial intelligence for decision making in the era of Big Data – evolution, challenges and research agenda // International Journal of Information Management. 2019. Vol. 48. P. 63–71. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2019.01.021>
7. London A. J. Artificial Intelligence and Black-Box Medical Decisions: Accuracy versus Explainability // Hastings Center Republic. 2019. № 49 (1). P. 15–21. <https://doi.org/10.1002/hast.973>
8. Reis J. Artificial Intelligence Research and Its Contributions to the European Union's Political Governance: Comparative Study between Member States // Social Science. 2020. № 9 (11). P. 1–17. <https://doi.org/10.3390/socsci9110207>

9. Goralski M. Artificial intelligence and sustainable development // *International Journal of Management Education*. 2020. Vol. 18. I. 1. Article number 100330. <https://doi.org/10.1016/j.ijme.2019.100330>
10. Timms M. Letting Artificial Intelligence in Education Out of the Box: Educational Cobots and Smart Classrooms // *International Journal of Artificial Intelligence in Education*. 2016. № 26. P. 701–712. <https://doi.org/10.1007/s40593-016-0095-y>
5. Natale S., Ballatore A. Imagining the thinking machine: Technological myths and the rise of artificial intelligence. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*, 2020, no. 1, pp. 3–18. <https://doi.org/10.1177/1354856517715164>
6. Duan Y. Artificial intelligence for decision making in the era of Big Data – evolution, challenges and research agenda. *International Journal of Information Management*, 2019, vol. 48, pp. 63–71. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfor.2019.01.021>
7. London A. J. Artificial Intelligence and Black-Box Medical Decisions: Accuracy versus Explainability. *Hastings Center Report*, 2019, no. 49 (1), pp. 15–21. <https://doi.org/10.1002/hast.973>
8. Reis J. Artificial Intelligence Research and Its Contributions to the European Union’s Political Governance: Comparative Study between Member States. *Social Science*, 2020, no. 9 (11), pp. 1–17. <https://doi.org/10.3390/socsci9110207>
9. Goralski M. Artificial intelligence and sustainable development. *International Journal of Management Education*, 2020, vol. 18, I. 1, article no. 100330. <https://doi.org/10.1016/j.ijme.2019.100330>
10. Timms M. Letting Artificial Intelligence in Education Out of the Box: Educational Cobots and Smart Classrooms. *International Journal of Artificial Intelligence in Education*, 2016, no. 26, pp. 701–712. <https://doi.org/10.1007/s40593-016-0095-y>

References

1. Davis E. *Tekhnognozis: mif, magiya i mistitsizm v informatsionnyu epokhu* [Techgnosis: Myth, Magic and Mysticism in the Age of Information]. Moscow, AST, 2008. 408 p. (in Russian).
2. Dery M. *Skorost' ubeganiya: kiberkul'tura na rubezhe vekov* [Escape Velocity: Cyberculture at the End of the Century]. Moscow, AST MOSKVA, 2008. 478 p. (in Russian).
3. Mosco V. *The Digital Sublime. Myth, Power, and Cyberspace*. Massachusetts, The MIT Press, 2005. 230 p.
4. Singh S. Convergence of blockchain and artificial intelligence in IoT network for the sustainable smart city. *Sustainable Cities and Society*, 2020, no. 63, article no. 102364. <https://doi.org/10.1016/j.scs.2020.102364>

Поступила в редакцию 26.03.2023; одобрена после рецензирования 08.05.2023; принята к публикации 09.06.2023
The article was submitted 26.03.2023; approved after reviewing 08.05.2023; accepted for publication 09.06.2023

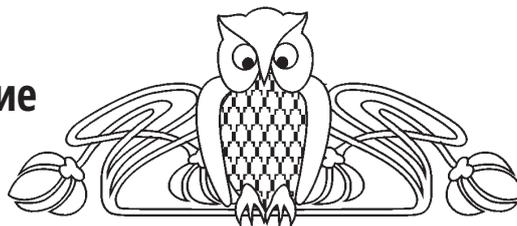

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 267–271
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 267–271
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-267-271>, EDN: KGGAFТ

Научная статья
УДК 101.1:316

Социокультурные и антропологические вызовы начала XXI века

Е. В. Листвина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Листвина Евгения Викторовна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии культуры и культурологии, listvamer@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2179-6477>

Аннотация. Введение. В статье рассматривается проблема, связанная с активным вторжением в нашу жизнь новых технологий, гаджетов, того, что теперь обобщенно стало называться искусственным интеллектом. Усиление виртуального, появление медиaprостранства, онлайн-культуры, онлайн-мира, технологического комфорта, цифрового мира начинает качественно менять человека, влиять на его атрибутивные качества, это казались неотъемлемыми и знаковыми. **Теоретический анализ.** Общество начинает реагировать на совокупность трансформаций рядом новых противоречий, особым социальным напряжением. Внедрение искусственного интеллекта ставит под вопрос творческое начало в человеке, приводит к разделению общества на немногочисленных профессионалов, находящихся в гуще цифровой технологии, и большинство непрофессионалов. Виртуализация также ослабила понимание физических границ тела и умение разумно пользоваться его ресурсами. Отмечается угроза приватной уникальности человека как социальной и культурной составляющей, которая проявляется посредством коммуникации, развивается в социокультурной среде. Предполагается, что для среднего пользователя персонального компьютера в ближайшем будущем может быть уготована роль воспроизводящей информацию машины, тогда как искусственный интеллект будет выполнять креативную роль, что отличала в свое время человека. **Заключение.** Рассмотренные выше тезисы приводят к вопросу: насколько общество, создав технологии, обеспечило их вписанность в социальное пространство, насколько социум в целом готов к тому, чтобы существовать вместе с искусственным интеллектом в сопрягающихся реальном и виртуальном мирах и что необходимо предпринять для сохранения индивида и общества? Результаты технологического прорыва первых десятилетий XXI в. ставят общество перед сложным выбором баланса между качественными изменениями социума, антропологическими качествами человека и сохранением атрибутивных свойств индивида и социума.

Ключевые слова: современная социокультурная ситуация, искусственный интеллект, социокультурная коммуникация, медиасреда, медиaprостранство

Для цитирования: Листвина Е. В. Социокультурные и антропологические вызовы начала XXI века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 267–271. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-267-271>, EDN: KGGAFТ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Socio-cultural and anthropological challenges at the beginning of the 21st century

E. V. Listvina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Evgeniya V. Listvina, listvamer@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2179-6477>

Abstract. Introduction. The article deals with the problem associated with the active invasion of new technologies, gadgets, and what has now been generically called artificial intelligence into our lives. The strengthening of the virtual, the emergence of media space, online culture, the online world, technological comfort, the digital world are beginning to qualitatively change a person, influence his attribute qualities that seemed integral and iconic. **Theoretical analysis.** Society begins to react to the totality of transformations with a number of new contradictions, special social tension. The introduction of artificial intelligence calls into question the creativity of a person, leads to the division of society into a few professionals who are in the thick of digital technology, and the majority of non-professionals. Virtualization has also weakened the understanding of the physical boundaries of the body and the ability to use its resources wisely. There is a threat to the private uniqueness of a person as a social and cultural component, which manifests itself through communication, and develops in a socio-cultural environment. It is assumed that for the average user of a personal computer in the near future, the role of a machine reproducing information may be prepared, while artificial intelligence will perform a creative role that at one time distinguished a person. **Conclusion.** The theses discussed above lead to the question: to what extent society, having created technologies, has ensured their inclusion in the social space, to what extent society as a whole is ready to exist together

with artificial intelligence in the interfacing real and virtual worlds, and what needs to be done to preserve the individual and society? The results of the technological breakthrough of the first decades of the XXI century put society in front of a difficult choice of a balance between qualitative changes in society and anthropological qualities of a person and the preservation of the attributive properties of the individual and society.

Keywords: modern socio-cultural situation, artificial intelligence, socio-cultural communication, media environment, media space

For citation: Listvina E. V. Socio-cultural and anthropological challenges at the beginning of the 21st century. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 267–271 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-267-271>, EDN: KGGAFТ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Современное общество начала XXI в. сталкивается с рядом проблем, аналогов которым не наблюдалось в предыдущие столетия. Это требует осмысления представителями всех сфер современной науки, в том числе и учеными-гуманитариями. Общественные, культурные, коммуникационные, профессиональные трансформации привлекают внимание социальных философов, стремящихся анализировать новые социокультурные феномены. К ним в том числе можно отнести и происходящие изменения в социуме, связанные с активным вторжением в нашу жизнь новых технологий, гаджетов, того, что теперь обобщенно стало называться искусственным интеллектом. Понимая несомненную пользу и в ряде случаев позитивные плоды данных явлений, необходимо комплексно рассмотреть результаты присутствия данных технологий и проследить их влияние на современное общество.

Теоретический анализ

Обращаясь к поставленной проблеме, нужно отметить, что уже на протяжении как минимум двух десятилетий ученые отслеживают быстрое и неоднозначное развитие обозначенного феномена [1–5]. Все больше и больше философов начинает волновать вопрос о том, как данные трансформации меняют самого человека. Ведь общество в целом еще привыкло смотреть на любое новое изобретение как бы отстраненно и утилитарно, не учитывая специфики его воздействия на самого человека. А ведь именно в этом и кроется основная проблема сегодняшнего дня. И мы видим, как в ряду определений человека – от человека разумного, человека делающего, человека играющего, человека символического – может появиться еще одно – человек расчеловеченный. С чем это может быть связано?

В первую очередь это может быть связано с тем, что усиление виртуального, появление медиапространства, онлайн-культуры, онлайн-мира, технологического комфорта, цифрового

мира, в который погружается все общество независимо от степени желания и потребностей, начинает качественно менять человека, влиять на его атрибутивные качества, что казались неотъемлемыми и знаковыми. В принципе мы переживаем период в развитии социума, сходный с процессами XVI–XVII вв., когда формировались абсолютно новые социоэкономические отношения и вследствие их изменилось не только экономическое содержание социума и формы производства, но и сами принципы формирования человека, его ценностное содержание, социокультурное наполнение. Этот болезненный процесс сейчас видится сквозь призму истории и воспринимается не так остро, как его переживали современники. Ведь появление большого процента асоциальных элементов в рассматриваемый период было связано в том числе и с тем, что часть людей просто не смогла осмыслить, принять новые виды существования и коммуникации. Сходные процессы наблюдаются и сейчас, когда, по мнению Г. Стэндинга, появляется прекариат – новый нарождающийся класс как ответ на изменившиеся условия бытия, но еще не сформировавший свое классовое видение социальных процессов. Да и в целом общество становится более рыхлым, подвижным, изменчивым. Все это влияет на него и на каждого его члена, если так можно сказать, достаточно агрессивно. Правда, следует заметить, что внедрение машин и технологий полтысячелетия назад, хоть и способствовало повлечению новых социальных отношений, социальной иерархии и пр., не изменило качественно одного – машина зависела от человека и без его воздействия не могла функционировать. Сейчас же мы видим принципиально новый подход к присутствию техники в жизни общества и человека: техника становится все более «умной» и сама может решать, что ей делать для человека. Ярким примером этому служит «умный дом», реагирующий и на внешние условия, и на организм человека, решая, например, включить или не включить отопление, электрический свет. Таким образом, человек в прямом смысле зависит от действия машины, хоть когда-то и задал ей параметры для этих действий.

Социум практически не заметил, как новые технологии проникли в его повседневную, быденную жизнь, начав активно регулировать ее. Степень этого проникновения доказывает тот факт, что в 1998 г. папа Иоанн Павел II санкционировал для католиков празднование дня Интернета 4 апреля, а с 2003 г. назвал св. Исидора Севильского, чей день памяти приходится на 4 апреля, покровителем пользователей компьютеров и Интернета. Конечно, многие исследователи говорят об инструментальной функции медиареальности, искусственного интеллекта, который создан человеком, является результатом его деятельности и закодирован для решения инструментальных задач [4, с. 40]. Таким образом, отмечают сторонники этой точки зрения, данная совокупность технических возможностей способствует облегчению рутинной работы, ускорению в достижении искомого результата. Однако никто не может отрицать, что одна из основных задач искусственного интеллекта заключается в имитации интеллектуальных структур Homo Sapiens и возможности принимать решения без участия человека [4, с. 40]. В чем же тогда будет участвовать человек, если стремление облегчить некоторые физические аспекты своего труда в XXI в. он довел до появления технологий, вытесняющих его мыслительную, аналитическую и проективную деятельность, фактически то, что мы называем его качественными атрибутивными характеристиками?

Даже если представители современного социума не анализируют эти вопросы, они присутствуют в обществе, и само общество реагирует на совокупность трансформаций рядом новых социокультурных элементов, поведенческих реакций особым общественным напряжением, социальным натяжением новых противоречий. Выделим некоторые из них.

Так, уже отмечалось, что, внедряя искусственный интеллект, социум предполагает заменить им некоторые громоздкие, физически и когнитивно сложные или, наоборот, рутинные действия человека. Не случайно сейчас нередко можно встретить информацию о том, какие специальности исчезнут в ближайшие десятилетия. К ним чаще всего относят такие профессии, как учителя, преподаватели, библиотекари, офисные служащие, юристы, нотариусы, диагносты, аналитики, испытатели, дизайнеры. Если ранее было понятно, что, например, должны исчезнуть профессии, не требующие активной интеллектуальной деятельности – грузчики, контролеры, вахтеры, то теперь под угрозой находятся люди профессий, требующих образования, вложения

средств для их получения, до недавнего времени бывших статусными и престижными. Важно отметить, что в их число стали попадать направления деятельности, требующие креативности и творчества, и это становится решающим маркером в качественном изменении общества. Интерес представляет пример существующего с 2011 г. в Осакском университете проекта «Спектакли с участием роботов» [5, с. 144]. В рамках этого проекта на сцене вместе играют андроиды и обыкновенные актеры. И те и другие вызывают чувство сопереживания, смешивания в одном культурном пространстве доселе несоединимых элементов и в то же время чувство опасности вытеснения живых актеров роботами. Таким образом, внедрение искусственного интеллекта ставит под вопрос творческое начало в человеке.

С одной стороны, некоторая небольшая часть социума сможет реализовывать свои креативные возможности, но с другой – большая часть общества оказывается в положении примитивного потребителя результатов деятельности гаджетов, не развивая в себе когнитивного и творческого потенциала, а также выполняя неинтеллектуальную и не требующую усилий работу. В качестве примера можно привести удивительный феномен, с которым сталкивался, пожалуй, каждый из нас: мы задействуем множество гаджетов, выстраиваем информационные цепочки связей, чтобы сделать заказ товара, но приносит его нам живой человек, приезжающий чаще всего на экологическом виде транспорта – велосипеде. То есть вся эта сложная технологическая пирамида низводит человека до одного из элементов в технологической логистике, а также приводит к разделению общества на немногочисленных профессионалов, находящихся в гуще цифровой технологии, и большинство непрофессионалов.

Такая ситуация подводит нас к следующей проблеме. Все более глубокое погружение в цифровое виртуальное пространство, исключающее человека из реальной жизни, способствует тому, что определенная часть общества, особенно молодежь, в силу объективных причин оказавшаяся в виртосфере глубже, чем старшие поколения, «теряет» ощущение себя в реальном мире, часто даже не осознавая этого. Особенно данный феномен выражен в киберспорте, файтинге, практически полностью заменяющими в виртуальной реальности борьбу спортсменов на арене. Однако такая разбалансировка не проходит бесследно, и поэтому молодые люди стремятся почувствовать свое живое присутствие в обществе, в мире, но это стремление к физической проявленности, к участию в практической деятельности может

принимать не всегда адекватные формы. Хорошо, если это выражается в практикоориентированных проектах, но могут иметь место и экстремальное движение «зацеперов», паркур, телесные эксперименты, когда складывается впечатление, что виртуализация ослабила понимание физических границ своего тела и умение разумно пользоваться его ресурсами.

Следующим противоречием, или проблемой, является проблема коммуникации. С одной стороны, современные технологии предоставляют обществу разнообразные возможности социального взаимодействия, а с другой – лишают индивида живой коммуникации. Обратим внимание еще раз на то, какие профессии находятся под угрозой вымирания благодаря появлению искусственного интеллекта – это в первую очередь профессии, связанные с коммуникацией: преподаватели, библиотекари, юристы, врачи. Наверное, для алгоритмизированной машины, выполняющей множество операций в секунду (но все же в заданной последовательности) это не является вопросом. Но каким образом такая тотальная алгоритмизация может заменить уникальное в каждом случае межличностное, человеческое, социальное, ментальное, психологическое взаимодействие – для человека в принципе не понятно. Ведь любой случай в медицине – это совокупность сложнейших нюансов, воспитание и преподавание основано на умении раскрыть индивидуальные качества человека. Фактически возникает угроза приватной уникальности человека как социальной и культурной составляющей, которая проявляется посредством коммуникации, развивается в социокультурной среде. Главная задача образования в предыдущие века – учить думать, выстраивать причинно-следственные связи, создавать собственный интеллектуальный продукт. Сейчас даже не требуется серьезное умение искать информацию, поскольку это делает компьютер. Получается, что для среднего пользователя персонального компьютера в ближайшем будущем может быть уготована роль воспроизводящей информацию машины, тогда как искусственный интеллект будет выполнять креативную роль, что отличала в свое время человека.

Человек – существо общественное, и формирование каждого члена общества происходит именно через реальное взаимодействие, включающее в себя сплав всех задействованных социобиологических и социокультурных качеств, что является результатом длительного существования человека как вида. Переноса часть коммуникации на «боты», виртуальных

голосовых помощников, которые могут вести диалог, решать задачи и прочее, вступая в коммуникацию с ними, человек как бы сам предлагает вывести себя из коммуникационного процесса, тем более, что некоторые гаджеты могут распознавать друг друга и взаимодействовать, минуя человека. При этом сами представители социума теряют коммуникационный навык, глубину и контекстность общения, скользя по информационному пространству.

Заключение

Обозначив некоторые, наиболее яркие, на наш взгляд, проблемы, которые воспринимаются как вызовы современному социуму, можно отметить следующее.

Ставя амбициозные технологические задачи, современное общество фактически бросило вызов своим фундаментальным, атрибутивным характеристикам. Раздвигая границы виртуального мира и населяя его новыми технологическими феноменами, общество столкнулось с качественно новыми явлениями, трансформирующими его сущностные основы. Это происходит в достаточно быстром темпе, когда в течение первых двух десятилетий XXI в. мы буквально оказались в новом мире, еще не до конца раскрывшем свои возможности, которые прирастают и меняются каждый день. В связи с этим встает вопрос: насколько общество, создав технологии, обеспечило их вписанность в социальное пространство? Насколько социум в целом готов к тому, чтобы существовать *вместе* с искусственным интеллектом в сопрягающихся реальном и виртуальном мирах? Создав в сущности новый медиамир, человек оказался перед лицом сложнейших проблем, которые часто пока еще масштабнее его самого. Следовательно, перед ним встает задача – не только освоить этот мир, но и научиться вступать с ним в коммуникации, создавать новые виды взаимодействия между членами общества и в рамках новых технологий, с самими технологиями, чтобы сохранить свои атрибутивные качества.

Список литературы

1. Листвина Е. В., Орлов М. О. Жизненное пространство цивилизаций // Философия и общество. 2007. № 1 (45). С. 174–189.
2. Афанасьева В. В. Тотальность виртуального. Саратов : Научная книга, 2005. 103 с.
3. Листвина Е. В., Фролова С. М. Социокультурные аспекты межпоколенческих коммуникаций в циф-

- ровую эпоху // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 369–373. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-369-373>
4. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 35–47. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.03>
5. Басалаева О. Г. Особенности взаимосвязи интеллектуальной культуры, искусственного интеллекта и творческого процесса // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 40. С. 140–145.
2. Afanaseva V. V. *Totalnost virtualnogo* [The Totality of the Virtual]. Saratov, Nauchnaya kniga, 2005. 103 p. (in Russian).
3. Listvina E. V., Frolova S. M. Sociocultural aspects of intergenerational communications in the Digital Age. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 369–373 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-369-373>
4. Rezaev A. V., Tregubova N. D. “Artificial intelligence”, “on-line culture”, “artificial sociality”: Definition of the terms. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2019, no. 6, pp. 35–47 (in Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.03>
5. Basalaeva O. G. The peculiarity of relationship of intellectual culture, artificial intelligence and creative process. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2017, no. 40, pp. 140–145 (in Russian).

References

Поступила в редакцию 22.05.2023; одобрена после рецензирования 07.06.2023; принята к публикации 09.06.2023
The article was submitted 22.05.2023; approved after reviewing 07.06.2023; accepted for publication 09.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 272–276

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 272–276

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-272-276>, EDN: JHSIHT

Научная статья

УДК 101:282

Социальная справедливость в философии ислама

А. В. Муратов

Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Муратов Алексей Владимирович, преподаватель-исследователь, специалист по связям с общественностью управления международных коммуникаций, alieksei.muratov.82@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-4527-3837>

Аннотация. Введение. В статье рассматривается взгляд на социальную справедливость через призму философии ислама, проблема ее изучения и анализа в ракурсе трактовки и интерпретаций сакральных текстов. Проанализирована теоретическая социальная база, заложенная в Коране и сунне, а также, социальная модель, выстроенная в эпоху правления четырех «праведных халифов». В качестве иллюстрации применения основных методов исламской теологии в отношении вопросов социальной философии приведены некоторые конкретные примеры. **Теоретический анализ.** Предпринятый сравнительный анализ позволяет говорить о тщательно проработанной теоретической базе, регулирующей вопросы социальной справедливости в исламе, необходимости использования основанной на ней легитимной методологии и инструментария при выведении тех или иных социальных норм во избежание спекулятивных суждений. **Заключение.** Результатом данного исследования является вывод об универсальности принципов социальной справедливости философии ислама, важности изучения его социальной функции. При этом за эталон взята первоначальная модель, заложенная в его первоисточниках. В качестве исключения рисков трансформации, обусловленных влиянием на мусульманские общества различных социально-философских, политических и других идей, вышедших не из его основ, необходимо последовательное применение определенной методологии анализа исламских доктрин.

Ключевые слова: социальная философия, ислам, справедливость, основа, методология

Для цитирования: Муратов А. В. Социальная справедливость в философии ислама // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 272–276. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-272-276>, EDN: JHSIHT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Social justice in the philosophy of Islam

A. V. Muratov

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

Alexey V. Muratov, alieksei.muratov.82@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-4527-3837>

Abstract. Introduction. The article discusses the view on social justice through the prism of the philosophy of Islam, the problem of its study and analysis, from the perspective of explanation and interpretation of sacred texts. The theoretical social base laid down in the Koran and the Sunnah, as well as the social model built during the reign of the four “righteous caliphs” are analyzed. To illustrate the application of the basic methods of Islamic theology to questions of social philosophy, some concrete examples are given. **Theoretical analysis.** The conducted comparative analysis allows us to conclude that there is a carefully developed theoretical base regulating the issues of social justice in Islam, the need to use a legitimate methodology and tools based on it in deriving certain social norms in order to avoid speculative judgments. **Conclusion.** The result of this study is the conclusion about the universality of the principles of social justice in the philosophy of Islam, the importance of studying its social function. In this regard the original model laid down in its primary sources is taken as a standard. As an exception to the risks of transformation caused by the influence on Muslim societies of various socio-philosophical, political and other ideas that did not come out of its foundations, it is necessary to consistently apply a certain methodology for analyzing Islamic doctrines.

Keywords: Social philosophy, Islam, justice, basis, methodology

For citation: Muratov A. V. Social justice in the philosophy of Islam. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 272–276 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-272-276>, EDN: JHSIHT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Социальная сущность философии ислама прослеживается уже в первых строках Священного Корана. Так, в первой суре «Аль-Фатиха», название которой в переводе с арабского означает «Открывающая», являющейся обязательной частью ежедневной пятикратной молитвы, после слов восхваления Аллаха следует обращение от лица всего общества. Стоит отметить, что независимо от того, совершает верующий личную или коллективную молитву, он произносит формулу «Тебе одному мы поклоняемся и Тебя одного мы молим о помощи. Веди нас прямым путем...» (Коран, 1:5-6) без изменения. В свою очередь как сакральные тексты, так и история становления ислама, указывают на его важную социальную функцию. Однако в силу различных исторических процессов, политических преобразований и других подобных факторов некоторые институты и принципы социального характера подвергались изменениям, вплоть до полного упразднения.

Теоретический анализ

Проблема изучения и анализа первооснов социальной философии Ислама как эталона модели идеального исламского общества во многом обусловлена интенсивным развитием и растущем влиянием исламского компонента на культурную, социальную, политическую и экономическую жизнь современного общества. «Проникновение ислама во все сферы жизни отдельных государств и усиление влияния на международные отношения сегодня приобретает все более зримые очертания» [1, с. 5].

Актуальность данной проблематики обусловлена также трансформацией некоторых фундаментальных принципов ислама. Важно отметить, что данная трансформация зачастую служила причиной волнений, восстаний и прочих конфликтов в исламском мире на протяжении всей истории [2].

Отличительная особенность ислама состоит в тесной взаимосвязи его метафизической и бытийной составляющих. Религиозные предписания касаются не только обрядовых и духовных практик, но и всех вопросов жизнедеятельности. Консенсусом мусульманских теологов принято разделять предписания ислама на три составляющие: «ибадат» (вопросы поклонения), «муамалат» (предписания, регулирующие мирские взаимоотношения) и «укубат» (предписания, определяющие наказания за нарушения положений шариата) [3].

Главными задачами в данном направлении являются анализ и осмысления фундаментальных источников, аккумулирующих в себе составляющие факторы социального прогресса, а также изучение и применение методологии работы с этими источниками.

Основными источниками, регламентирующими социальную сферу мусульманского общества, выступают непосредственно сам текст Священного Корана, Сунна пророка и наследие четырех «праведных халифов».

Методология работы с текстом Корана, тесно связана с «наукой тафсира, детально выработана и описана мусульманскими учеными. Под наукой тафсира подразумевается теоретическая основа методологии интерпретации текста Священного Корана. Так, к основным методам относят «ат-тафсир би аль-маасур», или толкование, основанное на придании, и «ат-тафсир би ар-раи», или толкование, базирующееся на умозрительном заключении.

Первый метод включает в себя непосредственную работу с текстом самого Корана. Среди его инструментов разъяснение кратко изложенного смысла понятий в контексте определенного аята, более широкого смысла тех же понятий, содержащихся в других местах писания. Еще одним инструментом является выделение и суммирование коранических аятов в определенной тематике. Примером может послужить 32-й аят суры Ан-Нур, затрагивающий социальную сферу, транслирующий приказ сочетать браком холостых, условия которого разъясняются 23-м аятом суры Ан-Ниса.

Используя эти и другие инструменты работы с текстом самого Корана, исследователь прибегает к интерпретации анализируемого аята или суры посредством пророческого предания – сунны. Рассматриваются причины и условия ниспослания данного аята, высказывания самого пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует. В качестве примера применения данного метода можно рассмотреть одно из разъяснений коранического предписания о дозволенности торговли и запрете лихоимства. Социальный вред ростовщичества для многих очевиден. Однако касательно торговли в исламе поощряется здоровая рыночная конкуренция и запрещена монополия, а также скупка товаров первой необходимости с целью перепродажи по более высокой цене. Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал по этому поводу следующее: «Человек, повышающий цены на что-либо необходимое для мусульман, заслуживает того,

чтобы Всевышний Аллах в День Воскресения сверг его в великое пламя» [4, с. 69].

Далее используются мнения сподвижников – «сахабов» и их учеников – «табиитов». Комментарии сподвижников относительно положений Корана делятся на три категории:

1) комментарии, передаваемые непосредственно от пророка, да благословит его Аллах и приветствует, разъясненные и переданные им самим;

2) комментарии, передаваемые непосредственно от пророка, да благословит его Аллах и приветствует, но разъясненные и переданные от себя;

3) комментарии, основанные на личном суждении [5].

Иллюстрацией применения данного метода может послужить положение касательно «завадж аль мутаа» (брак на заранее оговоренный срок. – А. М.). Это социальное явление часто встречалось в первое время распространения ислама и основывалось на 4-й коранический аят суры Ан-Ниса.

Представители некоторых исламских сект разрешают вступать во временный брак, ссылаясь на мнение авторитетного сподвижника Абдуллы ибн Аббаса. Однако, опровергая данное суждение, следует отметить, что впоследствии Абдулла ибн Аббас отказался от этой точки зрения, так как до него дошло, что пророк, да благословит его Аллах и приветствует, запретил данный вид брака. Мудрость дозволенности временного брака в первые времена ислама заключалась в постепенном искоренении такой социальной болезни, как беспорядочные половые связи. Аналогично распространялось постепенное ограничение на употребление алкоголя, который был запрещен в 3 этапа [6].

Второй метод – ат-тафсир би ар-раи – включает в себя лингвистический аспект разбора коранических понятий, а также умозрительную интерпретацию, в основе которой лежит определенный перечень требований к уровню компетенций исследователя. Стоит оговориться, что если первый метод в исламской теологии принимается практически безоговорочно, то второй воспринимается неоднозначно в силу наличия риска субъективных ошибок и искажений исследователя [7]. Палитра видов умозрительных интерпретаций коранических предписаний весьма обширна. Такая интерпретация может отражать правовые, политические, идеологические и другие воззрения автора. Однако следует отметить, что лингвистическое толкование наименее спорно с точки зрения приемлемости в ортодоксальной исламской

традиции. В силу данного обстоятельства некоторые теологи относят его также и к первому методу – ат-тафсир би аль-маасур, так как в его основу заложена интерпретация в соответствии с понятийным аппаратом современников появления Корана. Одним из примеров подобного толкования служит предписание, обуславливающее определенную модель поведения в обществе и имеющее важнейшее значение в повседневной жизни как ритуальное омовение. Интерпретируя аят об обязательности омовения «...или имели близость с женщинами...» (Коран, 4:43), где при вариативности прочтения слова «لمستهم» – «близость», данная обязанность может быть предписана в случае интимной близости, а может лишь в случае прикосновения [6]. На основе первого суждения строится вывод Ханафитской правовой школы о необязательности совершения ритуального омовения при соприкосновении мужчины и женщины. Вторая интерпретация лежит в основе Шафиитской правовой школы, согласно которой при соприкосновении мужчины и женщины необходимо ритуальное омовение. Соответственно, данное обстоятельство существенным образом влияет на общественную сферу, так как омовение служит условием обязательной молитвы, посещения мечети и легитимности молитвы имама, возглавляющего коллективную молитву.

Другим важным источником изучения социальной философии ислама является сунна. Традиционно под ней понимается пророческое предание, высказывания и поступки пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует. Являясь по сути сводом, определяющим основной цивилизационный вектор исламской парадигмы, Коран опускает детальные аспекты своей социальной доктрины. Исходя из этого, данную функцию берет на себя сунна как предмет, более широко охватывающий весь спектр социальных коммуникаций.

Работа с сунной также имеет свои особенности. В отличие от Корана во времена зарождения ислама сунна фиксировалась лишь в устной форме. В силу данного обстоятельства средневековым богословам, фиксирующим сунну письменно, пришлось выработать целую систему определения достоверности и фальсификации. Разработан и подробно описан в трудах по хадисоведению ряд критериев приемлемости хадисов, а также их классификация [8]. Соответственно, при анализе принципов социальной философии Ислама, аргументируя определенные утверждения посредством сунны, необходимо учитывать эти критерии. В силу

многочисленности переданных сообщений, охватывающих практически все аспекты как личной, так и общественной жизни пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует, его сунна также является моделью реализации самых разнообразных социальных, экономических и политических решений. По оценкам исследователей он был «единственной личностью в истории, сумевшей добиться величайшего успеха и с религиозной и с общественно-политической точки зрения» [9, с. 9]. В свою очередь тематика хадисов обуславливается субъектом реализации своих предписаний. Данными субъектами может быть как индивид, так и конкретная социальная группа, социум в целом. Подобное утверждение уместно подкрепить тезисом о том, что «он был не только великим социально-политическим реформатором, но и обыкновенным человеком» [9, с. 12].

Следующий источник изучения путей социальной стабильности – модель, сформированная во времена «праведных халифов» и служащая эталоном в соответствии с сунной и консенсусом мусульманских богословов. Традиционно под «праведными халифами» понимают первых четырех халифов, являющихся сподвижниками пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует, практически с начала пророческой миссии, сыгравших ключевую роль в становлении ислама как социальной религии.

Так, первый «праведный халиф» Абу Бакр в самое сложное время зарождения ислама, являясь выходцем из богатой семьи, активно выкупал и освобождал рабов. Став халифом в результате проведения выборов (что служило основой легитимности власти в исламе, которая была упразднена позднее, во времена Омейядского халифата в пользу династического пути передачи власти. – А. М.), после смерти пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует, пробыв халифом всего 2 года, он сумел вновь консолидировать распадающееся на племена аравийское общество.

Второй «праведный халиф» Умар ибн аль-Хаттаб был первым, кто совершил молитву у Каабы, создав прецедент для мусульманского общества, блокируемого правящей Мекканской элитой от претензий на равноправное посещение социально значимых мероприятий. Будучи на посту халифа, он заложил основу системы государственного управления, социальной, экономической и других сфер. Не лишним будет подчеркнуть, что управляющей экономикой Медины, что эквивалентно современному министру экономики, была назначена женщина.

Таким образом, был создан очередной прецедент социального равенства и справедливости, при котором женщина получила право занимать важные государственные посты.

Халиф Усман ибн Аффан при переселении в Медину, начало которого знаменовало зарождение первых основ теперь уже полноценного исламского общества, выкупил долю собственности колодца, из которого жители за установленную плату по определенным дням пополняли запасы пресной воды. Вступив в долевою собственность, он упразднил плату за пользование колодцем в принадлежащие ему дни, что стало социально значимым проектом для населения Медины. Став третьим «праведным халифом», Усман ибн Аффан унифицировал свод Корана, кодифицированный в различных канонических вариантах, что приводило к разночтениям при вынесении решений в тех или иных вопросах духовной и общественной жизни в различных частях разрастающегося халифата.

Четвертый «праведный халиф» Али ибн Абу Талиб во имя сохранения социальной стабильности, несмотря на активное давление, отказывался проводить незамедлительные репрессии в отношении мятежников, осуществивших покушение на его предшественника Усмана ибн Аффана. Важно отметить, что данная группа имела определенное влияние на общественное мнение и резкие действия в отношении их могли спровоцировать социальный взрыв и раскол в обществе.

Заключение

Социальная стабильность выступает одним из основополагающих факторов успешного общества, в то время как социальная справедливость служит основой социальной стабильности. На сегодняшний день мусульмане, традиционно являясь одним из основных компонентов российского общества, играют важную социальную роль в его развитии. Стоит отметить, что в основные, фундаментальные принципы ислама заложена концепция справедливости. Таким образом, мы приходим к выводу о необходимости изучения социальной функции ислама, взяв за эталон первоначальную модель, заложенную в его первоисточниках. В качестве исключения рисков трансформации, обусловленных влиянием на мусульманские общества различных социально-философских, политических и других идей, вышедших не из его основ, необходимо последовательное применение определенной методологии анализа

исламских доктрин. Очевидно, что результаты подобных исследований могут быть весьма востребованы и полезны в современном обществе.

Список литературы

1. Ахунув А. М., Ахмадуллин В. А., Беккин Р. И., Долгов Б. В., Емельянов А. Л., Ефимова Л. М., Рыжкова Е. А., Сапронова М. А., Сурков Н. Ю., Суворова Ю. К., Ходынская-Голенищева М. С. Ислам в мировой политике в начале XXI века : учебное пособие / под ред. Л. М. Ефимовой, М. А. Сапроновой. М. : Издательство «МГИМО-Университет», 2016. 345 с.
2. Ибяттов Ф. М. Социально-экономическая философия ислама в свете иранского исторического опыта // Дискуссия. 2011. №8. С. 63–69.
3. Кулиев Д. Т. Шариат и фикх: понятие, источники и соотношение // Исламоведение. 2020. №1. С. 13–25. <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2020-11-1-13-25>
4. Чехранова А. В., Богоявленский О. В. Особенности кросс-культурного менеджмента с бизнесом исламского мира // Science Rise. 2014. Т.5, № 3. С. 67–74. <https://doi.org/10.15587/2313-8416.2014.32890>
5. دراسات في التفسير و مناهجه / جاعة دبي الدولية للقرآن الكريم، دبي / عيادة بن أيوب الكبيسي/ 107 (Ияда бин Айюб Аль-Кубайси/ Уроки тафсира и его метода/ Джааза Дубай ад-даулия лиль-Куран аль-Карим, Дубай, 2013. 107 с).
6. التفسير اللغوي للقرآن الكريم في لسان العرب/ دار الايمان/ إسكندرية / يعقوب حسن المشهداني/ 224 (Якуб Хасан Аль-Машхадани/ Лингвистическое толкование Священного Корана в «Лисан аль-араб» / Дар аль-иман / Александрия, 2007. 224 с.)
7. Гибадуллин Р. М. Исламская герменевтика и экзегетика как конституирующая основа института улемов // Ислам в современном мире. 2018. № 4. С. 149–172. <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2018-14-4-149-172>
8. Азами М. М. Хадисоведение : учебное пособие. Казань : Российский исламский институт, 2015. 123 с.
9. Вагабов М. В. Мухаммад – родоначальник ислама и гениальная личность // Исламоведение. 2009. № 1. С. 6–17.

References

1. Akhunov A. M., Akhmadullin V. A., Bekkin R. I., Dolgov B. V., Emel'yanov A. L., Efimova L. M., Ryzhkova E. A., Sapronova M. A., Surkov N. Yu., Suvorova Yu. K., Khodynskaya-Golenishcheva M. S. *Islam v mirovoy politike v nachale XXI veka : uchebnoye posobie* [L. M. Efimova, M. A. Sapronova, eds. Islam in World Politics at the Beginning of the XXI Century: Study Guide]. Moscow, MGIMO-University Publ., 2016. 345 p. (in Russian).
2. Ibyatov F. M. Socio-economic philosophy of Islam in the light of the Iranian historical experience. *Diskussiya* [Discussion], 2011, no. 8, pp. 63–69 (in Russian).
3. Kuliev D. T. Sharia and Fiqh: Concept, Sources and Relation. *Islamovedeniye* [Islam Studies], 2020, no. 1, pp. 13–25 (in Russian). <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2020-11-1-13-25>
4. Chekhranova A. V., Bogoyavlensky O. V. Features of cross-cultural management with the business of the Islamic world. *Science Rise*, 2014, no. 3, pp. 67–74 (in Russian). <https://doi.org/10.15587/2313-8416.2014.32890>
5. دراسات في التفسير و مناهجه / جاعة دبي الدولية للقرآن الكريم، دبي / عيادة بن أيوب الكبيسي/ 107 [Iyada bin Ayub Al Kubaysi. Dirasat fi attafsir va manahijuhu]. Dubai International Holy Quran Award. Dubai, 2013. 107 p. (in Arabic).
6. التفسير اللغوي للقرآن الكريم في لسان العرب/ دار الايمان/ إسكندرية / يعقوب حسن المشهداني/ 224 [Yaqub Hasan Al Mashhadani. Attafsir allugavy Al Quran Al Karim fi lisan al arab]. Dar Al-Iman. Alexandria, 2007. 224 p. (in Arabic).
7. Gibadullin R. M. Islamic hermeneutics and exegesis as the constitutive basis of the Ulama Social Institute. *Islam v sovremennom mire* [Islam in the Modern World], 2018, no. 4, pp. 149–172 (in Russian). <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2018-14-4-149-172>
8. Azami M. M. *Hadisovedeniye* [Hadith Studies]. Kazan, Russian Islamic Institute Publ., 2015. 123 p. (in Russian).
9. Vagabov M. V. Muhammad is the founder of Islam and a brilliant personality. *Islamovedeniye* [Islamic Studies], 2009, no. 1, pp. 6–16 (in Russian).

Поступила в редакцию 03.04.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 09.06.2023
The article was submitted 03.04.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 09.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 277–281
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 277–281
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-277-281>, EDN: EGQTZU

Научная статья
УДК 111.5

М. Маклюэн: между медиумом и медиатизацией

Р. В. Пеннер

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Россия, 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, д. 76

Пеннер Регина Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, pennerrv@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3277-7274>

Аннотация. Введение. Статья посвящена ключевым идеям теоретика медиа М. Маклюэна. В своих трудах канадский культуролог и филолог концептуализировал наступление эры нового, «электронного» человека и самой эпохи электронных медиа. **Теоретический анализ.** Из-под пера М. Маклюэна вышли работы, в определенном смысле сформировавшие направления и стилистику изучения медиа в социальном контексте: «Механическая невеста: Фольклор индустриального человека» (1951 г.), «Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего» (1962 г.), «Понимание медиа: Внешние расширения человека» (1964 г.). В соответствии с его позицией электронные медиатехнологии можно понимать как медиум, средство общения. Они прошли становление от простейших звуковых сигналов к знакам на различных поверхностях (от наскальной живописи до современного алфавита) и электронному сигналу. **Заключение.** Несмотря на противоречивость фигуры М. Маклюэна в среде теоретиков медиа, эпистемологической ценностью обладает взгляд автора на электронные медиа, согласно которому предлагается некая «ренессансная», поворотная призма, что среди прочего использована в концепции глобальной деревни. Ценность этой идеи обусловлена тенденцией на сближение пользователей современных коммуникационных технологий (например, социальные сети) и медийной трансформацией самой эпохи.

Ключевые слова: медиа, электронные медиа, цифровые медиа, цифровая антропология, медиум, М. Маклюэн

Благодарности. Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук МК-2592.2022.2 «Цифровая антропология: теоретические и прикладные аспекты».

Для цитирования: Пеннер Р. В. М. Маклюэн: между медиумом и медиатизацией // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 277–281. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-277-281>, EDN: EGQTZU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

M. McLuhan: Between medium and mediatization

R. V. Penner

South Ural State University (National Research University), 76 Lenin prospekt, Chelyabinsk 454080, Russia

Regina V. Penner, pennerrv@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3277-7274>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the key ideas of the media theorist M. McLuhan. The Canadian culturologist and philologist conceptualized the advent of the era of a new, “electronic”, person and new electronic media. **Theoretical analysis.** M. McLuhan’s works, in a certain sense, shaped the direction and style of studying media in a social context, “The Mechanical Bride: Folklore of Industrial Man” (1951), “The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man” (1962), “Understanding Media: The Extensions of Man” (1964). According to his position, electronic media technologies can be understood as a medium, a means of communication. They have evolved from the simplest sound signals to signs on various surfaces (from rock art to the modern alphabet) and an electronic signal. **Conclusion.** Despite the inconsistency of the figure of M. McLuhan among media theorists, the view on electronic media, according to which the author offers a kind of “Renaissance”, turning prism, is of epistemological value, which, among other things, is used in the concept of the global village. The value of this idea is due to the tendency towards convergence of users of modern communication technologies (for example, social networks) and the media transformation of the era. **Keywords:** media, electronic media, digital media, digital anthropology, medium, M. McLuhan

Acknowledgements: The research was supported by the grant of the President of the Russian Federation for young scientists-PhDs МК-2592.2022.2 “Digital Anthropology: Theoretical and Applied Aspects”.

For citation: Penner R. V. M. McLuhan: Between medium and mediatization. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 277–281 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-277-281>, EDN: EGQTZU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Социальная реальность в XXI в. медиатизирована; современные медиа становятся базисом в организации социальных практик отдельными субъектами и группами. Канадский филолог и культуролог М. Маклюэн является одним из первых мыслителей, кто сосредоточил свое внимание на медиа как казуальном и модусном основании коммуникативных потоков. Поэтому интерес к его творчеству выходит за рамки классических филологических штудий и попадает в числе прочего в поле социальной и политической философии.

В профессиональной литературе сосуществуют контрарные взгляды на роль М. Маклюэна в становлении медиа-исследований. Некоторые теоретики медиа утверждают витальное влияние мыслителя в развитии медиа-наук; другие отказывают М. Маклюэну в оригинальности тезисов, указывают на противоречивость его репутации в среде пионеров-теоретиков медиа [1, р. 309].

М. Маклюэн выстраивает видение истории и культуры человечества сквозь призму медиа, в которой последние представлены как движущая сила культурных изменений. На смену звуковым сигналам пришла устная речь. В период становления древних цивилизаций к ней добавилась специфическая музыка, которую издают ударные инструменты по типу гонга и там-тама; в сложной эволюции от клинописи и иероглифики оформились алфавит и письменная речь; очередной эволюционный скачок связан с изобретением печатного станка, что как будто демократизировало грамотность; наконец, с конца XIX в. наблюдается трансформация медиа в геометрической прогрессии: телеграф, радио, телефон, кино, телевидение, компьютер, смартфон. По М. Маклюэну каждый из этих медиумов проникает в социальные группы и постепенно разрастается, ширится в них, а позже – изменяет общества, где преобладает.

Теоретический анализ

М. Маклюэн определяет технику и технологии как «расширения» человека, продолжение его конечностей (сила, скорость) и чувствительности (зрение, осязание, обоняние) [2]. В этом смысле любой вариант технического оборачивается коммуникацией, в прямом смысле – с другими субъектами, в переносном – с внешним миром как таковым.

Канадский мыслитель одним из первых в социально-гуманитарных исследовательских практиках тезисом «медиа – это сообщение» [2, с. 9] сместил акцент со смысла сообщения на технологию его передачи. По большому счету он утверждает, что медиа транслируют не то, что мыслить, а то, как мыслить. Это сказывается на социальной среде, организации субъектом своих повседневных, рабочих и иных социальных практик. В определенном смысле данное заявление М. Маклюэна оказалось пророческим: феномен самоизоляции в пандемию COVID-19 продемонстрировал, что сегодня рабочий процесс организован вокруг компьютера и смартфона; рабочее место децентрализовано.

Новые медиа (для М. Маклюэна это, прежде всего, радио и телевидение) являются для человека его продолжением и расширением. Вместе с тем проблемой остается непонимание медиа, в том числе как нового расширителя человека ни самим человеком, ни теми группами, которые используют медиа в манипулятивных целях. Согласно позиции Р. Гунс, исследуя, как медиа «формируют, расширяют и вовлекают “человеческую сенсорнику”», М. Маклюэн постановил, что «визуальная предвзятость западной культуры плохо подготовила “грамотного человека” к пониманию аудиальной тактильности новых электронных медиа» [3, с. 7]. По большому счету культуре понадобилось более трех тысяч лет, чтобы из ограничений грамотности (письменная культура) возвратиться в так называемый «резонирующий мир акустического пространства», который со второй половины XIX в. все активнее преобразует социальную среду и весь окружающий человека мир [4].

С работ В. Беньямина в интеллектуальной традиции XX в. оформляется некое «тревожное» отношение интеллектуалов к технике [5]. В отличие от ремесленной традиции Средневековья, в рамках которой мастера создавали уникальные произведения, конвейер «научился» штамповать произведения искусства. В этом явления можно обнаружить положительные черты. К примеру, гражданин Советского Союза посредством тиражирования изображений мировой культуры (на открытках, в книгах и альбомах) имел возможность прикоснуться к прекрасному даже в пространстве своей квартиры [6]. Однако благо от растиражированной культуры не отменяет той настороженности, что прокралась в дискурс мыслителей. Наверное, точнее эту тревожность выразил испанский мыслитель Х. Ортега-и-Гассет в обороте «восстание масс» [7].

Согласно позиции Х. Ортеги-и-Гассета эпоха всеобщей грамотности и электронных медиа не открыла перед человечеством новые горизонты, она привела к власти массы, иррациональную и неуправляемую силу.

М. Маклюэн в этом дискурсе интеллигенции первой половины XX в. предлагает иную призму в понимании новых медиа. Электрификация преодолела пространственные и временные различия. По М. Маклюэну в ней же заложен потенциал по преодолению языковых и культурных дифференциаций. Письменный язык укрепил национальные государственные границы, свел сенсорнику человека к единому каналу восприятия информации – зрению. Новая электронная культура согласно М. Маклюэну, в свою очередь, предложила медиумы, что подключают разные органы чувств с минимальной расшифровкой передаваемых ими сообщений. Век электричества в этом контексте оборачивается некой технологической утопией, в которой преодолеваются национальные границы и каждый обретает свое место, полагающее права и ответственность. Это то, что М. Маклюэн именовал «глобальной деревней» [8]. Деревня не есть откатывание человечества назад, наоборот, это новая форма бытия человека в качестве органически встроенной социальной (как участника группы или групп), национальной (гражданина страны), природной (живого существа), планетарной (жителя планеты Земля) и космической единицы, что открыта к большему пониманию окружающего мира. Подобный коллективизм электронной культуры противопоставлен эгоизму культуры типографской. По М. Маклюэну человек в эпоху новых медиа как будто отказывается от реализации себя за счет коллектива. В глобальной технологической деревне он развивается в консонансе с развитием окружающей среды.

До недавнего времени подобная утопия звучала весьма правдоподобно. В XXI в. в эпоху всеобщей подключенности, казалось, окончательно стерты границы между культурами, языками и даже странами. Контрпример возник в 2020 г., когда в связи с обострением эпидемиологической ситуации отдельные страны стали отказывать китайским гражданам во въезде, а в марте международные рейсы были отменены по всему миру. Так началась пандемия COVID-19, продемонстрировавшая, что идея национальных границ не является рудиментом из прошлого. Одновременно пандемия демонстрирует и то, что для публичных и частных коммуникаций субъекту в век высоких технологий достаточно

устройства, имеющего выход в Интернет. Тезис о преодолении пространственных рамок не утрачивает своей актуальности.

Размышления о прошлом, настоящем и будущем медиа М. Маклюэн проводит в том числе сквозь призму связки технологий с биосом. Впервые эта мысль прозвучала в «Механической невесте», где человек прочитывался как «половые органы машинного мира» [9, р. 46]. Такой «сексуализированный» взгляд на электронные медиа, как кажется, есть провозвестник концепции, которую в 1990-е гг. предложил Ж. Бодрийяр под именем Человека Телематического [10]. Во французской постструктуралистской традиции телемат являет собой синтез телесности с экраном. М. Маклюэн, в свою очередь, развивает сексуальную аналогию концептом «гибридной энергии, которая будет высвобождена соединением литературных и электронных модальностей, соединением, которое выдвигает на первый план трансляционный аспект медиа, особенно в их цифровой конфигурации» [цит. по: 11, с. 35]. Электронные медиа поэтому понимаются М. Маклюэном как акустическое (невизуальное) пространство, характеризующееся сенсорной вовлеченностью. Это пространство «перекошенного, изогнутого и ухабистого» в отличие от «прямой и однородной» печатной культуры [2]. Это неоднородное исследовательское пространство требует невербальных способов понимания.

В русскоязычную исследовательскую среду М. Маклюэн заходит в 1990-е гг. Эта временная граница определена объективными политическими, экономическими и социальными предпосылками. Работы канадского мыслителя появляются в библиографии исследований медиа и коммуникации. Так, С. В. Лещев в поисках обоснования для различения коммуникативного, что связано с общением, и коммуникационного, что указывает на канал коммуникации, обращается к М. Маклюэну как теоретику медиума [12]. А. В. Марков, в свою очередь, предлагает установить достаточно странную параллель в культурных программах М. Маклюэна и казахского поэта О. Сулейменова [13]. В качестве критерия для обнаружения сходства между ними он рассматривает так называемую «медиалогию локальной идентичности», т.е. локальные практики письма, формирующие идентичность человека, выходящую за пределы отдельного локуса.

В дискурсе отечественного культуролога Н. Б. Кирилловой тоже присутствует термин «медиалогия», она так же, как и А. В. Марков, использует этот термин в связи с упоминанием

имени М. Маклюэна. Однако для Н. Б. Кирилловой медиалогия выходит за границы размышлений о субъектности и идентичности, «это синтез гуманитарных наук, трансформировавшихся в условиях эпохи глобализма и интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), влияющих на общественное сознание и процесс социализации личности» [14, с. 4]. Актуальность обращения к медиалогии автор обосновывает процессами медиатизации общества. Библиография Н. Б. Кирилловой демонстрирует, что она обратилась к этой теме в начале XXI в., в период распространения персональных компьютеров и стационарного Интернета по российским домохозяйствам. Между тем сегодня, в завершение первой четверти XXI в. социальные эффекты медиатизации не утратили актуальности. Возможно, медиалогия есть тот социально-гуманитарный ответ, что исследователи способны предложить в условиях стирания границы между мирами оффлайна и онлайн.

В одной из статей за 2022 г. Н. Б. Кириллова использует имя М. Маклюэна в самом названии работы [15], демонстрируя эволюцию теории медиа в зарубежной и отечественной исследовательской традиции. В этих эволюционных рамках культуролог снова обращается к медиалогии, что среди прочего отображает и рефлексировать изменения (в XXI в. они переплетены с процессами цифровизации), происходящие в социуме вообще и в науке в частности.

Заключение

М. Маклюэн является той неоднозначной и противоречивой фигурой в теоретическом дискурсе о медиа, что тем не менее совершила поворот в науке, легитимировав медиа в качестве значимого объекта научных исследований. Согласно его позиции электронные медиатехнологии можно понимать как медиум, средство общения. Они прошли становление от простейших звуковых сигналов к знакам на различных поверхностях (от наскальной живописи до современного алфавита) и, наконец, к электронному сигналу. Наблюдая за трансформациями медиумов от книги к электрическому сигналу и Big Data, можно заключить, что современные медиа, безусловно, изменили форму и качество интересующего взаимодействия и сам характер коммуникации, что позволило преодолевать пространственные и временные ограничения. Сегодня под медиа, как правило, понимается способ, позволяющий как будто

«достучаться» до любого субъекта социальных практик *hic et nunc*, где бы он (-и) не находился (-лись). Медиа определяют характер коммуникации между социальными единицами, этим они воздействуют на конкретные социальные практики (в качестве привычных иллюстраций – работа или учеба в дистанционном формате) и на общество в целом.

М. Маклюэн был одним из первых теоретиков медиа, кто обозначил онтологические изменения в исследовательской парадигме медиа, когда они прочитываются как необходимый посредник (медиатор) коммуникации, дающий возможность все в мире рассматривать сквозь призму медиации и медиатизации. Думается, баланс между количественными (изучение новых медиа и форм их воздействия на конечного потребителя информации) и качественными (определение социокультурных последствий в исполнении медиа) исследованиями медиа был найден в теории медиатизации. Изначально термин «медиатизация» появился в дискурсе немецкоязычных мыслителей и до сих пор вызывает вопросы о своей уместности и удобстве произношения, прежде всего, в среде англоязычной аудитории. Тем не менее Н. Коулдри и А. Хепп, например, рассматривают неудобства термина в английском языке как указатель на глобальность процессов, инфицированных медиа, что выходит за рамки англоговорящего мира [16]. В концептуальном плане теория медиатизации стала продолжением идеи глобальной деревни.

Список литературы

1. Katz R., Katz E. McLuhan: Where Did He Come From, Where Did He Disappear? // *Canadian Journal of Communication*. 1998. № 23 (3). P. 307–319.
2. Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. М. : Кучково поле, 2023. 464 с.
3. Guins R. The Present Went This-A-Way: Marshall McLuhan's Understanding Media: The Extensions of Man @ 50 // *Journal of Visual Culture*. 2014. № 13(1). P. 3–12. <https://doi.org/10.1177/1470412913509466>
4. Marchand P. Marshall McLuhan: The Medium and the Messenger. Cambridge, MA : MIT Press, 1998. 322 p.
5. Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М. : Медиум, 1996. 240 с.
6. Зоркая Н. М. Уникальное и тиражированное. М. : Искусство, 1981. 167 с.
7. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М. : АСТ, 2016. 256 с.
8. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. М. : Академический проект, 2018. 443 с.

9. McLuhan M. *The mechanical bride : folklore of industrial man*. Publisher New York : Vanguard Press, 1951. 157 p.
10. Бодрийяр Ж. Ксерокс и бесконечность // Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М. : Добросвет, 2000. С. 75–87.
11. Cavell R. On the 50th Anniversary of Understanding Media // *Journal of Visual Culture*. 2014. № 13 (1). P. 33–35. <https://doi.org/10.1177/1470412913509592>
12. Лецев С. В. Коммуникативное – следовательно, коммуникационное // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2002. № 3. С. 14–27.
13. Марков А. В. Медиалогия локальной идентичности: Маршалл Маклюэн и Олжас Сулейменов // *Labyrinth. Теории и практики культуры*. 2020. № 4. С. 16–22.
14. Кириллова Н. Б. Медиалогия как синтез наук. М. : Академический проект, 2013. 368 с.
15. Kirillova N. B. Strategic Concepts of Media Studies: from Marshall McLuhan to Manuel Castells // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. Vol. 4, № 4. P. 295–308. <https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.275>
16. Couldry N., Hepp A. Conceptualizing mediatization: Contexts, traditions, arguments // *Journal of Communication Theory*. 2013. № 23 (3). P. 191–202.
- Benjamin W. *Proizvedenie iskusstva v jepohu ego tehnikeskoy vosproizvodimosti. Izbrannye jesse*, Moscow, Medium, 1996. 240 p.).
6. Zorkaya N. M. *Unikal'noe i tirazhirovannoe* [Unique and Replicated]. Moscow, Iskusstvo, 1981. 167 p. (in Russian).
7. Ortega y Gasset J. *The Revolt of the Masses*. New York, W. W. Norton & Company, 1994. 192 p. (Russ. ed.: Ortega y Gasset J. *Vosstanie mass*. Moscow, AST, 2016. 256 p.).
8. McLuhan M. *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. University of Toronto Press, Scholarly Publishing Division, 1962. 294 p. (Russ. ed.: McLuhan M. *Galaktika Gutenberga*. Moscow, Academic project, 2018. 443 p.).
9. McLuhan M. *The mechanical bride: Folklore of industrial man*. New York, Vanguard Press, 1951. 157 p.
10. Baudrillard J. *Xerox and infinity in The Transparency of Evil: Essays on Extreme Phenomena*. Verso, 2009. 208 p. (Russ. ed.: Baudrillard J. *Kseroks i beskonechnost'*. In: Baudrillard J. *Prozrachnost' zla*. Moscow, Dobrosvet, 2000. 258 p.).
11. Cavell R. On the 50th Anniversary of Understanding Media, *Journal of Visual Culture*, no. 13 (1), pp. 33–35. <https://doi.org/10.1177/1470412913509592>
12. Leshchev S. V. Message ergo Medium. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Filosofija* [RUDN Journal of Philosophy. Series: Philosophy], 2002, no. 3. pp. 14–27 (in Russian).
13. Markov A. V. Media Studies of Local Identity: Marshall McLuhan and Olzhas Suleimenov. *Labyrinth. Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth. Theories and Practices of Culture], 2020, no. 4, pp. 16–22 (in Russian).
14. Kirillova N. B. *Medialogija kak sintez nauk* [Medialogy as a Synthesis of Sciences]. Moscow, Academic project, 2013. 368 p. (in Russian).
15. Kirillova N. B. Strategic Concepts of Media Studies: from Marshall McLuhan to Manuel Castells, *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2022, vol. 4, no. 4, pp. 295–308. <https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.275>
16. Couldry N., Hepp A. Conceptualizing mediatization: Contexts, traditions, arguments. *Journal of Communication Theory*, 2013, no. 23 (3), pp. 191–202.

References

Поступила в редакцию 14.03.2023; одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 09.06.2023
 The article was submitted 14.03.2023; approved after reviewing 24.03.2023; accepted for publication 09.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 282–286

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 282–286

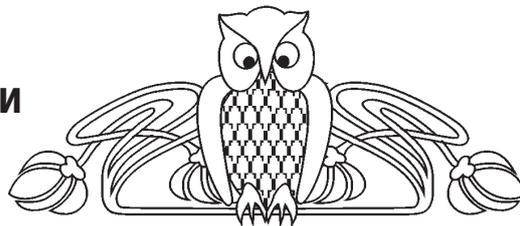
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-282-286>, EDN: CGHRQD

Научная статья

УДК 37.013.41

К вопросу о месте мифологии техники в современных digital studies

С. А. Резвушкина

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Россия, 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, д. 76

Резвушкина Софья Александровна, старший преподаватель кафедры философии ИМСГН ЮУрГУ, finntundra@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-6208-2950>

Аннотация. Введение. Статья посвящена философской рефлексии роли техники и технологий в бытии современного человека. Автор настоящей статьи выдвигает гипотезу, согласно которой техносфера подвержена мифологизации в той же степени, что и другие, эссенциально важные для человека. В этой связи актуализируется потребность исследовании процесса мифологизации техники. **Теоретический анализ.** Анализ историко-философского фундамента данной проблемы продемонстрировал, что существуют два подхода к коннотации технологических новаций – алармистский и прогрессистский. Они определяют дальнейший вектор мифологизации. Исследователи-алармисты мифологизируют технологии посредством негативного коннотирования, в то время как для прогрессистского подхода характерно позитивное отношение к технологизации всех сфер человеческого бытия. **Эмпирический анализ.** Дальнейшее исследование источников формирования метафизической надстройки технологий показало, что рефлексия техники сопряжена с чувственно-образным, иррациональным восприятием, характерным для мифологизации. Оно нашло свое отображение в художественном творчестве современного человека, эксплицирующем мифологические смыслы, сопряженные с восприятием технологий. **Заключение.** Существует потребность в изучении мифологии техники как самостоятельной области знания в контексте современных digital studies. Предлагается авторская дефиниция мифологии технологии, позволяющая более точно и комплексно очертить границы этого феномена.

Ключевые слова: мифология техники, мифологизация, технологизация, техника, digital studies

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда. Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Для цитирования: Резвушкина С. А. К вопросу о месте мифологии техники в современных digital studies // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 282–286. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-282-286>, EDN: CGHRQD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the place of the mythology of technology in contemporary digital studies

S. A. Rezvushkina

South Ural State University (National Research University), 76 Lenin prospekt, Chelyabinsk 454080, Russia

Sofya A. Rezvushkina, finntundra@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-6208-2950>

Abstract. Introduction. The article is devoted to philosophical reflection on the role of technique and technology in the existence of a modern man. The authors hypothesize that the technosphere is subject to mythologization to the same extent as other essentially significant human spheres. In this regard, the need to study the process of mythologization of technology is actualized. **Theoretical analysis.** The analysis of the historical and philosophical basis of the problem has demonstrated that there are two approaches to the connotation of technological innovations – alarmist and progressivist. They determine the further vector of mythologization. Alarmist researchers mythologize technology through negative connotations, while the progressivist approach is characterised by a positive attitude towards the technologicalisation of all spheres of human existence. **Empirical analysis.** A further investigation of the sources of formation of the metaphysical superstructure of technology showed that the reflection of technology involves a sensual-imaginative, irrational perception which is characteristic of mythologization. It is reflected in the artistic creations of a contemporary man that explicate mythological meanings related to the perception of technology. **Conclusion.** The authors conclude that there is a need to study mythology of technology as an independent field of knowledge in the context of contemporary digital studies. The author's definition of the technological mythology which allows to outline the boundaries of this phenomenon more precisely and comprehensively, is proposed.

Keywords: mythology of technology, mythologization, technologization, technology, digital studies

Acknowledgements: The work was supported by the Russian Science Foundation. Contest «Conducting Basic Scientific Research and Exploratory Scientific Research by Individual Scientific Groups» (regional competition) 22-18-20011 «Digital Literacy: Interdisciplinary Research (Regional Aspect)».

For citation: Rezvushkina S. A. On the place of the mythology of technology in contemporary digital studies. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 282–286 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-282-286>, EDN: CGHRQD
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Технологии являются неотъемлемым компонентом для большинства повседневных практик современного человека. Такая тесная интеграция с необходимостью влечет за собой возникновение иррациональных реакций и суждений о сущности и спецификации техники, поскольку не всякий современный человек достаточно компетентен в вопросах функционирования. Помимо этого, люди нередко склонны к дескрипции окружающих их феноменов через призму эмоционального восприятия. По мнению Д. С. Артамонова, «цифровой поворот» обусловил акты мифотворчества, сопряженные с наделянием техники новым, метафизическим содержанием и определяющие способы взаимодействия человека с действительностью [1, с. 729]. В этой связи представляется корректным говорить о становлении такой отрасли научного знания, как мифология техники. Она представляется актуальной темой для исследований в области digital studies. Первой задачей для ее изучения является анализ имеющихся дискурсов и установление существующих в них конкретных пропозиций. Также представляется значимым эксплицировать актуальные способы и формы мифологизации техники в научном и массовом сознании человека.

Теоретический анализ

Рефлексия технологических практик и критический анализ их пропозиций исторически возникает, как правило, одновременно с их укоренением в бытии человека. Эпистемологическая составляющая такого рода исследований заложена в понятии «технэ», означающем «ремесло, искусство», и впервые фиксируется у Платона [2]. Обращение к истории философии показывает, что вплоть до XX в. мифология техники понималась по большей части в широком смысле и была ориентирована на осмысление роли конкретных технико-технологических объектов в практиках существования человека. Взрывной рост технологий в XX в. и внедрение их в повседневные практики человека потребовал ревизии существующей традиции философии

технологии. К. Митчем говорит о двух возможных направлениях для дальнейшей рефлексии: техника как благо прогресса и техника как угроза [3, с. 53–65]. Остановимся на них подробнее, поскольку оба этих вектора маркируют существующие ветви мифотворчества относительно техники, ее роли и механизмов функционирования в бытии человека.

Оптимистическая интерпретация технологий маркирует и тем самым имплицитно мифологизирует инновации как благо, не несущее принципиально негативных последствий. По мнению ряда исследователей, современный человек, прочно встроенный в техномир, не вправе отказаться от него. Это позволяет мифологизировать технику позитивно, при условии селекции и развития тех технологий, что не имеют деструктивных последствий и направлены на повышение благосостояния, как индивида, так и социума в целом [4, с. 40].

Более острая оценка мифологизации нового жизненного уклада характерна, в частности, для некоторых дискурсов социальной и антропологической философии. В русле этого подхода возникает дискурс мифологизации технологии как потенциальной угрозы дегуманизации человека внутри за счет внедрения техники в бытие человека на физиологическом уровне. Предполагается, что такого рода технологии «ампутируют» экзистенциальные и онтоантропологические основания человека, лишая его не только духовного, но и телесного содержания [5, с. 38–46]. Еще одним способом такой мифологизации техники становится сведение новых технологий к постмодернистским онтологемам и антропологемам (ризоматичность, складчатость, «форма-сверхчеловек» и др.) как шаткому концептуальному основанию смысловой и жизненной дифракции [6].

Все вышесказанное маркирует два основных вектора философской рефлексии технологий и инноваций, которые можно концептуализировать как прогрессистский и алармистский. Однако, несмотря на значительное различие в подходах к осмыслению техники, очевидно, что ревизия философских оснований приводит исследователей к необходимости изучения экспликации мифологического компонента техники

в научном и массовом сознании и понимании, какой из этих подходов является наиболее актуальным для современного человека.

Эмпирический анализ

Изучение процесса насыщения технологических практик метафизическим содержанием активизировалось в последнее десятилетие XX в., когда техника стала для человека обыденностью. Рефлексии этих практик посвящена работа «Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху», титульной темой которой является метафизическая интерпретация технологий в оккультных практиках. Основываясь на эмпирических данных, автор проанализировал спектр современных вариаций анимизма и фетишизма, практик отправления культа машины и т. д. [7, с. 21].

Примером последующей концептуализации и аналитики технологических мифологем в общественном сознании служат идеи Винсента Моско, представленные в книге «The Digital Sublime. Myth, Power, and Cyberspace». По его мнению, информационные технологии, интегрированные в НБИК-конвергенцию, стимулировали возникновение сложной метафизической надстройки, включающей в себя как бытовые нерелективные пропозиции, так и концептуальные идеи [8]. Распространение компьютерных и сетевых технологий способствовало мифологизации киберпространства, коннотируя его как предельно аполитичное и лишённое прескриптивных и надзорных функций [9]. Создаваемое таким образом «цифровое возвышенное» в идеале должно реализовать либеральную демократию в чистом виде, основанную на рыночной экономике, самоуправлении, свободе самовыражения и т.д. Очевидно, что этот подход является скорее прогрессистским по своей сути. Он мифологизирует технологии и вытекающее из них киберпространство как условный «рай», переключаясь с описанной многими исследователями-мифологами концепцией о возвращении золотого века.

Следует заметить, что внутри мифологизации технологий можно обнаружить два «уровня»: архаический, под которым понимается придание технологиям черт традиционных мифов, и инструментальный, предполагающий создание новых мифологем вокруг техники [10, с. 6]. Оба этих уровня согласуются с концепцией мифологии Р. Барта, предполагающей надделение существующего в массовой культуре феномена новым, избыточным коннотатом [11].

В качестве источника формирования метафизической надстройки и мифологических комплексов трендовых технологий в массовом сознании обычно называют фантастическую литературу (sci-fi), которая синтезирует литературно-художественные образы и научные данные. В результате подобной комбинаторики в культуре популяризировались сюжеты космической экспансии, нанотехнологические воображаемые эксперименты, возникли «миры» роботов и интеллектуальных машин, осуществляющих расчеты, управленческие функции, коммуникацию, действующих в границах этических кодексов или нарушающих установленные нормы (постапокалиптические вариации). Показательно, что литература жанра sci-fi осуществляет как дескрипцию технологий и мифологем, находящихся в реляции с ними, так и формирует прескрипции для функционирования технологий в целом и ИИ в частности. Примером такого рода конвергенции прескрипций и дескрипций можно назвать «Хоровод» А. Азимова, в котором впервые были описаны «Три закона робототехники», являющиеся на сегодняшний день в некотором смысле конвенциональной этической системой для роботизированных систем [12].

Идеи Азимова об этической регламентации деятельности ИИ органично встраиваются в тренд мифологизации техники, который можно назвать «антропоморфизация». Такого рода мифологемы пытаются представить технологии как потенциально или актуально подобные человеку и способные в той или иной мере конкурировать с ним. Наибольшее распространение такая мифологизация нашла в литературе и кинематографе. Здесь также имеют место традиционные для мифологизации техники алармистский и прогрессистский подходы. В качестве иллюстрации наиболее современной прогрессистской антропоморфной мифологемы можно назвать фильмы «Робот по имени Чаппи» (2015), «Финч» (2021), а алармистский подход может быть проиллюстрирован фильмами «Боевой робот №4» (2020), «Мать против андроидов» (2021).

Однако не только литература жанра sci-fi предлагает способы надления техники и технологий метафизическим содержанием и интенциональностью, характерной для мифических акторов. В этом контексте интересным кейсом является роман Т. Пратчетта «Движущиеся картинки», в котором локация «Голливуд» (аллюзия на «Голливуд») обладает метафизической притягательностью по типу описанных М. Элиаде мест «разлома» профанного пространства, в котором проявляется сакральное в виде иерофании. По-

казательно, что в финале романа развившийся кинематограф выходит за рамки самого себя, порождая сверхчувственные образы, которые осуществляют акт трансгрессии из пространства экрана в мир за счет веры людей в реальность происходящего. При этом кинотеатр показан как сакральное место, требующее жрецов, поклонения и человеческих жертв в духе алармистского подхода [13].

В пределе мифология технологии в массовой культуре выражена в романе Н. Геймана «Американские боги». Это произведение интересно тем, что оно интегрирует алармистский и прогрессистский взгляды на технику, выражая совокупность этих идей в художественной (а, стало быть, чувственно-образной, мифологизированной) форме. Гейман срывает архаический миф с современной техникой, изображая богов старого пантеона (Один, Чернобог, Анупис) с новыми богами, чье появление обусловлено развитием техники и помещением ее в статус «сакрального» для человека. В числе таких «богов» Гейман называет Медиа (богиню медиа), Техномальчика (бога технологии), Мистера Мира (божество глобализации) и др. [14]. Тем самым Гейман осуществляет концептуальную «алетейю», эксплицируя мифологический пласт, завязанный на технологии, и маркирует его место в бытии современного человека.

Заключение

Все вышесказанное позволяет прийти к выводу о том, что как в научном, так и в массовом сознании, существуют два способа мифологизации техники – алармистский и прогрессистский. Внутри них выделяются архаический и инструментальный уровни. Однако вопрос о доминирующем способе и уровне в контексте современных цифровых практик остается открытым, поскольку технологи конструируют пространство, в котором реальность вытесняется яркими мифологическими образами, создавая тем самым новую социальную действительность [1, с. 730]. Таким образом, становится очевидной необходимость в изучении данного феномена в контексте именно digital studies. Для этого необходимо предложить дефиницию, позволяющую установить рамки изучаемого объекта и ограничить уровни понимания. Установление дефиниции потенциально облегчит исследовательскую задачу по экспликации конкретно данного феномена и будет способствовать наиболее корректной дальнейшей дескрипции практик и объектов, в которых он реализуется.

Под мифологией технологии следует понимать новое исследовательское направление, изучающее интегральную маркировку любых коннотативных систем, сопряженных с тематикой техники и технологии. В этом значении мифология технологии включает в себя идеи и концепции, содержащие категорические нерелективные пропозиции прогрессистской или алармистской ориентации, выделенные на архаическом или конструктивном уровне, а также распространенные мнения о технологии, базирующиеся на ненаучном контенте. Изучение пула источников по указанному вопросу позволили очертить и более узкое поле для интерпретации: как формирующееся междисциплинарное направление исследований спецификации культурной абсорбции технологии, интерпретативных механизмов, творчества, повседневных практик, связанных с так называемой «hi-tech» как актуальным инновационным кластером.

Список литературы

1. Артамонов Д. С. Цифровой поворот в исследованиях социальных мифов // После постпозитивизма: материалы Третьего Международного Конгресса Русского общества истории и философии науки (Саратов, 8–10 сентября 2022 г.) / под ред. И. Т. Касавина, И. Д. Невважая, Л. В. Шиповаловой, Д. С. Артамонова. М. : Русское общество истории и философии науки, 2022. С. 727–730.
2. Платон. Избранные диалоги. М. : Художественная литература, 1965. 442 с.
3. Митчем К. Что такое философия техники? М. : Аспект Пресс, 1995. 149 с.
4. Нейсбит Д. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла. М. : АСТ ; Транзиткнига, 2005. 381 с.
5. Ростова Н. Н. Мягкая сила постгуманизма. Что нам мешает мыслить по-русски? М. : Проспект, 2022. 184 с.
6. Кутырев В. А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб. : Алетейя, 2021. 312 с.
7. Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. М. : АСТ, 2008. 408 с.
8. Mosco V. The Digital Sublime. Myth, Power, and Cyberspace. Massachusetts : The MIT Press, 2005. 230 p.
9. Барлоу Д. Декларация независимости киберпространства. URL: <http://lab314.brsu.by/kmp-lite/kmp2/Net/Declaration/declaration.htm> (дата обращения: 15.03.2023)
10. Иванов А. Г., Полякова И. П. Социальная мифология в пространстве повседневности и масс-медиа // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 1. С. 5–15.
11. Барт Р. Мифологии. М. : Академический проект, 2021. 351 с.

12. Азимов А. Я, робот. URL: <https://asimovonline.ru/short-stories/khorovod/read/> (дата обращения: 06.03.2023).
13. Пратчетт Т. Движущиеся картинки. М. : Эксмо, 2021. 480 с.
14. Гейман Н. Американские боги. М. : АСТ, 2011. 640 с.

References

1. Artamonov D. Digital Turn in the Research of Social Myths. In: Kasavin I. T., Nevvazhaj I. D., Shipovalova L. V., Artamonov D. S., eds. *Posle post-positivizma: materialy Tret'ego Mezhdunarodnogo Kongressa Russkogo obshchestva istorii i filosofii nauki* [After Post-positivism: Materials of the III International Congress of the Russian Society of History and Philosophy of Science (Saratov, September 8–10, 2022)]. Moscow, Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauki Publ., 2022, pp. 727–730 (in Russian).
2. Plato. *Izbrannye dialogi* [Selected Dialogues]. Moscow, Khudozhestvennaya literature, 1965. 442 p. (in Russian).
3. Mitchem C. What is the Philosophy of Technology? *International Philosophical Quarterly*, 1985, no. 25 (1), pp. 73–88 (Russ ed.: Mitchem C. *Chto takoe filosofiya tekhniki?* Moscow, Aspekt Press, 1995. 149 p.).
4. Naisbitt D. *High Tech, High Touch. Technology and Our Search for Meaning*. London, Nicholas Brealey Publishing, 1999. 288 p. (Russ ed.: Naisbitt D. *Vysokaya tekhnologiya, glubokaya gumannost': Tekhnologii i nashi poiski smysla*. Moscow, AST, Tranzitkniga, 2005. 381 p.).
5. Rostova N. N. *Myagkaya sila postgumanizma. Chto nam meshaet myslit' po-russki?* [The Soft Power of Posthumanism. What's Stopping us from Thinking Russian?] Moscow, Prospekt, 2022. 184 p. (in Russian).
6. Kutuyev V. A. *Poslednee tselovanie. Chelovek kak traditsiya* [The Last Kiss. A Man as a Tradition]. St. Petersburg, Aleteya, 2021. 312 p. (in Russian).
7. Davis E. *Techgnosis: Myth, Magic, and Mysticism in the Age of Information*. Berkeley, North Atlantic Books, 2015. 456 p. (Russ ed.: Davis E. *Tekhnognozis: mif, magiya i mistitsizm v informatsionnyu epokhu*. Moscow, AST, 2008. 408 p.).
8. Mosco V. *The Digital Sublime. Myth, Power, and Cyberspace*. Massachusetts, The MIT Press, 2005. 230 p.
9. Barlou D. *Deklaratsiya nezavisimosti kiberprostranstva* (Declaration of the Independence of Cyberspace). Available at: <https://www.eff.org/ru/cyberspace-independence> (accessed 15 March 2023).
10. Ivanov A. G., Polyakova I. P. Social Mythology in the Space of Everyday Life and Mass Media. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology], 2018, no. 1, pp. 5–15.
11. Barthes R. *Mythologies*. Paris, Editions du Seuil, 1957. 233 p. (Russ ed.: Barthes R. *Mifologii*. Moscow, Academic Project, 2021. 351 p.).
12. Azimov A. *I, robot*. New York, Gnome Press, 1950. 253 p. Available at: <https://fantlab.ru/edition71325> (accessed 6 March 2023).
13. Pratchett T. *Moving Pictures*. Ealing, Corgi Books, 1990. 396 p. (Russ ed.: Pratchett T. *Dvizhushchiesya kartinki*. Moscow, Eksmo, 2021. 480 p.).
14. Gaiman N. *American gods*. New York, William Morrow, 2001. 480 p. (Russ ed.: Gaiman N. *Amerikanskiye bogi*. Moscow, AST, 2011. 640 p.).

Поступила в редакцию 22.03.2023; одобрена после рецензирования 12.05.2023; принята к публикации 09.06.2023
The article was submitted 22.03.2023; approved after reviewing 12.05.2023; accepted for publication 09.06.2023

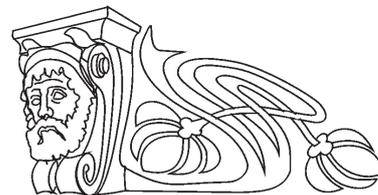

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 287–292
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 287–292
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-287-292>, EDN: CAYJYH

Научная статья
УДК 101.1::316

Сетевое общество и институт образования: абрис социально-философской рефлексии

В. А. Сюсюкин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Сюсюкин Владимир Алексеевич, аспирант кафедры теоретической и социальной философии, vladimirs23@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3161-4705>

Аннотация. Введение. Проблематика статьи посвящена исследованию института образования в сетевом обществе с позиций социально-философского анализа. **Теоретический анализ.** Используя различные методологические подходы, было выяснено, что современный институт образования претерпевает серьезные трансформации на институциональном, пространственном и функциональном уровнях. В условиях сетевой реальности раскрывается многомерный потенциал института образования, интегрирующего в себе социально-экономические, образовательные и воспитательные практики как актора, задающего положительную динамику развития государства по наиболее важным стратегическим направлениям. Определено центральное место образования как института, генерирующего и транслирующего знание, которое способно стать эпистемной базой для дальнейшего развития сетевого социума. **Заключение.** Формулируется вывод о гибридной природе института образования в сетевом обществе. С одной стороны, массовая цифровизация задала новую морально-этическую и технологическую систему координат, с другой – образование все также связано с классическим аудиторным обучением, живым человеческим общением, ценностными основаниями каждого его субъекта. Сложная дуальная природа института образования в сетевом социуме свидетельствует о противоречивых общественных процессах, исследуя которые, социальная философская наука способна вынести критическую оценку современному социальному бытию.

Ключевые слова: институт образования, сетевое общество, топосы образования, цифровизация, современное образование

Для цитирования: Сюсюкин В. А. Сетевое общество и институт образования: абрис социально-философской рефлексии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 287–292. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-287-292>, EDN: CAYJYH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The network society and the institute of education: A dimension of socio-philosophical understanding

V. A. Syusyukin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vladimir A. Syusyukin, vladimirs23@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3161-4705>

Abstract. Introduction. The issue of the article is devoted to the study of the institution of education in the network society from the standpoint of socio-philosophical analysis. **Theoretical analysis.** Using various methodological approaches, it was found out that the modern institute of education undergoes serious transformations on institutional, spatial and functional levels. In the conditions of network reality education institution includes not only educational and upbringing practices but also represents one of the central socio-economic actors which sets positive dynamics of the state development in the most important strategic directions. The author of the article asserts the central place of education as an institution that generates and transmits knowledge, which is capable of becoming an epistemic base for further development of the network society. **Conclusion.** The author concludes on the hybrid nature of the institution of education in the network society. On the one hand, mass digitalization has set a new moral-ethical and technological system of coordinates, but on the other hand, education is still connected to the classical classroom learning, live human communication, the value foundations of each subject of education. Such a complex dual nature of the institution of education in a network society testifies to contradictory social processes, by examining which social philosophical science can critically assess modern social existence.

Keywords: institution of education, network society, educational toposes, digitalization, modern education

For citation: Syusyukin V. A. The network society and the institute of education: A dimension of socio-philosophical understanding. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 287–292 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-287-292>, EDN: CAYJYH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Горизонты применения и исследовательский потенциал социально-философской науки в современных реалиях трудно оспорить. Безусловно, на уровне государственной политики наблюдается все такой же сильный акцент на развитие фундаментальной науки, т. е. тех естественнонаучных областей знания, которые способны вывести экономику и инфраструктуру страны на ведущие позиции. Однако с каждым днем для общества в целом и для каждого человека в частности необходимость качественного исследования актуальных социальных проблем становится все более ощутимой. Нынешние реалии не сравнимы с тем, что происходило с обществом даже 20 лет назад. Сейчас на фронт человеческой деятельности выходят социальные контексты сферы освоения искусственного интеллекта, цифровой экономики, новых проектных и управленческих решений. Назрела серьезная необходимость объективной аналитики реалий сетевого социума. Подобная сложнейшая социокультурная деятельность требует мощнейшей *эпистемной базы*, которая станет фундаментом для появлений новых технологий, инновационных методологических подходов в науке, концептуализации новых программ осмысления социального. Переводя данную тему на язык экономики знаний, можно сказать, что «большинству людей совсем не обязательно иметь доступ к эпистемной основе, но те, кто пишет инструкции, должны обладать таким доступом» [1, с. 28]. Иными словами, любой активно развивающийся социум нуждается в актуальном научном знании, обладающем потенциалом перевода в сферу прагматики. Именно такое востребованное знание станет фундаментом для будущего конструирования качественно новой социальной действительности.

В условиях многообразия общественной реальности ее противоречивости и динамичности самой надежной институцией, способной к трансляции и воспроизводству знания (той самой эпистемной базы), является образование. В контексте социальной динамики сетевого общества, основой социальной морфологии которого служит структура *сети*, мы наблюдаем, как институт образования генерирует новые познавательные и этические горизонты, а также эпистемологические основания для социального развития. Например, Б. В. Марков называет образование «иммунной системой общества» и пишет, что данный институт «выполняет функцию оболочки, охватывающей человеческий

коллектив прочной символической защитой. Образование постепенно становится главной технологией воспитания человека» [2, с. 105].

В рамках данной статьи предпринята попытка очертить контуры понимания специфики института образования в условиях сетевого общества с использованием методологических ресурсов институционального подхода, пространственного осмысления социального бытия (социальной топологии) и структурно-функционального анализа. Образование в этой связи рассматривается как основной источник формирования и трансляции знания в социум, задающий новые аксиологические ориентиры личности. Именно в рамках сетевого социума институциональная природа образования раскрывается на качественно новом уровне: происходит глобальное внедрение ИКТ в образовательные практики, задаются новые требования к компетенциям специалиста, а также формулируются новые образовательные императивы сетевого общества.

Теоретический анализ

Институциональный анализ образования в сетевом социуме

Поскольку в текущем дискурсе общество понимается нами как сеть (т. е. как структура, состоящая из акторов, узлов и ребер их взаимодействия), крайне эффективным методологическим решением является институциональный анализ образования в пространстве сетевого порядка социума. На данном этапе работы мы будем опираться на творчество исследователя-институционалиста Д. Норта, который определяет социальный институт через призму поведенческих паттернов и запретов: «Институты – это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Следовательно, они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике» [3, с. 17]. По этой причине институциональная аналитика образования будет представлять собой изучение новых возникших поведенческих моделей или тех трансформаций, которые традиционные модели и практики претерпели в связи с влиянием общества сети.

В восприятии образования как сети элемент так называемых *ребер* ответственен за институциональное измерение данной структуры. Ребра сети – это соединяющие линии между акторами, которые образует узлы. Иными словами, ребра

здесь представлены именно выстроенными *отношениями* и устоявшимися *моделями поведения* между акторами в пространстве сетей.

Во-первых, необходимо отметить, что сетевой социум в любом случае связан с современными прорывными ИТ-технологиями. Внешняя простота уже обыденных для нас технологий является на самом деле иллюзорной и многомерной. За привычными актами на уровне повседневности (звонки по мессенджеру, идентификация по face-id) скрывается сложнейший социальный контекст бытия цифры, который наделяет современные общественные отношения ранее неизвестными свойствами. Сфера образования – не исключение. Более того, она стала одним из наиболее ярких маркеров сетевизации бытия человека. Речь идет, прежде всего, о возникших отношениях между субъектами образования, базирующихся на применении технологий дистанционного обучения. Zoom, Skype, Google Meet и другие приложения, к которым человечество прибегает с желанием реализовать их в сфере образования, выстраивают новую парадигму взаимоотношений акторов. Субъект-объектная и субъект-субъектная связи в пространстве привычного очного образования сильно отличаются от тех же связей, но уже в пространстве онлайн. Онлайн-формат работы многомерен и предполагает формирование новой цифровой этики, новых учебно-методических ресурсов и образовательных траекторий. Наиболее отчетливо это проявилось в период пандемии, когда человек стал «заложником онлайн». Именно в этих условиях начали возникать качественно новые отношения внутри сети образования. В связи с этим справедливо можно отметить, что «учебные заведения прибегали к онлайн-методам в быстрых действиях для обеспечения непрерывности обучения школьников, поскольку традиционное очное обучение было невозможно в этой беспрецедентной ситуации» [4, с. 215]. Такова специфика одного из ребер сети, связанного с институционализацией практик дистанционного обучения.

Во-вторых, сама сущность сети предполагает развитие горизонтально ориентированных связей для участников сетевого взаимодействия. Образование в подобном социальном контексте активно расширяется. Здесь можно говорить о факте, что сам институт образования напрямую становится участником социально-экономических, политических, этно-конфессиональных отношений внутри государства. Иными словами, образование превращается в открытую сетевую организацию, способную внести весомый вклад

в стратегическое развитие страны. Примерами могут послужить отношения университетов с некоммерческими организациями, религиозными учреждениями, производственными партнерами и др. Социальный контекст сетевого общества для института образования задает векторы горизонтально ориентированных отношений, развивающие как само образование, так и межинституциональные коммуникации.

Трансформации топосов образования в сетевом обществе

Пространственное осмысление реальности в современной социальной науке является актуальным и востребованным направлением исследований. Не исключением стала и социально-философская наука, методологический потенциал которой способен раскрыть топологические, т. е. пространственные структуры конкретного социального явления. Хотелось бы отметить, что центральным понятием пространственного анализа для нас выступает «топос». В. Б. Устьянцев так определяет данное понятие: «В предельно общем виде топос – это территориальная структура, отличающаяся социально-экономической организацией, сложной системой территориального управления, особым образом жизни населения» [5, с. 403]. Институт образования в контексте сетевых реалий можно представить как совокупность реальных физических топосов, связанных с протяженностью физического пространства, а также топосов информационно-экономических. Если первый вид топосов связан с действительной физической реальностью, то «информационно-экономические топосы – это территориальные единицы высокоэффективного и мобильного информационного пространства развитых стран» [5, с. 403]. Подобная диалектическая связь между виртуальными и реальными пространствами, между символизмом и технологичностью цифрового бытия значительно трансформирует пространственные характеристики института образования в сетевом обществе.

Говоря о *физических топосах* пространства образования, необходимо учитывать развитие прежде всего инфраструктуры института образования на примере современного отечественного университета. Сюда можно отнести: модернизацию аудиторного фонда, внедрение новых технологических решений на методическом уровне, включение в состав университетов малых инновационных предприятий. Мы как участники образовательного процесса наблюдаем значительный экстенсивный рост института образования. Если ранее классический университет был представлен совокупностью

корпусов, то современный вуз – многомерный пространственный феномен, охватывающий учебные корпуса, различные научно-исследовательские центры, лаборатории, коворкинг-зоны, структуры рекреационного характера.

Современный отечественный вуз стал активным участником социально-экономической жизни. Образовательное пространство постоянно расширяется, перестав сводиться сугубо к функционалу обучения и воспитания. Теперь оно включает в себя различного рода активности акторов, начиная от социального проектирования и заканчивая трансфером технологий и коммерциализацией результатов интеллектуальной деятельности. В этой связи уместно привести слова Л. В. Константиновой о том, что «университет в современном обществе приобретает роль основного актора или субъекта общественного развития и социальной интеграции. Это новая модель современного университета – университета для общества» [6, с. 802].

Информационные топы представлены активными процессами цифровизации института образования, который все чаще прибегает к ресурсам цифровой среды с целью улучшения качества образовательного процесса. Данные топы образовательного пространства видоизменяют не только формат образования, его учебно-методическое сопровождение, форматы взаимодействия акторов образования, но и значительным образом трансформируют ценностные ориентации субъектов, а также их этическое осмысление коммуникации с другими людьми. Если классическое аудиторное образование уже проверено многовековой историей, институционализировано и общепринято, то образование в пространстве цифровизирующегося общества – явление новое, которое еще предстоит осмыслить и концептуализировать. Здесь ярким маркером трансформаций может послужить вышеупомянутое этическое измерение образовательной деятельности. Веками в сфере классического очного образования формировались и утверждались паттерны допустимого социального поведения: общение с педагогом, культура поведения учащихся на занятиях, цели и задачи образовательной деятельности, а также пути их достижения. В процессе образования в цифровой среде акторы ориентируются в системе координат устоявшейся человеческой этики, базирующейся на общечеловеческих ценностях и нормах. Однако это лишь промежуточное решение проблем специфики цифрового бытия, ведь сама среда накладывает особый отпечаток на каждого субъекта. Проявляется это в необхо-

димости выработки четкой стратегии общения в онлайн-среде, допустимых формах коммуникации с преподавателем, культурой пользования цифровым интерфейсом. Все вышеобозначенные аспекты свидетельствуют о немалой доле рискогенности информационно-образовательного пространства. В связи с этим очевидной становится необходимость в выработке этически допустимых стратегий поведения субъекта в цифровом пространстве.

Несмотря на то, что нами были определены два вида топов образовательного пространства в реалиях сетевого общества, необходимо сказать об условности подобного рода деления. Современные пространственные основания института образования можно охарактеризовать как *гибридные*. Смысл гибридности состоит в том, что в образовательном пространстве наблюдаются такие феномены, которые могут быть отнесены как к топам реального физического взаимодействия, так и к информационным, объективирующим себя в двоичном коде. К примеру, можно говорить о транзите университетских сообществ в социальные сети. С одной стороны, имеется группа реально существующих людей с факультета, к примеру, занимающихся в пространстве одной факультативной деятельности; с другой – бытие сообщества в социальных сетях, объединяющих их уже в виртуальном пространстве, которое зачастую являет собой куда более насыщенную и удобную платформу для коммуникации. Исходя из этого, можно заключить, что образовательное пространство в сетевом социуме неравномерно и неоднородно. Оно представлено как онлайн-, так и офлайн-компонентами, образующими диалектическое и концептуальное единство.

Структурно-функциональные трансформации института образования

Заключительным измерением системной трансформации института образования в сетевом социуме является его структурно-функциональная составляющая. Продолжая логику предыдущих рассуждений, в данном случае мы видим значительное усложнение и дифференциацию функционала института образования. Буквально в XX в. центральным сюжетом образования являлась учебно-воспитательная работа. Образование для людей было обязательным социализирующим институтом, способным, прежде всего, дать набор необходимых знаний с целью освоения конкретной профессии. Следовательно, освоив профессию, человек мог принести практическую пользу обществу, а сам он мог считаться полноценным участником общественных процессов.

Рассмотренные функции образования никуда не делись. Современный человек точно так же нуждается в актуальных знаниях, которые будут соответствовать критериям объективности и отображать корректную картину мира. Однако сложная современность социального бытия требует от него большего, в частности в сфере компетенций и навыков. Образование логично трансформирует свое внутреннее содержание под условия новых правил общественной игры. На выходе из университета специалисту недостаточно блестяще знать особенности своей профессии. На это есть ряд фундаментальных причин.

Сетевой социум – сложнейшее и чрезвычайно чувствительное к различным раздражителям социальное явление. Если человек желает встроиться в устоявшийся сетевой дискурс, стать частью сетевого порядка общества, ему необходимо обладать целым набором дополнительных компетенций, следовательно, иметь в собственном человеческом капитале ресурсы, которые дадут возможность реализовывать функционал, определяющий место субъекта в сетях. Сюда можно отнести понимание функционала цифровой экономики, владение этикой цифрового мира, готовность к постоянному процессу образования и обновления собственных знаний. Не менее важным навыком является возможность человека использовать ресурсы сетевого общества с целью решения, к примеру, производственных задач (умение пользоваться IP-телефонией, понимать основы цифровой безопасности и гигиены).

Справедливости ради стоит заметить, что прогресс личности в сетевом обществе необходим не только в сфере новейших IT-технологий. Сама сетевая реальность требует важнейших человеческих навыков и черт характера. Сетевой человек – это тот, кто быстро и четко мыслит, способен оперативно подстраиваться под изменчивые условия. Он в силах выстраивать четкие поведенческие модели в соответствии с нормами новой цифровой этики. Быть сетевым человеком – значит быть пластичным. Именно в связи с этим и образование своей целью ставит не только научить человека, но и приобщить его к набору навыков, служащих базовой отправной точкой для бытия в сетевом обществе.

Заключение

XXI век перед лицом современного человека предстал во всем его многообразии и парадоксальности. С одной стороны, мы имеем огромные технологические инновации, развитие которых

семимильными шагами двигает вперед такие важнейшие сферы, как образование, медицина, право, межкультурные коммуникации. Жизнь в современном социуме значительно ускорилась, усложнилась. То, что раньше было далеко и труднодоступно, сейчас находится в расстоянии пары свайпов смартфона. С другой стороны, на фоне технологического прорыва возрастает и значимость человеческой этики. Ведь как бы ни развивали искусственный интеллект, цифровые инновации, в центре любого социального дискурса остается все также человек со всеми его страстями, амбициями и желаниями.

По этим причинам именно институт образования в сетевом обществе занимает одну из ключевых позиций. Только в ходе приобщения к знаниям человек способен не только выработать необходимые навыки для существования в сетях, но и развить в себе необходимые человеческие качества для рационального взаимодействия с другими людьми.

В ходе исследования было установлено, что трансформации образования в сетевом социуме можно представить в следующих формах: институциональные, топологические, структурно-функциональные. *Первая* из трех классификаций связана с изменениями формата отношений между участниками образовательного процесса. В условиях цифровизации образования и массового перехода на дистанционное обучение актеры вынуждены мимикрировать под условия среды: вырабатывать новые этические ориентиры, переосмысливать модели допустимого поведения в цифровой среде. Возникает необходимость в последовательной институционализации новых сфер отношений участников образовательного процесса.

Топологические трансформации охватывают пространственное измерение института образования. Наблюдается не только активное развитие реального физического пространства, связанного с инфраструктурой и материально-технической базой, но и значительные трансформационные процессы информационного топоса. Подобные топосы связаны с цифровым пространством образования, ставшим вмещилищем инновационных практик преобразования двоичного кода в порталы образования, дистанционные курсы, онлайн-платформы для совместной работы акторов здесь и сейчас.

Третья классификация трансформаций связана со *структурно-функциональным* пониманием института образования. Сетевой социум напрямую детерминирует комплекс необходимых навыков, без которых человек не сможет

полностью реализовать свое индивидуальное бытие. Актор в пространстве образования является личностью многомерной, ведь он способен не только четко ориентироваться на просторах цифрового мира, но и выстраивать рациональные модели своего поведения, учитывая всю рискованность и динамичность сетевого общества.

Список литературы

1. Мокир Д. Дары Афины. Исторические истоки экономики знаний. М. : Издательство института Гайдара, 2013. 408 с.
2. Марков Б. В. Высшее образование перед вызовом сетевого общества: философские сюжеты // Высшее образование в России. 2021. № 2. С. 100–111. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-2-100-111>
3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997. 180 с.
4. Устьянцев В. Б. Топосы современного социума: рефлексия путей информатизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 403–407. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-403-407>
5. Парменова Н. В. Преодоление дистанции: эффективное обучение с использованием технологий дистанционного образования // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 1 (98). С. 215–218. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-198-215-218>
6. Константинова Л. В. Современный университет – университет для общества // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16. С. 800–803.

References

1. Mokyr D. *The Gifts of Athena. Historical Origins of the Knowledge Economy*. Princeton, Princeton University Press, 2013. 359 p. (Russ. ed.: Mokir D. *Dary Afiny. Istoricheskie istoki ekonomiki znaniy*. Moscow, Izdatel'stvo instituta Gaydara, 2013. 408 p.).
2. Markov V. B. Higher education and the challenges of network society: Philosophical themes. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2021, no. 2, pp. 100–111 (in Russian). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-2-100-111>
3. North D. *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 152 p. (Russ. ed.: Nort D. *Instituty, institutsionalnye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki*. Moscow, Fond ekonomicheskoy knigi NACHALA, 180 p.).
4. Ustiantsev V. B. Toposes of modern society: The reflection on the ways of informatization. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 403–407 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-403-407>
5. Parmenova N. V. Going the distance: Effective instruction using distance learning technology. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], 2023, no. 1, pp. 215–218 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-198-215-218>
6. Konstantinova L. V. The modern university is a university for society. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: Trends and Prospects of Development], 2021, no. 16, pp. 800–803 (in Russian).

Поступила в редакцию 28.04.2023; одобрена после рецензирования 18.05.2023; принята к публикации 09.06.2023
The article was submitted 28.04.2023; approved after reviewing 18.05.2023; accepted for publication 09.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 293–297
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 293–297
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-293-297>, EDN: AFCDHB

Научная статья
УДК 116+930.24

Нейроисторицизм как имитативная реальность: особенности формирования визуальных образов российских городов с помощью нейросетей

А. Н. Фортунатов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

Фортунатов Антон Николаевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социально-политических коммуникаций Института международных отношений и мировой истории, anfort1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6822-2003>

Аннотация. Введение. В медиареальности отсутствует рефлексия субъекта по поводу причин возникновения медийных объектов. Медиа предлагают свершившуюся историю. В ответ человек использует уникальное свойство своего сознания – способность строить непротиворечивую картину мира из разрозненных элементов, преодолевая дискретность технологий. **Теоретический анализ.** Нейросети пытаются превратить человека в пассивного потребителя уже скомпонованной картины мира. Однако искусственный интеллект всецело зависит от текста как лишённого субъективности материального продукта, что манифестирует не только «смерть автора», но и уничтожение смыслов. История в интерпретации нейросетей предстает в виде забавных комиксов. В результате возникают мистические миры, не имеющие ничего общего с реальными событиями прошлого. Это и есть нейроисторицизм. **Эмпирический анализ.** В презентациях российских городов в виде портретов людей нейросети уничтожают классическую историю как пространство рефлексии. Обезличенность и пошлость презентаций могут трактоваться не только как следствие неправильных формулировок задания заказчика, но и как антагонизм между искусственным интеллектом и реальным сознанием человека. **Заключение.** Нейроисторицизм противопоставит истории как процессу, как важнейшему элементу человеческого самосознания.

Ключевые слова: нейросеть, медиатеchnологии, медиареальность, история, нарратив, текст

Для цитирования: Фортунатов А. Н. Нейроисторицизм как имитативная реальность: особенности формирования визуальных образов российских городов с помощью нейросетей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 293–297. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-293-297>, EDN: AFCDHB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Neurohistoricism as an imitative reality: Special features of the formation of visual images of Russian cities using neural networks

A. N. Fortunatov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia

Anton N. Fortunatov, anfort1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6822-2003>

Abstract. Introduction. In the media reality, there is no reflection of the subject about the causes of the emergence of media objects. The media offer a fait accompli. In response, a person uses a unique property of his consciousness - the ability to build a consistent picture of the world from disparate elements, overcoming the discreteness of technologies. **Theoretical analysis.** Neural networks are trying to turn a person into a passive consumer of an already assembled picture of the world. However, artificial intelligence is entirely dependent on the text as a material product devoid of subjectivity, which manifests not only the "death of the author", but also the destruction of meanings. History in the interpretation of neural networks appears in the form of funny comics. As a result, mystical worlds arise that have nothing to do with the real events of the past. This is neurohistoricism. **Empirical analysis.** In presentations of Russian cities in the form of portraits of people, neural networks destroy classical history as a space of reflection. The impersonality and vulgarity of presentations can be interpreted not only as a result of incorrect wording of the task by the customer, but also as an antagonism between artificial intelligence and real human consciousness. **Conclusion.** Neurohistoricism opposes history as a process, as an essential element of human self-consciousness.

Keywords: neural network, media technologies, media reality, history, narrative, text

For citation: Fortunatov A. N. Neurohistoricism as an imitative reality: Special features of the formation of visual images of Russian cities using neural networks. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 293–297 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-293-297>, EDN: AFCDHB

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Отсутствие возможности забвения является неотъемлемым и зловещим свойством медиареальности. Тривиализация феномена «гипертимезии», т.е. болезненного (в человеческом понимании) состояния «всепамятства» превращает медиа не только и не столько в источник бесконечных сведений о прошлом, сколько в монструозного «носителя истин», верифицировать которые индивид оказывается не в состоянии в силу, как минимум, различных механизмов восприятия прошлого [1]. Медийная революция XX в. строилась на технологических проектах, призванных обеспечить доставку информации субъекту-потребителю на скоростях и в объемах, намного превышающих его психофизиологические возможности. Не случайно еще на заре телевидения один из его разработчиков, петербургский профессор Б. Л. Розинг в 1907 г. называл электронный способ развертки «безынерционным пером», «рисующим» картинку намного быстрее, чем это может сделать человеческий глаз [2, S. 15; 3, с. 38]. Любое видеоизображение спустя век уже не может быть подвергнуто критическому анализу по поводу его истоков (прообразов) и должно восприниматься как самодостаточное, не требующее объяснений. То же обстоятельство относится и к бесконечным, немислимым в буквальном значении объемам хранения информации.

В связи с внедрением искусственного интеллекта в процесс производства субъективированных реальностей особенно остро встает вопрос об этике обратных связей между медиареальностью как констатацией идеологии и ее действительным прообразом, все дальше уходящим из сферы социальной рефлексии. Медиа формируют историю, которой не было в реальности, и в нашем исследовании нарративные, повествовательные особенности этой псевдоистории служат отражением технологий убеждения и имитации. Прежнее понимание «исторического развития» сменяется проектом разворачивания эволюционного процесса вспять: история предстает в виде непредсказуемого коммерческого проекта, блокбастера, строящегося в строгом соответствии с маркетинговым принципом удовольствия и удовлетворения потребностей «познающего» субъекта.

Теоретический анализ

Одной из важнейших проблем в области медиаонтологии является вопрос о технологиях, способах, механизмах замены человеческой

реальности на медиальную, превращения ее в непрекращающийся нарратив, разворачивающийся не вследствие усилия человека, а в соответствии с логикой механической рекурсии медиапроизводства (Н. Луман). В соответствии с уже проведенными нами исследованиями имитативной коммуникации ««новое», порожденное алгоритмами имитационного ухода от действительности, становится контр-реальным (точнее, – не-реальным), что актуализирует несколько гротескную дихотомию в современной коммуникации, проявляющуюся, в том числе, и в различного рода девиациях: новое vs реальное» [4, с. 36]. Новизна становится современным парафразом скорости в ее модернистском эстетическом значении начала XX в. «Новое» – т.е. созданное медиасистемами в обход человеческого сознания и не требующее рефлексии.

Повествование о прошлом, представленное в виде медийно детерминированной истории, таким образом, имплицитно подразумевает соответствие эстетическим принципам нарочитого, безудержного динамизма, предстающего в данном контексте в виде манипулятивно емкого пространства эмоциональных вспышек, трансдуктивных скачков от одного обособленного явления к другому, эксплуатирующего «примиряющее свойство сознания», как мы его называем: способность человека связывать в непротиворечивую картину отдельные импульсы, поступающие от органов чувств [5, с. 105]. Другими словами, человеческие интенции есть своего рода инструмент легитимации реальности, и субъектное усилие в отношении объекта внимания наделяет этот образ новыми свойствами и качествами, которые в его «объективированном», т.е. лишенном человеческого внимания состоянии, в нем и не подразумевались.

В данной ситуации реальность предстает как текст и ее обратное разворачивание к началу, т.е. к медийным первопричинам, есть своего рода «транслитерация» субъектного текста в сторону его десубъективации, лишения интенциональной связности, формирования лишь сухих, выхолощенных знаков. Такой сугубо материалистический набор символов становится катализатором релятивации человека, которая означает не аннигиляцию человеческого феномена, а стремительный крен в сторону абсолютизации объективистских критериев его понимания. Текст начинает служить примером человеческой уязвимости, неполноты, противоречивости, изъянов.

В этом контексте история предстает как торжество ошибок «на вводе», как десубъективированный нарратив. И если перефразировать

Сартра и сказать, что текст – это «замысел, который живет своей собственной жизнью, вместо того чтобы быть мхом, плесенью или цветной капустой» [6, с. 439], то в современных условиях, когда нейросети становятся «самодостаточным» имитатором субъективности, «замысел» выглядит всего-навсего технологическим процессом, отделенным от человеческой воли.

История как замысел, как интерпретативная реальность в контексте ее преобразований с помощью искусственного интеллекта превращается в своего рода приговор человечности. Именно за счет цифровых трансформаций она начинает выглядеть не как путь, не как логика эволюции, а как криптографическая модель, представляющая перед любознательным наблюдателем в виде нарочитых лозунгов (слоганов), или токенов, которые являются ключами к предопределенным «открытиям». Другими словами, нейросети с помощью интерпретаций истории формируют «самосбывающиеся пророчества», утверждающие наблюдателя в собственной системе координат. Так, популярный сервис Русского музея – возможность с помощью нейросети сымитировать собственный портрет, сделанный классическими художниками XIX–XX вв., – выглядит формой скрытого комплимента «заказчику», поскольку последний может разместить полученное изображение у себя на странице в социальных сетях, тем самым подогревая интерес к сайту музея со стороны других пользователей [7].

Собственно, об этом еще предельно открыто писал Витгенштейн: «Смысл текста можно вкратце сформулировать следующим образом: все, что может быть сказано, должно быть сказано четко, а то, о чем нельзя сказать, следует обойти молчанием» [8, с. 9]. Трогательная дискриминация того (человеческого), что скрывается за текстом, отдает приоритет механистической логике как безусловной ценности. Действительно, если взглянуть на «произведения» искусственного интеллекта в Русском музее, то вскоре возникнет интегральная этическая величина, сопровождающая каждый такой «шедевр»: это пошлость как проявление обезличенности человека, его кичевое развоплощение, сделанное с помощью отсылок к эстетическим открытиям прошлого века.

Эмпирический анализ

В феврале 2023 г. сетевой художник Кир Sol (vk.com/tranky2) создал проект визуализации российских городов на основе общедоступных исторических и туристических описаний с помо-

щью нейросети Midjourney. Этот арт-проект стал сенсацией в российском сегменте Интернета, породив множество подражаний и дополнений. Указанная нейросеть продуцирует визуальные образы на основе словесных описаний, представляя своего рода технологическую версию известной методики «словесного портрета» в криминалистике. Первоначальный альбом из 124 образов разросся до полутысячи в течение четырех месяцев, включив в себя по просьбе пользователей сети ВКонтакте не только крупные областные центры, но и малоизвестные города. Как объясняет сам автор на своей странице, он «просто выбрал такую стилистику, основанную на книгах Роберта Сальваторе (трилогия «Темный Эльф») и Джорджа Р. Р. Мартина (автор цикла «Песнь Льда и Пламени»), более известная как «Игра престолов», т. е. мрачно, но есть надежда» [9]. Нейросеть предоставляет эскизы, которые в дальнейшем дорабатываются художником.

Всмотримся в «лица» городов, представляющих, к примеру, географию данного исследования, – Нижнего Новгорода [10], в котором работает автор статьи, и Саратова [10], – места ее издания. Нахмуренный, суровый взгляд исподлобья, сдвинутые к переносице брови со скорбной складкой, отражающей болезненные, тяжелые раздумья, неулыбающиеся лица, агрессия, представленная в той или иной степени интенсивности, готовность к бою или отражению атаки, затемненные глазницы. Плюс – обезличенность одежды.

Почему у «героя» Саратова волосы развеваются ветром, а сам он одет в несколько потертый сюртук, характерный для парижской богемы позапрошлого века? Почему нижегородский персонаж подан в более спокойной обстановке, но особенно привлекают взгляд его ухоженные усы и борода, постриженные в соответствии с современной модой и контрастирующие с каким-то вычурным боярским кафтаном из XV–XVII вв.? «Примиряющее свойство человеческого сознания», о котором мы уже упоминали, подсказывает ответы из российской истории на данные вопросы, однако эти «находки» в принципе выглядят лишь человеческими, эмпатийными оправданиями вычурным решениям хладнокровных алгоритмов.

Подчеркнем, если же воспринимать эти лица с пустыми глазами лишь как олицетворение местных характеров, особенностей культур без претензии на отсылку к историческим мотивам (т. е. с иного этического ракурса), то и здесь возникает противоречие, связанное с сугубой, пошлой безликостью этих образов.

Таким образом, идентификационный потенциал данных «героев» слишком низок, а историческая ассоциативная связь чрезвычайно абстрактна. Чтобы не создавать иллюзию случайности таких эстетических явлений, сравним два других визуальных образа, созданных той же нейросетью спустя короткое время после нашумевших презентаций российских городов. В Нижегородской области в марте 2023 г. по инициативе одного из туристических агентств при поддержке газеты «Нижегородская правда» были сымитированы антропоморфные воплощения городов-районных центров.

Возьмем два похожих по своему социальному составу – Арзамас [11] и Павлово [11]. Оба представляют собой мужские портреты с по-прежнему неяркими, обезличенными чертами (отметим, что они выглядят более приветливо, чем предыдущая пара), однако в каждом из них особое внимание привлекает фон и детали, претендующие на многозначительность. Павловский «герой» держит в руках лимоны (эта отсылка сразу рождает очевидные ассоциации с особым сортом домашних «павловских» лимонов, недвусмысленно привязывая эстетическое восприятие портрета к исторической символике). Однако вокруг него – стая гусей, что никак не вяжется с промышленным потенциалом города (знаменитый Павловский автобусный завод, входящий сегодня в группу «ГАЗ», столетняя традиция ножевых и замочных промыслов, описанных еще В.Г. Короленко в «Павловских очерках»). Разгадка ребуса приводит к гусиным боям, которые проходят ежегодно в марте в с. Тумботино, находящемся в нескольких километрах от Павлово. История получает приговор с помощью «невинной» нейросети. Портрет героя становится не актом коммуникации, а актом истории, которой по сути не было. И самое главное: нейросеть удивляет формой; в силу ее непрозрачности, она воспринимается некритично, как данность, как «наиболее четкое» отражение этико-эстетического портрета города, потому что она есть готовый (а следовательно, априори правильный) результат.

Похожая ситуация и с Арзамасом. На картине – более молодой, чем павловский сосед, мужчина в старинном головном уборе, что, вероятно, должно свидетельствовать о древнем происхождении города. Снова вездесущие гуси. Здесь оправданность их появления не вызывает сомнений: арзамасский вид гусей имеет давнюю историю. Но разве этим только все должно ограничиваться? «Сорок сороков» арзамасских

храмов, запечатленных уроженцем этих мест А. Гайдаром, литературное общество «Арзамас» и множество других культурных коннотаций. Вместо них – покрытые снегом крыши: с одной стороны, крестьянской избы, с другой – вычурного административного здания. Повторим: данный эстетический разбор идет вслед за символикой презентаций, продолжая традицию этического оправдания коммуникативных «раздражителей» в обезличенном (обескровленном) визуальном тексте.

Заключение

Пустая символизация исторических оснований в сгенерированных искусственным интеллектом картинах может быть названа «нейроисторицизмом», т.е. представлением образов городов в виде обезличенных визуальных текстов, лишенных как человеческого присутствия, так и драматических коллизий. Их суггестивный потенциал налицо: являясь фактом мейнстрима, они наглядно представляют собой в соответствии с формулой Г. М. Маклюэна «послание» о способе современной коммуникации. История начинает представлять отнюдь не только «удобным» источником для различных драматических сюжетов и их коммерческих реинтерпретаций (например, результаты Второй мировой войны существенно разнятся в произведениях российского и голливудского кинематографа), но и выступать оплотом архаичного гуманизма, в котором субъект обеспечивает собственные бытийные основания опорой на логику развития, на понимание собственной эволюции, истоков, корней.

Историческая правда противостоит притворливым коммуникативным истинам по глубинной своей сути, по своей структуре. Именно поэтому упразднение истории как смысловой альтернативы сегодняшней бушующей медиареальности является неявным, скрытым императивом, идущим от систем искусственного интеллекта. Для того чтобы стать более управляемым со стороны машин, человек должен выполнить ряд условий: а) утратить все иррациональное и нелогичное, что составляет суть человеческой уникальности; б) деградировать в своем мировоззрении до уровня примитивной, прямолинейной логики, т.е. отказаться от своего онтологического права видеть причины и истоки явлений и феноменов, а не воспринимать их как априори данный, свершившийся без его участия факт.

Список литературы

1. Фортунатов А. Н. Память как приговор: феномен гипертимезии в медиареальности // Вестник Нижегородского института управления. 2022. № 1 (63). С. 40–45.
2. Abramson A. *Die Geschichte des Fernsehens*. München : Wilhelm Fink Verlag, 2002. 586 S.
3. Фортунатов А. Н. Эго-медиа. Социально-философские штрихи к истории телевидения. М. : ФЛИНТА, 2018. 174 с.
4. Фортунатов А. Н. Аксиология имитативной коммуникации: постановка проблемы // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 14. С. 32–38. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2022-17-4-32-38>
5. Фортунатов А. Н. Кибергуманизм. Как коммуникативные технологии трансформируют наше общество. М. : ФЛИНТА, 2023. 184 с.
6. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Тошнота: Избранные произведения / пер. с фр. В. П. Гайдамака; вступ. ст. С. Н. Зенкина. М. : Республика, 1994. 496 с.
7. Русский музей. URL: <https://rusmuseum.ru/news/russkiy-muzey-zapustil-sobstvennyu-neyroset-v-soobshchestve-vkontakte> (дата обращения: 07.04.2023).
8. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. Л. Добросельского. М. : АСТ, 2018. 160 с.
9. Личная страница художника Кир Сол в сети ВКонтакте. URL: https://vk.com/tranky?w=wall6718603_7678 (дата обращения: 07.04.2023).
10. Города России глазами нейросети. URL: https://vk.com/album6718603_293863547 (дата обращения: 07.04.2023).
11. Телеграм-канал газеты «Нижегородская правда». URL: <https://t.me/nnpravda/34094?single> (дата обращения: 07.04.2023).
12. *zhegorodskogo instituta upravleniya* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Institute of Management], 2022, no. 1 (63), pp. 40–45 (in Russian).
13. Abramson A. *Die Geschichte des Fernsehens*. München, Wilhelm Fink Verlag, 2002. 586 S.
14. Fortunatov A. N. *Ego-media. Sotsial'no-filosofskie shtrikhi k istorii televideniya* [Ego Media. Socio-Philosophical Strokes to the History of Television]. Moscow, FLINTA, 2018. 174 p. (in Russian).
15. Fortunatov A. N. Axiology of imitative communication: Formulation of the problem. *Gumanitarnyj vector* [Humanitarian Vector], 2022, vol. 17, no. 14, pp. 32–38. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2022-17-4-32-38>
16. Fortunatov A. N. *Kibergumanizm. Kak kommunikativnye tekhnologii transformiruyut nashe obshchestvo* [Cyberhumanism. How communication technologies are transforming our society]. Moscow, FLINTA, 2023. 184 p. (in Russian).
17. Sartr Zh.-P. Existentialism is humanism. In: *Toshnota. Izbrannye proizvedeniya* [Nausea. Selected works]. Moscow, Respublika, 1994. 496 p.
18. *Russkij musej* (Russian Museum). Available at: <https://rusmuseum.ru/news/russkiy-muzey-zapustil-sobstvennyu-neyroset-v-soobshchestve-vkontakte> (accessed 7 April 2023) (in Russian).
19. Wittgenstein L. *Logiko-filosofskij traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. Moscow, AST, 2018. 160 p.
20. *Lichnaya stranitsa khudozhnika Kir Sol v seti VKontakte* (Personal page of the artist Kir Sol on VKontakte). Available at: https://vk.com/tranky?w=wall6718603_7678 (accessed 7 April 2023) (in Russian).
21. *Goroda Rossii glazami nejroseti* (Russian cities through the eyes of a neural network). Available at: https://vk.com/album6718603_293863547 (accessed 7 April 2023) (in Russian).
22. *Telegram-kanal gazety "Nizhegorodskaya pravda"* (Telegram channel of the newspaper "Nizhegorodskaya pravda"). Available at: <https://t.me/nnpravda/34094?single> (accessed 7 April 2023) (in Russian).

References

1. Fortunatov A. N. Memory as a verdict: the phenomenon of hyperthymesia in media reality. *Vestnik Ni-*

Поступила в редакцию 11.04.2023; одобрена после рецензирования 04.05.2023; принята к публикации 09.06.2023
 The article was submitted 11.04.2023; approved after reviewing 04.05.2023; accepted for publication 09.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 298–302

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 298–302

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-298-302>, EDN: YJAXFY

Научная статья

УДК 141.412

Предназначение неклассического искусства как философская проблема (на материале философии В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева)

О. В. Щекалева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Щекалева Ольга Вадимовна, соискатель кафедры онтологии и теории познания, olya.margaryan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8528-0579>

Аннотация. Введение. В современном мире проблема предназначения искусства сохраняет свою актуальность из-за возникновения различных форм неклассического искусства. Модернизм и постмодернизм отличаются от классического искусства, поэтому неправомерно без глубокого анализа перенести предназначение классического искусства на данные направления. Представляется целесообразным для анализа неклассического искусства рассмотреть его через оптику русской религиозной философии. **Теоретический анализ.** Представители философии всеединства и представитель религиозного экзистенциализма Н. А. Бердяев писали о предназначении классического искусства. Возникает вопрос: в чем заключается предназначение неклассического искусства – модернизма и постмодернизма? Сами философы В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев анализировали произведения классического искусства и модернистские произведения. Осуществлен анализ артефактов искусства постмодернизма сквозь оптику русской религиозной философии. **Заключение.** Для глубокого анализа произведений неклассического искусства следует использовать критерии, разработанные в философии всеединства, поскольку любое произведение искусства может быть оценено на предмет стремления автора к осуществлению всеединства и с точки зрения актуализации вечных идей. Также возможно использование концепции творчества Н. А. Бердяева для анализа модернизма, но для оценки искусства постмодернизма данная концепция неприменима.

Ключевые слова: искусство, русская философия, модернизм, постмодернизм

Для цитирования: Щекалева О. В. Предназначение неклассического искусства как философская проблема (на материале философии В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 298–302. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-298-302>, EDN: YJAXFY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**The purpose of non-classical art as a philosophical problem
(based on the philosophy of V. S. Solovyov, S. N. Bulgakov and N. A. Berdyaev)**

O. V. Shchekaleva

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Olga V. Shchekaleva, olya.margaryan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8528-0579>

Abstract. Introduction. In the modern world, the problem of the purpose of art remains relevant due to the emergence of various forms of non-classical art. Modernism and postmodernism differ from classical art, therefore it is inappropriate to transfer the purpose of classical art to these movements without a deep analysis. It seems reasonable for the analysis of non-classical art to consider it through the spectacles of Russian religious philosophy. **Theoretical analysis.** Representatives of the philosophy of unity and the representative of religious existentialism N. A. Berdyaev wrote about the purpose of classical art. The question arises: what is the purpose of non-classical art – modernism and postmodernism? The philosophers themselves – V. S. Solovyov, S. N. Bulgakov, N. A. Berdyaev analyzed works of classical art and modernist works. The author analyzes the artifacts of postmodern art through the spectacles of Russian religious philosophy. **Conclusion.** For a deep analysis of works of non-classical art, the criteria developed in the philosophy of unity should be used, since any work of art can be evaluated for the author's desire to realize unity and from the point of view of actualization of eternal ideas. It is also possible to use the concept of Berdyaev's creativity for the analysis of modernism, but this concept is not applicable for evaluating the art of postmodernism.

Keywords: art, russian philosophy, modernism, postmodernism

For citation: Shchekaleva O. V. The purpose of non-classical art as a philosophical problem (based on the philosophy of V. S. Solovyov, S. N. Bulgakov and N. A. Berdyaev). *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 298–302 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-298-302>, EDN: YJAXFY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В наше время сохраняет свою актуальность проблема предназначения искусства из-за кажущегося отсутствия идеальной цели в искусстве модернизма и постмодернизма. Русские религиозные философы построили оригинальные концепции творчества, поэтому представляется целесообразным обратиться к их философии для решения проблемы предназначения искусства.

Теоретический анализ

Согласно религиозной философии всеединства В. С. Соловьева и С. Н. Булгакова творцом всего мира является Бог, а человек в творчестве выступает соратником Бога. Говоря о предназначении искусства, В. С. Соловьев критикует утилитарную концепцию, согласно которой искусство является полезным [1, с. 35]. Ярким примером применения этой концепции служит «Государство» Платона, где поэзия и музыка должны быть направлены на патриотическое воспитание граждан [2]. В. С. Соловьев полагает, что искусство приносит пользу в религиозном смысле, потому что в нем воплощается божественный дух [1, с. 90]. Он также выступает против концепции «искусства для искусства», которая говорит о «сепаратизме» искусства и не решает вопрос о его предназначении [1, с. 93]. В. С. Соловьев, напротив, утверждал глубинную связанность искусства с другими видами человеческой деятельности и сравнивал искусство с дыханием, которое также необходимо для человека, как искусство для человечества. Философ провозглашает всеобщую связанность частей целого мира. При этом каждая часть подчинена целому и обладает относительной самостоятельностью, в связи с этим искусство подчинено окончательной цели исторического развития, а история движется от «разобщения частных групп к всеобщей солидарности» [1, с. 93], т. е. к всеединству. Человек способен осуществить всеединство, потому что Бог наделил его бессмертной душой. Цель искусства – осуществление всеединства, потому что «художественная деятельность не имеет...какого-то особого высшего предмета, а лишь по-своему, своими средствами служит общей жизненной цели человечества» [1, с. 95]. Выражение красоты в искусстве как раз является средством достижения всеединства, но пока не наступил конец мира, у нас есть только «проблески» абсолютной красоты [3, с. 73].

Относительно сущности произведения искусства В. С. Соловьев пишет: «Всякое ощу-

чительное изображение какого бы то ни было предмета и явления с точки зрения его окончательного состояния, или в свете будущего мира, есть художественное произведение» [3, с. 74]. Он считал, что автор произведения искусства обязательно должен знать цели искусства, его предназначение [1, с. 95], однако, на наш взгляд, человек может написать шедевр по наитию, не задумываясь, чему служит его произведение.

В. С. Соловьев подвергал анализу не только произведения классического искусства, но и модернистские. В модернизме он усматривал две тенденции – позитивную и негативную. Позитивная тенденция проявляется в стремлении преобразовать, улучшить мир, а негативная – в намерении нового искусства разорвать связь с добром и истиной [1, с. 345]. В. С. Соловьев подробно иллюстрирует, как именно проявляется негативная сторона: «Если художник в каком-нибудь телесном образе то, что выше, он поставит ниже, и то, что назади, переставит вперед...то, погрешая прежде всего против истины, он, вместе с тем и тем самым, погрешит против красоты, произведя нечто безобразное» [1, с. 348]. Можно заметить, что этим высказыванием философ предвосхищает появление кубизма.

В. С. Соловьев считал, что искусство постоянно находится в процессе развития и писал о появлении нового искусства: «Новоевропейские народы уже исчерпали все прочие известные нам роды искусства, и если это последнее имеет будущность, то в совершенно новой сфере действия» [3, с. 83]. Стоит отметить, что неклассическое искусство включает в себя новые виды и направления – кино, компьютерные виды творчества, дадаизм, поп-арт, ассамбляж, перформанс. Про этом в традиционных видах искусства (в театре, в живописи, в музыке) происходят качественные изменения, существенные преобразования формы и содержания. Значит, критику В. С. Соловьевым модернизма нельзя распространять на все произведения неклассического искусства. Таким образом, цель искусства, предложенная философом, относится не только к классическому искусству, но и к неклассическому.

В. С. Соловьев также предлагал критерии оценки художественного произведения, которые, на наш взгляд, можно применить не только к классическому искусству, но и к модернизму и постмодернизму. Таких критериев два – общеидеальный и специально-эстетический. Общеидеальный критерий ведет к вопрошанию – какая идея лежит в основе конкретного произведения

(высшего или низшего порядка), а специально-эстетический побуждает проанализировать, удалось ли автору должным образом воплотить эту конкретную идею в материале [1, с. 43].

Другой представитель философии всеединства С. Н. Булгаков анализирует искусство, исходя из центрального понятия своей философии – Софии. София – это мировая душа, посредник между Богом и миром, вместилище вечных идей, идеальный план тварного бытия. Софию как единство божественных первообразов можно назвать всеединством. Следуя этим онтологическим положениям, главную цель классического искусства С. Н. Булгаков видел в актуализации софийных идей, т. е. человек не создает идеи и красоту, а проявляет софийные идеи и красоту. Как уже отмечалось, единственным творцом в мире является Бог. Искусство как голос горнего мира служит наиболее религиозным элементом секуляризованной культуры и приближает человека к божественному бытию. Конечное предназначение искусства состоит в изменении мира, но оно не способно кардинально изменить мир. Для полного преобразования необходимо вмешательство Бога, которое произойдет в конце времен [4, с. 350–358].

Модернистское искусство актуализирует софийные идеи, о чем свидетельствует анализ С. Н. Булгаковым картин Пикассо [5, с. 38], из которого можно заключить, что постмодернистское искусство тоже способно актуализировать вечные идеи и привносить в их осмысление нечто новое. Например, в работе Джонсона Цанга «Партнер на всю жизнь», очевидно, нашла воплощение вечная идея любви и данную идею автор выразил в виде блюда и чашки [6].

Представитель религиозного экзистенциализма Н. А. Бердяев анализировал преимущественно работы художников эпохи Возрождения – Донателло, Паллайоло, Вероккио, Боттичелли, Леонардо да Винчи. Особенно высоко он ставил картины Боттичелли и Леонардо да Винчи, отмечая, что их творения вошли в вечность как в наибольшей мере воплощающие духовное начало [7, с. 226]. Н. А. Бердяев полагал, что искаженное, демоническое творчество невозможно, поскольку зло «сгорает» в творческом экстазе. Так, в картине «Джоконда» Леонардо да Винчи демонизм превратился в вечную красоту [8, с. 386–388]. Можно согласиться с М. И. Панфиловой в том, что многие мыслители Серебряного века видели в эпохе Возрождения истоки современности, так как в начале XX в. в России был свой «ренессанс», и философы не могли не проводить параллели [9, с. 99].

Исходя из философии творчества Н. А. Бердяева, можно сделать вывод, согласно которому цель классического искусства состоит в воплощении духовного начала в материальное, для такого воплощения необходимо соприкосновение автора произведения с мистической реальностью [10, с. 32]. В глобальном смысле предназначение искусства заключается в том, что через него человек продолжает творение мира, которое не завершено Богом, а также подготавливает конец мира, создавая «новое бытие», преображает мир [11, с. 354–357]. Для философа важно не только предназначение искусства для всего мира, но и смысл искусства для человека, потому что исходный постулат религиозного экзистенциализма Н. А. Бердяева – конкретная эмпирическая личность [12, с. 402]. Применительно к творчеству главным является воспарение человека к трансцендентной области, а не объективация воспринятых идей в материальном мире. В этих восхождениях к трансцендентному человек поистине свободен, а свободу Н. А. Бердяев полагает первичной. Творчество – это переход от небытия к бытию через акт свободы [13, с. 4]. Смысл искусства для человека заключается еще и в возможности личного спасения, искупления грехов [8, с. 339]. Образ автора чаще всего не совпадает с моральным идеалом христианства – «творец и великий творец может быть гулякой праздным» [11, с. 85].

Из произведений неклассического искусства Н. А. Бердяевым были проанализированы пьесы Мориса Метерлинка [14], картины Пабло Пикассо [10], произведения Андрея Белого [15]. Пикассо «разложил» образ человека на элементы, в его картинах материя потеряла оформленность [10, с. 30]. Философ видел в романе Андрея Белого «Петербург» такой же процесс расплавления, что и в картинах Пикассо. Однако в романе Андрея Белого распыляются кристаллы слова, а не материя [15, с. 434]. Н. А. Бердяев пришел к выводу о том, что в данных произведениях дух не воплощается в материю, и человек не достигает трансцендентной реальности. Н. А. Бердяев выделял в искусстве два направления – классическое и теургическое [16, с. 25]. Теургическое искусство появится после смерти культуры и будет направлено на преобразование бытия и создание нового человека [8, с. 457]. Такое искусство является религиозной деятельностью.

Поскольку предназначение искусства состоит в воплощении духа в материю, то вполне возможно в модернистских произведениях

найти такое воплощение. Философ считал, что первая стадия модернизма – декадентство, в некоторых произведениях содержащее в себе мистические прозрения [16, с. 15–27]. Значит, предназначение классического искусства, предложенное Н. А. Бердяевым, можно распространить на модернизм.

Постмодернизм не является теургическим искусством, так как не имеет отношения к религиозной деятельности и не ставит себе целью полное изменение мира. Классическим искусством постмодернизм тоже не является. Значит, постмодернизм выпадает из поля исследования как не-искусство, и мы не сможем определить его предназначение, исходя из религиозного экзистенциализма Н. А. Бердяева.

Заключение

Итак, мы выяснили, что философская концепция Н. А. Бердяева не подходит для определения предназначения искусства постмодернизма, но она дает возможность определить цель классического искусства и модернизма как воплощение духа в материю. Иначе обстоит дело с философскими концепциями В. С. Соловьева и С. Н. Булгакова, позволяющими определить предназначение не только классического искусства, но и неклассического. В философии В. С. Соловьева предназначение искусства состоит в осуществлении всеединства, а в философии С. Н. Булгакова – в изменении мира через актуализацию вечных софийных идей. Также общеидеальный и специально-эстетический критерии В. С. Соловьева могут помочь при анализе любого произведения искусства.

Стоит отметить, что в философии всеединства нет негативного отношения к материи, которая может быть преобразована в искусстве. Так, В. С. Соловьев писал, что материя в конце времен будет искуплена и превратится в «Богоматерию» [1, с. 253]. У Н. А. Бердяева прослеживается отрицательное отношение к материи. Он как представитель религиозного экзистенциализма ставит на первый план духовную составляющую личности и поэтому для него важно не только общемировое предназначение искусства, но и то, что дает искусство автору произведения.

Таким образом, преимуществом рассмотренных концепций является утверждение неутилитарного, идеального предназначения искусства. Русские философы обозначили метафизическую основу искусства.

Список литературы

1. Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М. : Искусство, 1991. 702 с.
2. Платон. Государство. М. : Академический проект, 2015. 398 с.
3. Соловьев В. С. Общий смысл искусства // Соловьев В. С. Смысл любви : Избранные произведения. М. : Современник, 1991. С. 69–85
4. Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М. : Республика, 1994. 412 с.
5. Булгаков С. Н. Тихие думы. М. : Республика, 1996. 509 с.
6. Манойлович А. Оживающая керамика: мастер динамики и сюрреализма Джонсон Цанг // Альманах Artifex. 2016. № 12. URL: <https://artifex.ru/скульптура/оживающая-керамика-джонсон-цанг/> (дата обращения: 05.10.2022).
7. Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т. 1. М. : Искусство, ИЧП «Лига», 1994. 541 с.
8. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М. : Правда, 1989. 608 с.
9. Панфилова М. И. Ренессанс и его смыслы в философии Н. А. Бердяева // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 4 (232). С. 99–108.
10. Бердяев Н. А. Пикассо // София. 1914. № 3. С. 30–45.
11. Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. М. : Республика, 1993. 383 с.
12. Евлампиев И. И. История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта. СПб. : Издательство Российской христианской гуманитарной академии, 2020. 920 с.
13. Бердяев Н. А. Война и эсхатология // Путь. № 61 (октябрь 1939 – март 1940). С. 3–14.
14. Бердяев Н. А. Sub specie aeternitatis. Опыт философии, социальные и литературные (1900–1906 гг.). М. : Канон+; Реабилитация, 2002. 655 с.
15. Бердяев Н. А. Астральный роман // Типы религиозной мысли в России. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 3. Париж : YMCA-Press, 1989. С. 430–440.
16. Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. СПб. : Тип. Товарищества «Общественная польза», 1910. 314 с.

References

1. Solov'ev V. S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow, Iskusstvo, 1991. 702 p. (in Russian).
2. Plato. *Gosudarstvo* [Republic]. Moscow, Akademicheskii projekt, 2015. 398 p. (in Russian).
3. Solov'ev V. S. The General Meaning of Art. In: Solov'ev V. S. *Smysl lyubvi: Izbrannye proizvedeniya* [The Meaning of Love: Selected Works]. Moscow, Sovremennik, 1991, pp. 69–85 (in Russian).

4. Bulgakov S. N. *Svet nevecherniy. Sozertsaniya i umozreniya* [Unfading Light. Contemplation and Speculation]. Moscow, Respublika, 1994. 412 p. (in Russian).
5. Bulgakov S. N. *Tihie dumy* [Quiet Thoughts]. Moscow, Respublika, 1996. 509 p. (in Russian).
6. Manoylovich A. Reviving ceramics: Master of dynamics and surrealism Johnson Tsang. *Al'manakh Artifex* (The Artifex Almanac), 2016, no. 12. Available at: <https://artifex.ru/skul'ptura/ozhivayushchaya-keramika-dzhonson-tsang/> (accessed 5 October 2022) (in Russian).
7. Berdyaev N. A. *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva: v 2 t. T. 1* [Philosophy of Creativity, Culture and Art: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Iskusstvo, IChP "Liga", 1994. 541 p. (in Russian).
8. Berdjaev N. A. *Filosofija svobody. Smysl tvorchestva* [The Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity]. Moscow, Pravda, 1989. 608 p. (in Russian).
9. Panfilova M. I. The Renaissance and its meanings in N. A. Berdyaev's philosophy. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Scientific and Technical Bulletin of SPbGPU. Humanities and Social Sciences], 2015, no. 4 (232), pp. 99–108 (in Russian).
10. Berdyaev N. A. Picasso. *Sofiya* [Sophia], 1914, no. 3, pp. 30–45 (in Russian).
11. Berdyaev N. A. *O naznachanii cheloveka. Opyt paradoksal'noy etiki* [On the Destiny of a Person. Experience of Paradoxical Ethics]. Moscow, Respublika, 1993. 383 p. (in Russian).
12. Evlampiev I. I. *Istoriya russkoy metafiziki v XIX–XX vekakh. Russkaya filosofiya v poiskakh Absolyuta* [History of Russian Metaphysics in XIX–XX Centuries. Russian Philosophy in Search of Absolute]. St. Petersburg, Izdatel'stvo RKhGA, 2020. 920 p. (in Russian).
13. Berdyaev N. A. War and Eschatology. *Put'* [Way, no. 61], October 1939 – March 1940, pp. 3–14 (in Russian).
14. Berdyaev N. A. *Sub specie aeternitatis. Opyty filosofskie, sotsial'nye i literaturnye (1900–1906 gg.)* [Sub Specie Aeternitatis. Philosophical, Social and Literary Experiments (1900–1906)]. Moscow, Kanon+, Reabilitatsiya, 2002. 655 p. (in Russian).
15. Berdyaev N. A. Astral Romance. In: *Tipy religioznoj mysli v Rossii. Sobranie sochinenij: v 3 t. T. 3* [Types of Religious Thought in Russia. Collected works: in 3 vols. Vol. 3]. Parizh, YMCA-Press, 1989, pp. 430–440 (in Russian).
16. Berdyaev N. A. *Dukhovnyi krizis intelligentsii* [The Spiritual Crisis of the Intelligentsia]. St. Petersburg, Tipografiya Tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za", 1910. 314 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 06.10.2022; одобрена после рецензирования 18.04.2023; принята к публикации 09.06.2023
The article was submitted 06.10.2022; approved after reviewing 18.04.2023; accepted for publication 09.06.2023

ПСИХОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 303–307

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 303–307

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-303-307>

EDN: XASWJE

Научная статья

УДК 159.9:331.103(075.8)

Организационная психология в условиях специальной военной операции и после: задачи прежние, контексты и акценты новые

К. М. Гайдар

Воронежский государственный университет, Россия, 394018, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1

Гайдар Карина Марленовна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, marlen_lora@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6620-9366>

Аннотация. Введение. Поднимается проблема особенностей работы организационных психологов в условиях специальной военной операции (СВО) и после ее завершения. Выявляются сходство экзистенциальных смыслов Великой Отечественной войны и СВО и различия в сопровождающих их социально-психологических процессах. **Теоретический анализ.** Утверждается, что при сохранении традиционных задач, но изменении условий их решения содержание деятельности организационных психологов претерпевает трансформации, которые могут стать еще более выраженными после окончания СВО. Новые социально-психологические контексты ведут к иным акцентам в работе организационных психологов. В частности, на основе анализа задач организационной психологии и актуального практического опыта выявлены новые акценты в таких направлениях работы психологов в организациях, как сохранение организационной культуры и сплочение трудовых коллективов, психологическое сопровождение работников, формирование у них психологической готовности к конструктивному взаимодействию с участниками СВО после их возвращения к мирной жизни, консультирование последних по их запросам. **Заключение.** В качестве итога проведенного анализа сформулировано положение о необходимости уделять повышенное внимание подготовке организационных психологов к работе в новых условиях, решения задачи количественного и качественного обеспечения этой подготовки.

Ключевые слова: организационная психология, организационный психолог, участник СВО, организационная культура, социально-психологический контекст

Для цитирования: Гайдар К. М. Организационная психология в условиях специальной военной операции и после: задачи прежние, контексты и акценты новые // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 303–307. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-303-307>, EDN: XASWJE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

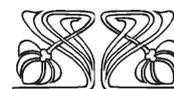
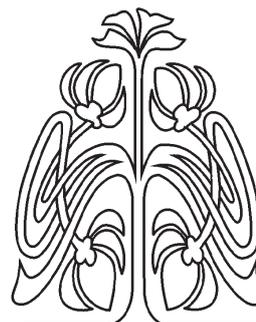
Organizational psychology in the conditions of a special military operation and afterwards: Old tasks, new contexts and emphasis

К. М. Gaidar

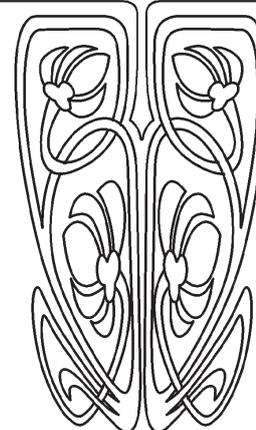
Voronezh State University, 1 Universitetskaya pl., Voronezh 394018, Russia

Karina M. Gaidar, marlen_lora@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6620-9366>

© Гайдар К. М., 2023

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Abstract. Introduction. The problem of the peculiarities of the work of organizational psychologists in the conditions of a special military operation (SMO) and after its completion is raised. The similarity of the existential meanings of the Great Patriotic War and the SMO and the differences in the socio-psychological processes that accompany them are revealed. **Theoretical analysis.** It is argued that while maintaining traditional tasks, but changing the conditions for their solution, the content of the activities of organizational psychologists undergoes transformations that can become even more pronounced after the end of the SMO. New socio-psychological contexts lead to different emphases in the work of organizational psychologists. In particular, on the basis of analysis of the tasks of organizational psychology and current practical experience, new emphasis has been identified in such areas of work of psychologists in organizations as the preservation of organizational culture and the cohesion of work teams, the psychological support of workers, the formation of their psychological readiness for constructive interaction with participants in the SMO after their return to civilian life, advising the latter on their requests. **Conclusion.** As a result of the analysis, a position was formulated on the need to pay increased attention to the training of organizational psychologists to work in new conditions, to solve the problem of quantitative and qualitative support for this training.

Keywords: organizational psychology, organizational psychologist, SMO participant, organizational culture, socio-psychological context

For citation: Gaidar K. M. Organizational psychology in the conditions of a special military operation and afterwards: Old tasks, new contexts and emphasis. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 303–307 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-303-307>, EDN: XASWJE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Жизнь нашей страны в период с 1945 по 2021 г. не была стабильной и однообразной. 76-летний этап вместил очень не похожие друг на друга события: развенчание культа личности И. В. Сталина, хрущевская оттепель, «брежневская эпоха», «годы застоя», горбачевская перестройка, распад Советского Союза, «времена смуты» в 1990-е и 2000-е гг., наконец, возрождение Российского государства в новом веке и с новым руководством. Тем не менее вся новая и новейшая история страны пронизана единым лейтмотивом – мирной жизнью народа. Чистое небо над головой многих поколений, международное сотрудничество, направленное на укрепление доверия между странами и народами, наличие у ряда мировых держав ядерного оружия как самого мощного фактора сдерживания, казалось, гарантировали, что пережитые в Великую Отечественную войну ужасы никогда не вернуться.

Однако история России сделала очередной крутой вираж. Объявленная 24 февраля 2022 г. Президентом РФ В. В. Путиным специальная военная операция (СВО) по своему экзистенциальному смыслу сродни Великой Отечественной войне: это борьба за выживание не только нашего государства, но и российского народа как такового. Но она протекает в совсем ином социально-психологическом контексте. В начале 40-х гг. прошлого века ожидание войны, как говорится, «носилось в воздухе». Население хорошо понимало, что усилия руководства страны по оттягиванию ее начала – вынужденная мера. Это может способствовать наращиванию сил и резервов, но не сможет предотвратить фашистскую агрессию. Именно поэтому в общественном сознании сформировалась своеобразная психологическая готовность к тому, что война рано или поздно

начнется. Кроме того, системная идеологическая работа, охватывающая буквально всех граждан, приносила положительные плоды, формируя готовность дать отпор врагу, несмотря на то, что имели место попытки повлиять на общественные настроения, расшатать единство советского народа, посеять панику. Причем известно, что эти попытки предпринимались как извне (со стороны пропагандистской машины фашистской Германии), так и изнутри. Однако сила деструктивных воздействий была невелика, что связано с упомянутой идеологической работой и тогдашним уровнем развития средств массовой информации.

В наши дни складывается все иначе: начало СВО стало неожиданностью не только для населения, но и для целого ряда подразделений Вооруженных Сил. Вряд ли есть основания говорить о психологической готовности к подобной ситуации. Одновременно страна оказалась не готова к той информационно-психологической войне, которая развязана против нее и которая, как теперь стало ясно, готовилась задолго до февраля 2022 г. При этом возможности информационно-психологического разрушительного воздействия несравнимы с ситуацией начала Великой Отечественной войны. Это обусловлено действием электронных СМИ, привычкой огромного числа людей черпать информацию из Интернета, не подвергая ее критическому осмыслению, преобладанием у немалой части граждан, особенно молодого возраста, так называемого клипового мышления. Скорость распространения информации в Интернете, масштабы охвата, сопровождение ее образным рядом, что влияет, прежде всего, на эмоциональное состояние и блокирует критические механизмы мышления, не идет ни в какое сравнение по силе воздействия с листовками, сбрасывавшимися с вражеских самолетов, или

с паническими настроениями у некоторой части населения в начальный период войны, пережившимися, что называется, «из уст в уста».

Теоретический анализ

Сегодняшняя ситуация требует, чтобы оперативно была выстроена система психологической работы и с участниками СВО, и с широкими слоями населения – система целостная, преемственная, комплексная. Безусловно, в эту работу должны быть включены военные психологи (непосредственно взаимодействующие с военнослужащими как в зоне СВО, так и в тылу), клинические психологи (внимание которых сосредоточено на тех, кто не в силах самостоятельно справиться с огромным нервно-психическим перенапряжением, получил ранение или входит в так называемую «группу риска»). Своя значимая роль в этой системе должна принадлежать организационным психологам.

Очевидно, что, работая в самых разных организациях, психологи продолжают выполнять свойственные им функции и решать типовые для организационной психологии задачи. Общая задача, как известно, состоит в повышении эффективности деятельности организации посредством актуализации и оптимизации психологических и социально-психологических явлений, обусловленных поведением, деятельностью, взаимоотношениями отдельных личностей и групп работников. Отсюда вытекает ряд частных задач, связанных с такими организационными проблемами, как профессиональная адаптация сотрудников, формирование организационной приверженности и организационной культуры, развитие подразделений организации как команд, групповых субъектов совместной деятельности, оптимальное соотношение руководства и лидерства и ряд др. [1–3].

Актуальная военно-политическая ситуация, естественно, не меняет основных задач организационных психологов, но в настоящее время им приходится работать в новых социально-психологических контекстах, а это требует расстановки иных акцентов в работе, нежели прежде.

В условиях СВО во многих организациях неожиданно высветились риски для организационной культуры независимо от численности работников, формы собственности, профиля деятельности. Эти риски порождает новое информационное поле, в котором оказались граждане страны в связи с упомянутой информационно-психологической войной, ведущейся против России. Данное информационное поле агрессивно и

бесцеремонно вторгается в их сознание, обладает негативным внушающим воздействием, у части людей парализует волю, провоцирует недоверие к действиям властей, Вооруженных Сил, источникам официальной информации. Информационный контекст усугубляется аксиологическим контекстом. Сегодня наряду с усилением у одной части населения приверженности традиционным, исторически сложившимся, проверенным веками культурно-нравственным ценностям встречаются и те, у кого наблюдается мировоззренческий кризис, конфликт ценностей, а то и ценностный вакуум. И вот те, кто еще недавно шли единым строем в «Бессмертном полку», отдавая дань памяти своим героическим предкам, отстаивавшим свободу и независимость нашей Родины, теперь ожесточенно спорят, в том числе и на рабочих местах, о том, надо ли было начинать СВО, не есть ли это вмешательство в дела другого государства, выстоит ли наша страна без зарубежных технологий и инвестиций и т.п. Одни сотрудники берут отпуск и уезжают добровольцами в зону СВО, другие увольняются в знак несогласия с происходящими событиями. В этих непростых условиях психологу организации следует уделять повышенное внимание сохранению сложившейся прежде организационной культуры и ее укреплению, мотивируя сотрудников не терять психологическое единство, видеть в первую очередь сближающие их моменты, поскольку разобщение людей – одна из первостепенных задач недоброжелателей России, хорошо знающих, что ее сила всегда была именно в единстве народа. В пору говорить сегодня не только о боевом слаживании военных и других специальных подразделений, но и о психологическом слаживании трудовых коллективов, организаций на единой морально-психологической и ценностной основе. Устойчивой организационной культуре в этом принадлежит немалая роль.

Еще один акцент в работе организационных психологов – это психологическое состояние работников, которое нередко дестабилизировано событиями, происходящими не только в стране и вокруг нее, но и в их собственных семьях. Ситуации самые разные – от призыва по частичной мобилизации родных и близких до переживаний за родственников, живущих на Донбассе, в Запорожской или Херсонской областях, а также в различных регионах Украины. В одних случаях это невозможность узнать что-либо об их судьбе, в других – известия о гибели родственников, в третьих – полный разрыв отношений с родными, к сожалению, инициируемый в подавляющем большинстве случаев жителями Украины. В по-

добных обстоятельствах востребован комплекс психологических мероприятий, направленных на оказание психологической поддержки работников, снижение у них уровня тревоги, повышение стрессоустойчивости, переосмысление жизненной ситуации, переключение сознания на продуктивные формы социальной активности.

Еще древние философы утверждали: все, что имеет начало, имеет и конец. Закончится и СВО. Мы уверены, что она завершится нашей победой, но мы не знаем пока, когда это произойдет. Тем не менее организационным психологам уже сегодня надо думать о том, что, скорее всего, содержание их работы продолжит меняться и после окончания СВО. К перечисленным выше контекстам добавится еще один, возможно, наиболее сложный – комбатанты будут возвращаться домой, вновь трудоустраиваться, привыкать к мирной жизни. Конечно, хотелось бы, чтобы эти процессы протекали спокойно, как говорят, в конструктивном ключе. И, наверняка, у многих участников СВО так и будет, но исторический опыт показывает, что определенной части ветеранов Великой Отечественной войны, так называемой афганской войны, событий 1990-х гг. на Северном Кавказе (двух чеченских войн), а также участников войны США во Вьетнаме так и не удалось по самым разным причинам адаптироваться в послевоенный период к нормальной жизни [4, 5]. И даже если такие случаи после СВО будут малочисленны, это потребует от психологов, в том числе в организациях, куда будут приходить комбатанты, значительных усилий, чтобы адаптационный период прошел успешно. Следует заострить внимание именно на социально-психологическом контексте, т.е. взаимоотношениях в трудовых коллективах вернувшихся из зоны СВО с другими работниками, их взаимной адаптации. Необходимо учитывать, что далеко не всегда факт, что бывший военнослужащий до своего участия в боевых действиях работал в той же организации и даже в том же коллективе (подразделении), сможет сыграть положительную роль.

Хотим мы того или нет, но надо четко понимать, что у того, кто принимал участие в боевых действиях (и не важно, в первом или третьем «эшелоне»), кто видел врага (кто-то лицом к лицу, кто-то на значительном удалении), кто терял боевых товарищей, был свидетелем страданий местного населения и помогал ему выжить, рискуя собственной жизнью, вел военный быт, субъективная картина мира, безусловно, будет иной, нежели у его коллег, которые все это время жили мирной жизнью. И в этом еще одно психологическое отличие СВО от Великой Отечествен-

ной войны. Тогда на психологической общности людей сказывался фактор «общей судьбы» – единство фронта и тыла воплощалось не только в том, что жизнь всей страны в кратчайшие сроки была переведена на «военные рельсы», а с 1942 г. действовала трудовая мобилизация, но и в том, что народ делил общие тяготы войны, а условия жизни в тылу, особенно на оккупированных территориях, или, к примеру, в блокадном Ленинграде, были во сто крат тяжелее, чем на фронте. Не зря сразу после окончания войны 6 июня 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена медаль для тружеников тыла «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». По числу награждений она была третьей в стране. Ее получили более 16 млн советских граждан, внесших своими трудовыми подвигами весомый вклад в разгром фашизма.

Сегодня все складывается иначе. Большая часть населения сохранила привычный образ жизни. Это можно считать значительным социальным достижением. Однако здесь кроется психологический риск – взаимопонимание с вернувшимися из зоны СВО коллегами в коллективе может быть нарушено. Комбатантам трудно быстро перестроиться после того, как в условиях военной операции жизнь была организована очень четко и часто по биполярным критериям: «свой – чужой», «друг – враг», «приказ – выполнение», «жизнь – смерть». Жизнь организации в мирных условиях устроена гораздо сложнее, имеет массу различных нюансов и полутонов. Всем вовлеченным во взаимодействие сторонам нужно проявлять понимание, эмпатию, терпение, принимать ситуацию и людей в ней с их достоинствами и недостатками [6]. Организационным психологам уже сегодня целесообразно начинать работу в этом направлении с трудовыми коллективами, психологически готовя их к встрече со своим коллегой, которого, возможно, они знают не один год, но который, вернувшись из рядов Вооруженных Сил, представится им незнакомцем с новыми убеждениями, изменившимися привычками, другими личностными качествами. Аналогичная ситуация может сложиться в организации, где появится новый сотрудник, воевавший в зоне СВО.

В работе организационного психолога может возникнуть еще один момент: индивидуальное консультирование бывших участников СВО. Как признаются военные психологи, работающие с военнослужащими или служащими специальных подразделений как непосредственно в прифронтовой зоне, так и в других регионах

страны в период подготовки контрактников, многие хотели бы пообщаться с психологом, но не все решаются на такой шаг. Дело в том, что в любом служебном подразделении подчиненный, желающий получить консультацию психолога, должен поставить в известность командира. А это нарушает принцип конфиденциальности. Поэтому многие воздерживаются. В условиях же обычной жизни данная потребность вернувшегося из зоны боевых действий работника может быть удовлетворена без опасений. Значит, организационный психолог должен быть готов к такой работе, в том числе иметь компетенции из клинической психологии и психодиагностики, позволяющие установить психологический статус клиента. Хотя, как свидетельствуют военные психологи, все демобилизующиеся контрактники проходят психодиагностическое обследование, не исключено, что определенные тревожные симптомы могут в тот момент не проявиться. Поэтому важна повторная диагностика бывшего военнослужащего уже совсем в другой обстановке.

Заключение

В современных условиях требуется специальная подготовка будущих психологов в вузах и профессиональная переподготовка работающих психологов с учетом тех проблем, которые ставит СВО. По всей видимости, спрос на психологическое сопровождение организаций в перспективе будет возрастать. И это актуализирует необходимость увеличения числа психологов, в том числе организационных. В тяжелейшие годы Великой Отечественной войны, а именно в 1943 г. советское государство нашло возможности и средства начать в МГУ имени М. В. Ломоносова подготовку профессиональных психологов [7]. Это было признание того большого вклада, который уже тогда вносила психология в приближение победы над врагом. Думается, сегодня этот исторический факт может стать важным ориентиром в деле обеспечения – количественного и качественного – подготовки психологических кадров страны.

Список литературы

1. Занковский А. Н. Организационная психология : учебное пособие для вузов. М. : ФОРУМ, 2009. 646 с.
2. Почебут Л. Г. Организационная социальная психология : учебное пособие. СПб. : Речь, 2000. 296 с.
3. Свенцицкий А. Л. Организационная психология : учебное пособие. М. : Юрайт, 2014. 503 с.
4. Караяни А. Г., Сыромятников И. В. Прикладная военная психология. СПб. : Питер, 2006. 480 с.
5. Цыбаева Л. А. Социально-психологическая адаптация участников боевых действий // Развитие личности. 2007. № 1. С. 165–171.
6. Авдиенко Г. Ю. Психологическая коррекция и реабилитация участников боевых действий : учебник и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2021. 299 с.
7. Ждан А. Н. Фундаментальная наука и практика в советской психологии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2015. № 2. С. 4–14.

References

1. Zankovskiy A. N. *Organizatsionnaya psikhologiya* [Organizational Psychology]. Moscow, FORUM, 2009. 646 p. (in Russian).
2. Pochebut L. G. *Organizatsionnaya sotsial'naya psikhologiya* [Organizational Social Psychology]. St. Petersburg, Rech, 2000. 296 p. (in Russian).
3. Sventsitskiy A. L. *Organizatsionnaya psikhologiya* [Organizational Psychology]. Moscow, Yurayt, 2014. 503 p. (in Russian).
4. Karayani A. G., Syromyatnikov I. V. *Prikladnaya voennaya psikhologiya* [Applied Military Psychology]. St. Petersburg, Piter, 2006. 480 p. (in Russian).
5. Tsybayeva L. A. *Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya uchastnikov boyevykh deystviy. Razvitiye lichnosti* [Personal Development], 2007, no. 1, pp. 165–171 (in Russian).
6. Avdiyenko G. Yu. *Psikhologicheskaya korrektsiya i reabilitatsiya uchastnikov boyevykh deystviy* [Psychological Correction and Rehabilitation of Combatants]. Moscow, Yurayt, 2021. 299 p. (in Russian).
7. Zhdan A. N. *Fundamental'naya nauka i praktika v sovetskoy psikhologii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945). Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14, Psychology], 2015, no. 2, pp. 4–14 (in Russian).

Поступила в редакцию 11.05.2023; одобрена после рецензирования 08.06.2023; принята к публикации 09.06.2023
The article was submitted 11.05.2023; approved after reviewing 08.06.2023; accepted for publication 09.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 308–312

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 308–312

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-308-312>, EDN: SAUTHQ

Научная статья

УДК 37.013.41

Креативность и инновативность субъекта труда в новых социально-экономических условиях

Л. Н. Захарова

Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

Захарова Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии управления, zlnnnov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8244-2114>

Аннотация. Введение. В статье анализируются факторы, создающие запрос на инновационное развитие экономики: низкий уровень инновационности и производительности труда, рост бюрократичности в управлении. Обсуждается запрос инновационной экономики на креативный персонал. **Теоретический анализ.** Констатируется, что предприятия и организации нуждаются не столько в креативном, сколько в инновативном персонале, который сам может не участвовать в создании нового, но занят внедрением и принятием быстро развивающихся и принципиально меняющихся производственных и управленческих технологий, а также способен без дистресса работать в организационной среде с характеристиками нестабильности, неопределенности, сложности и неоднозначности, типичными для VUCA мира. Использование метода теоретического моделирования позволило разработать типологию личности с сочетанием качеств креативности и инновативности: консерватор, адаптор, творец идей и креативный инноватор, даны их характеристики. Показана ключевая роль адапторов и креативных инноваторов для предприятий инновационной экономики. Рассматриваются существующие ограничения становления личности с креативными и инновативными качествами. **Заключение.** Определены характеристики организационной культуры, способствующей развитию инновативности персонала. Предложены подходы к совершенствованию корпоративного обучения, снимающего барьеры инновативности.

Ключевые слова: VUCA мир, персонал, стресс инноваций, типология, креативность, инновативность

Для цитирования: Захарова Л. Н. Креативность и инновативность субъекта труда в новых социально-экономических условиях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 308–312. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-308-312>, EDN: SAUTHQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Creativity and innovativeness of the subject of labor in the new socio-economic conditions

L. N. Zakharova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhny Novgorod 603022, Russia
Lyudmila N. Zakharova, zlnnnov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8244-2114>

Abstract. Introduction. The article analyzes the factors that create a demand for innovative development of the economy: the low level of innovativeness and labor productivity, the growth of bureaucracy in management. The demand of innovative economy for creative personnel is discussed. **Theoretical analysis.** It is shown that enterprises and organizations do not need so much creative as innovative personnel who may not participate in the creation of something new, but are busy implementing and adopting rapidly developing and fundamentally changing production and managerial technologies. Such personnel can work without distress in the organizational environment with the characteristics of instability, uncertainty, complexity, and ambiguity typical of the VUCA world. The use of theoretical modeling method allowed to develop a typology of personality with a combination of qualities of creativity and innovativeness: conservator, adaptor, creator of ideas and creative innovator, their characteristics are given. The key role of adaptors and creative innovators for enterprises of innovation economy is shown. The author considers the existing limits of personality formation with creative and innovative qualities. **Conclusion.** The characteristics of organizational culture that contributes to the development of personnel innovativeness were defined. The approaches to the improvement of corporate training, which removes the barriers of innovativeness are proposed.

Keywords: VUCA world, personnel, innovation stress, typology, creativity, innovativeness

For citation: Zakharova L. N. Creativity and innovativeness of the subject of labor in the new socio-economic conditions. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 308–312 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-308-312>, EDN: SAUTHQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Переход к новому экономическому укладу, базирующемуся на инновациях, меняет социальный контекст общественной, образовательной и трудовой жизни, поскольку он сопряжен с движением от устойчивого, предсказуемого, относительно простого SPOD мира к миру нестабильному, неопределенному, сложному и неоднозначному VUCA миру [1]. Инновации служат средством адекватного ответа на вызовы VUCA мира, но одновременно сами являются таким вызовом, несущим стресс, в первую очередь персоналу компаний.

Для современной России инновационность экономики имеет крайне важное значение. Наша страна устойчиво занимает 45–47-е места в Глобальном индексе инновационности [2]

По производительности труда Россия в 2–3 раза отстает от развитых стран. Внедрение инноваций – важнейшее средство повышения производительности труда. На уровне государственного управления главными условиями являются снижение барьеров в управлении и поощрение рискованных инновационных инициатив [3]. На уровне компании менеджмент решает задачи поиска персонала, способного работать в условиях перехода в инновационный формат развития в турбулентной внешней среде и рисков развития компании, в том числе связанных с внедрением инноваций и неготовности к ним персонала.

Теоретический анализ

Компании все более активно формируют запрос на персонал, соответствующий требованиям инновационной экономики.

Требуется персонал с компетенциями, выходящими за рамки формального образования (ценностями инновационности): креативный, лично вовлеченный в трудовой процесс, проявляющий ответственность и инициативу, развивающийся вместе с трудовым процессом, принимая на себя ответственность за самообучение, с умениями эффективно действовать в условиях неопределенности, стресс-устойчивый, со своевременной реакцией на быстроменяющиеся профессиональные вызовы, «агентный», т.е. со способностью не только предпринимателей, но и наемных работников. к самоорганизации и проактивности [4, 5].

Среди качеств и компетенций, востребованных инновационной экономикой, особая роль принадлежит креативности. Креативность понимается, начиная с трудов Э. П. Торренса,

Г. Айзенка, Дж. П. Гилфорда, как характеристика человека, проявляющаяся в чувствительности к проблемам и имеющемуся дефициту решений, в способности отказываться от стереотипов восприятия и мышления, в любознательности, поиске решений на основе использования особых качеств когнитивных способностей в форме преимущественно дивергентного беглого, гибкого, оригинального и иррелевантного мышления. При столкновении с неопределенностью, вызовами, рисками, новыми технологиями креативность дает возможность сотруднику перестать жить за счет сложившихся способов мышления и поведения, воспринимать быстро меняющуюся организационную среду без дистресса, позитивно, справляясь с возникающими проблемами, стандартных решений для которых нет.

Тем не менее сам запрос на креативность нуждается в психологическом анализе. Креативные ли работники нужны инновационной экономике? Работодатели ориентируются на, казалось бы, очевидную связь: инновационность компании – креативность персонала. Однако в реальности креативность не прямо означает ценностно-мотивационной и функциональной готовности ее обладателя участвовать в инновационных процессах компаний.

Более того, такого количества креативных сотрудников, которое соотносится с запросами компаний, стоящих перед необходимостью перехода в инновационный формат развития, просто нет. Как известно, людей с высоким уровнем креативности очень немного: несколько процентов [6].

Еще в трудах Й. Шумпетера, первого введшего понятие «инновации» в научный оборот, отмечено, что инновации включают как изготовление нового, т.е. еще неизвестного потребителям блага, так и внедрение нового метода (способа) производства, в основе которого не обязательно лежит новое научное открытие и который может заключаться также в новом способе коммерческого использования соответствующего товара [7, с. 132–133]. Инновация может быть терапевтическим вмешательством, методом обучения, оценочной практикой, управленческой практикой, клиническим руководством, политической директивой, инициативой по улучшению или другой деятельностью, или программой. Но это всегда конкретная технология, которая при внедрении способна повысить производительность и качество труда. Внедрение инноваций требует особых качеств: ценностно-мотивационной готовности к новому, интереса к нему, отсутствия страхов и тревоги при освоении новых техноло-

гий, последовательности в доведении начатого процесса внедрения до завершения. Это качества инновативного сотрудника.

Между креативностью и инновативностью нет прямой связи, поэтому можно считать, что успешность процесса продуцирования новых идей обусловлена одними личностными факторами, а эффективность субъекта в восприятии, внедрении и распространении этих идей – другими [8]. Креативность выступает в качестве важнейшего, но все же первого шага в инновационном процессе. Инноватор – это человек с достаточно высоким уровнем как креативности, так и инновативности. Он способен не только продуцировать новые оригинальные идеи, но и обеспечить их доведение до создания прототипа и разработки условий внедрения в практику. Внедрение само по себе является отдельной сложной деятельностью и начинается рассматриваться как относительно самостоятельное направление в науке с разработкой критериев, стадий, движущих сил [9].

Представляется целесообразным раскрыть специфику и дать анализ связи между креативностью и инновативностью с тем, чтобы определить как для менеджмента, так и для потенциального или реального работника, вектор развития инновационной креативности (рисунок).

Иновационность	Высокая	2: Адаптор	4: Креативный инноватор
	Низкая	1: Консерватор	3: Творец идей
		Низкая	Высокая
		Креативность	

Типы личности, сочетающие качества креативности и инновационности

Figure. Personality types that combine the features of creativity and innovativeness

Можно дать следующие краткие характеристики этим четырем типам личности с разным сочетанием креативности и инновативности:

1. «Консерватор». Такой сотрудник больше всего ценит стабильность и порядок, а также стремится выполнить свою работу с помощью

стандартных приемов и методов. Егостораживают и даже пугают новые идеи, он не хочет заниматься внедрением новых технологий. По своим психологическим характеристикам консерватор соответствует социально-психологическому возрасту «Старости» [10]. Эти люди, как правило, не имели на своем жизненном пути тренировки креативности, остались на ее универсальном уровне, помогающем решать повседневные задачи, модифицируя в личном адаптационном процессе уже устойчиво присутствующие в социальном опыте подходы к их решению. Такой персонал полезен в тех сферах производства, которые сохраняют традиционные управленческие и производственные технологии. Тем не менее при соответствующем управлении, не предполагающем получения быстрых результатов, корпоративном обучении, направленном на ценностную переориентацию и снижение зависимости от стереотипов, возможен его переход в категорию адапторов.

2. «Адаптор». Даже при низком уровне креативности, стимульно-продуктивном уровне интеллектуальной инициативы [6] он способен получить удовольствие от взаимодействия с новым, приложить усилия для адаптации передовой технологии к нерадикально меняющимся условиям производства. Адаптор не генерирует принципиально новые идеи и подходы, однако обладает возможностью аккумулировать опыт и идеи других. Такой сотрудник нередко может предсказать, окажется ли креативная идея полезной для организации, оценить перспективы и трудности внедрения, способен гибко адаптироваться к происходящим изменениям во внешней и внутренней среде организации. По своим психологическим характеристикам он соответствует «Среднему» социально-психологическому возрасту [10]. Этот тип сотрудника более всех остальных нуждается в развитии личной креативности, при повышении уровня которой он гораздо лучше сможет решать адапторские задачи.

3. «Творец идей». Для него характерен креативный уровень интеллектуальной инициативы [6]. Нужно учесть, что такой человек работает, как правило, не по заказу, если заказ не соответствует той области задач, в которой он реализует свою креативность. Он может показаться чрезмерно спонтанным и трудно управляемым. Если предпринимать попытки изменить его поведенческие модели, связанные с высоким уровнем креативности, он может либо уйти из компании, будучи редким и ценным сотрудником, либо понизить уровень личной креативности. Таким людям легче работать в компаниях, чья деятель-

ность направлена на создание новых технологий и где менеджмент понимает специфику психологической организации подобных людей. Его психологические характеристики соответствуют «Молодому» социально-психологическому возрасту [10]. И более всего ему может быть полезно освоение методов саморегуляции, организационной и межличностной коммуникации.

4. «Креативный инноватор». Он способен не только работать в качестве руководителя инновационных проектов, но и сам разрабатывать новые перспективные технологии, воплощать в жизнь креативные идеи, доводить до логического завершения всю цепочку инновации от креативной идеи до разработки прототипа и внедрения в производство инновационного продукта. Его креативный уровень интеллектуальной инициативы поддается саморегуляции, он позитивно воспринимает запросы компании на инновационные решения, активно участвует в соответствующих проектах, не утрачивая вектора осмысления до возможностей и условий внедрения. Будучи сам инновационно мотивированным, он может выступать в качестве супервайзера в корпоративном обучении, при соответствующем образовании способен эффективно выполнять функции директора по развитию компании, поскольку более других чувствителен к проблемам и ориентирован на поиск их решений. Его психологические характеристики соответствуют «Зрелому» социально-психологическому возрасту [10]. Поддержание ресурсов личной креативности – актуальная задача для таких людей.

Безусловно, в данной модели присутствуют только крайние проявления креативности и инновативности, тем не менее можно видеть, что особую значимость для инновационного развития компании имеет наличие в ней креативных инноваторов и сотрудников-адапторов.

Анализ результатов современных исследований дает возможность определить организационные условия, способствующие психологической и управленческой поддержке таких сотрудников. К ним относится создание открытой, доверительной и ориентированной на обучение организационной культуры (ОК), способной обеспечить приверженность персонала инновационным ценностям, снижать психологические издержки внедрения инноваций, способствовать укреплению доверия к менеджерам, поддерживать инновативный персонал [10, 11]. В такой ОК реализуются транзакционный и поддерживающий стили лидерства, опосредующие связь креативности и инновативности сотрудников, усиливая последнюю [12].

Заключение

Анализ потребности современных компаний в креативных и инновативных сотрудниках, а также связи и поведенческих проявлений этих качеств позволяет сделать следующие выводы:

1. Успешный переход компаний в инновационный формат развития требует усилий менеджмента по насыщению компаний сотрудниками, сочетающими качества креативности и инновативности.

2. Особо значимой группой персонала являются инновативные сотрудники-адапторы и креативные инноваторы. Их главные характеристики – ценностно-мотивационная готовность к инновациям, активная работа в инновационном организационном контексте без дистресса.

3. Для креативных и инновативных сотрудников нужны особые организационные условия, воплощенные в организационной культуре компании: инновационные ценности, психологическая и управленческая поддержка, придание им неформального статуса поведенческой модели в коллективе.

4. В корпоративное обучение сотрудников целесообразно ввести модули, включающие освоение методов креативного решения профессиональных задач, технологий внедрения инноваций, развития коммуникативных, в том числе лидерских, компетенций, соответствующих организационной культуре с инновационными ценностями.

Список литературы

1. Johansen B., Euchner J. Navigating the VUCA world // Research-Technology Management. 2013. Vol. 56, № 1. P. 10–15. <https://doi.org/10.5437/08956308X5601003>
2. Global Innovation Index 2022 / eds. S. Dutta, L. R. B. Lanvin, L. R. León, S. Wunsch-Vincent. Cornell SC Johnson College of Business, 2022. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/2022/ (дата обращения: 12.05. 2023).
3. Pandey M. K., Shekhawat K. K., Sergeeva I., Orlova O. A nexus among technology input, research activity, innovation, and economic growth: A vis-à-vis analysis between Asia and Europe // HSE Economic Journal. 2023. Vol. 27, № 1. P. 122–147. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2023-27-1-122-147>
4. Fossen F., Sorgner A. Mapping the future of occupations: transformative and destructive effects of new digital technologies on jobs // Foresight and STI Governance. 2019. Vol. 13, № 2. P. 10–18. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.10.18>
5. Волгин А. Д., Гимпельсон В. Е. Спрос на навыки: анализ на основе онлайн данных о вакансиях // Эконо-

- мический журнал ВШЭ. 2022. Т. 26, № 3. С. 343–374. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2022-26-3-343-374>
6. Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей. М. : Академия, 2002. 320 с.
 7. Шумпетер Й. Теория экономического развития: капитализм, социализм и демократия. М. : Эксмо, 2007. 864 с.
 8. Yagolkovskiy S. R. Relationships among individual-level correlates of innovation // *International Journal of Innovation Science*. 2019. Vol. 11, № 2. P. 196–207. <https://doi.org/10.1108/IJIS-12-2017-0133>
 9. Fixsen D., Blase K., Metz A., van Dyke M. Implementation Science // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences* / Wright J. D., ed. 2nd edition. Oxford : Elsevier, 2015. Vol. 11. P. 695–702.
 10. Захарова Л. Н., Леонова И. С. Социально-психологический возраст персонала российских компаний. М. : ИНФРА-М, 2021. 292 с.
 11. Duchek S. Organizational resilience: A capability-based conceptualization // *Business Research*. 2020. № 13. P. 215–246. <https://doi.org/10.1007/s40685-019-0085-7>
 12. Lee A., Legood A., Hughes D., Tian A. W., Newman A., Knigh C. Leadership, creativity and innovation: A meta-analytic review // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2020. Vol. 29, № 1. P. 1–35. <https://doi.org/10.1080/1359432X.2019.1661837>
 - vis analysis between Asia and Europe. *HSE Economic Journal*, 2023, vol. 27, no. 1, pp. 122–147. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2023-27-1-122-147>
 4. Fossen F., Sorgner A. Mapping the future of occupations: transformative and destructive effects of new digital technologies on jobs. *Foresight and STI Governance*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 10–18. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.10.18>
 5. Volgin A. D., Gimpel'son V. E. Demand for Skills: Analysis Using Online Vacancy Data. *Ekonomicheskij zhurnal VSHE* [HSE Economic Journal], 2022, vol. 26, no. 3, pp. 343–374. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2022-26-3-343-374> (in Russian).
 6. Bogoyavlenskaya D. B. *Psikhologiya tvorcheskikh sposobnostej* [Psychology of Creative Abilities]. Moscow, Akademiya, 2002. 320 p. (in Russian).
 7. Shumpeter J. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya: kapitalizm, socializm i demokratiya* [Theory of Economic Development: Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow, Eksmo, 2007. 864 p. (in Russian).
 8. Yagolkovskiy S. R. Relationships among individual-level correlates of innovation. *International Journal of Innovation Science*, 2019, vol. 11, no. 2, pp. 196–207. <https://doi.org/10.1108/IJIS-12-2017-0133>
 9. Fixsen D., Blase K., Metz A., van Dyke M. Implementation Science. In: Wright J. D., ed. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. 2nd edition. Oxford, Elsevier, 2015, vol. 11, pp. 695–702.
 10. Zakharova L. N., Leonova I. S. *Sotsial'no-psikhologicheskij vozrast personala rossijskikh kompaniy* [Socio-Psychological Age of Russian Companies' Personnel]. Moscow, INFRA-M, 2021. 292 p. (in Russian).
 11. Duchek S. Organizational resilience: A capability-based conceptualization. *Business Research*, 2020, no. 13, pp. 215–246. <https://doi.org/10.1007/s40685-019-0085-7>
 12. Lee A., Legood A., Hughes D., Tian A. W., Newman A., Knigh C. Leadership, creativity and innovation: A meta-analytic review. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 2020, vol. 29, no. 1, pp. 1–35. <https://doi.org/10.1080/1359432X.2019.1661837>

References

1. Johansen B., Euchner J. Navigating the VUCA world. *Research-Technology Management*, 2013, vol. 56, no. 1, pp. 10–15. <https://doi.org/10.5437/08956308X5601003>
2. Dutta S., Lanvin L.R. B., León L. R., Wunsch-Vincent S., eds. *Global Innovation Index 2022*. Cornell SC Johnson College of Business, 2022. Available at: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/2022/ (accessed 12 May 2023).
3. Pandey M. K., Shekhawat K. K., Sergeeva I., Orlova O. A nexus among technology input, research activity, innovation, and economic growth: A vis-à-

Поступила в редакцию 23.05.2023; одобрена после рецензирования 08.06.2023; принята к публикации 09.06.2023
The article was submitted 23.05.2023; approved after reviewing 08.06.2023; accepted for publication 09.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 313–317
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 313–317
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-313-317>, EDN: RTVEHK

Научная статья
УДК 316.6

Стратегии психологического воздействия онлайн грумера на несовершеннолетнюю жертву в ситуации сексуальных домогательств

К. А. Киселев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Киселев Константин Анатольевич, аспирант кафедры социальной психологии, saratovian@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6399-5656>

Аннотация. Введение. Статья посвящена социально-психологическому феномену психологического воздействия онлайн грумера на жертву в ситуации сексуальных домогательств в сети Интернет. **Теоретический анализ.** В целом к сексуальным домогательствам в сети Интернет относят нежелательные сообщения, включающие вербальную и фотовизуальную информацию сексуального характера. Отмечается, что с данным феноменом отождествляется понятие сексуального онлайн груминга. **Эмпирический анализ.** В ходе исследования респонденты (N=170) отвечали на вопросы анонимной анкеты о случаях сексуального онлайн груминга, которому они подвергались в период своего несовершеннолетия. В большинстве случаев онлайн грумеры являются совершеннолетними, знают о возрасте жертвы, чаще всего объектом их посягательств становятся девочки в возрасте 10–12 (35,9% случаев) и 13–15 лет (44,1% случаев). **Заключение.** К наиболее значимым стратегиям психологического воздействия на жертву онлайн груминга относится использование лести и комплиментов, а также манипулирование такими психологическими особенностями объекта домогательств, как любопытство и непонимание правильных моделей поведения. Сексуальные онлайн грумеры преимущественно выбирают в качестве объектов посягательств несовершеннолетних в возрастном периоде 10–15 лет. Для данных жертв характерно сокрытие от родителей фактов посягательств против них со стороны грумеров.

Ключевые слова: сексуальный онлайн груминг, сексуальные домогательства в сети Интернет, сексуальные домогательства, грумер, психологическое воздействие, сексуальное эксплуатация несовершеннолетних

Для цитирования: Киселев К. А. Стратегии психологического воздействия онлайн грумера на несовершеннолетнюю жертву в ситуации сексуальных домогательств // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 313–317. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-313-317>, EDN: RTVEHK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Strategies of psychological influence of online groomer on the minor victim in the situation of online sexual harassment

K. A. Kiselev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Konstantin A. Kiselev, saratovian@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6399-5656>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the socio-psychological phenomenon of psychological influence of online groomer on the victim in the situation of online sexual harassment. **Theoretical analysis.** In general, online sexual harassment refers to unwanted messages that include verbal and photo-visual information of sexual nature. It is noted that the concept of online sexual grooming is identified with this phenomenon. **Empirical analysis.** In the study, respondents (N=170) answered an anonymous questionnaire about online sexual grooming they had experienced when they were underage. In most cases, online groomers are adults, aware of the victim's age, focusing mostly on the girls aged 10–12 (35.9% of cases) and 13–15 years old (44.1% of cases). **Conclusion.** The most significant strategies of psychological influence on the victim of online grooming include the use of flattery and compliments, as well as manipulation of such psychological features of the target of harassment as curiosity and lack of understanding of correct behavior patterns. Sexual online groomers predominantly target minors between the ages of 10 and 15. It is typical for these victims to conceal from their parents the facts of their abuse by groomers.

Keywords: sexual online grooming, online sexual harassment, sexual harassment, groomer, psychological influence, sexual exploitation of minors

For citation: Kiselev K. A. Strategies of psychological influence of online groomer on the minor victim in the situation of online sexual harassment. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 313–317 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-313-317>, EDN: RTVEHK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В настоящее время растет число преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних [1]. В то же время недостаточно представлен в современной правовой практике и научной психологии феномен сексуальных домогательств к несовершеннолетним посредством сети Интернет [2]. Исследователи отмечают, что данный вид преступлений не менее опасен, чем сексуальные действия в реальной жизни [3]. Причем, как отмечает Н. М. Романова, многие родители не в курсе того, как проводят время их дети в онлайн пространстве [4].

Стоит также подчеркнуть значимость и одновременно малую представленность междисциплинарного подхода к изучению социальных взаимодействий между людьми [5], в то время, как феномен онлайн груминга представляет собой многоаспектное явление.

Теоретический анализ

В настоящее время феномен сексуальных домогательств в сети Интернет привлекает всё больше внимание ученых.

А. Барак [6] в феномен сексуальных домогательств в сети Интернет включает отправку через сеть Интернет нежелательных вербальных или фотовизуальных сообщений (например, порнографических материалов), выражение недопустимых для жертвы сексуальных намерений в том числе в форме принуждения и угроз, а также киберсталкинг.

Е. Г. Дозорцева и А. С. Медведева с данной социально-психологической проблемой отождествляют понятие сексуального онлайн груминга [7]. Мы также в рамках данной статьи будем использовать указанные понятия как тождественные.

Теоретико-методологическими аспектами проблемы сексуальных домогательств в сети Интернет к несовершеннолетним посвящены работы Т. Н. Секераж [8], Е. Г. Дозорцевой, А. С. Медведевой [7], социально-психологические последствия воздействия на жертву сексуальных интернет-домогательств отражены в исследованиях Е. В. Нуцковой, В. Д. Бадмаева [9], Дж. А. Скардузио [10], Л. Касановас [11] и других, созданием методик исследования личности объектов онлайн груминга занимались М. Гамез-Гуадикс, П. Де Сантистебан, С. Ресетт [12] и др.

Значимым является феномен психологического воздействия на личность в ситуации сексуального онлайн груминга. Т. С. Кабаченко связывает психологическое воздействие со следующими факторами: внешним бытием по отношению к адресату; наличием отражения им данного воздействия; изменением психологических аспектов деятельности индивида [13]. Ряд авторов указывают на целенаправленный характер данного акта [14]. В настоящее время наблюдается нехватка современных научных публикаций, отражающих стратегии психологического воздействия в ситуации сексуального онлайн груминга. Само психологическое воздействие в данном контексте понимается как целенаправленное вовлечение (engage) несовершеннолетнего в сексуальное взаимодействие со взрослым [15].

Эмпирический анализ

Цель нашего исследования состояла в выявлении стратегий психологического воздействия онлайн грумера на жертву в ситуации сексуальных домогательств в сети Интернет.

Методы исследования: анкетирование, статистический анализ (коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена, множественный линейный регрессионный анализ).

Эмпирическая выборка: 170 человек (возраст 18–28 лет, ср. знач 20,09). Респонденты давали ответы на вопросы анкеты через интернет-сервис «Google Формы». Опрос касался периода несовершеннолетия опрашиваемых, что было отмечено в инструкции. Также в инструкции было отражено определение сексуальных домогательств.

Результаты и их обсуждение

В 75,9% (129 ответов) случаях онлайн грумер знал, что его жертвы являются несовершеннолетними, сам отправитель был совершеннолетним в 81,8% (139 ответов) случаях.

7,6% (13 чел.) респондентов впервые стали жертвами онлайн груминга в возрасте 7–9 лет, 35,9% (61 чел.) – в возрасте 10–12 лет, 44,1% (75 чел.) – в возрасте 13–15 лет, а 12,4% (21 чел.) – в возрасте 16–17 лет.

Стоит отметить, что 31,8% (54 чел.) продолжили общение с онлайн грумером после начала акта сексуального домогательства. В качестве причин данного действия 14,1% (24 чел.) отметили любопытство, 3,5% (6 чел.) – шантаж,

14,1% (24 чел.) – непонимание ими правильной модели поведения («не знала, что делать»). Важно подчеркнуть, что 17,6% (30 чел.) девушек поддались влиянию онлайн грумера и отправили ему собственные фотовизуальные изображения интимного характера по его запросу.

Отмечается, что, будучи несовершеннолетними, жертвы сексуальных домогательств в сети Интернет избегали сообщать об инциденте своим родителям: только 2,9% (5 чел.) рассказали об акте домогательств своей матери, 1,2% (2 чел.) – отцу, 2,4% (4 чел.) – обоим родителям.

Установлена достоверная корреляционная связь подчинения влиянию грумера (отправка по его требованию собственных интимных фотовизуальных материалов жертвой) и следующих переменных: лести и комплименты ($\rho = 0,215$; $p = 0,005$), продолжение общения по причине любопытства ($\rho = 0,300$; $p < 0,0001$), продолжение общения по причине непонимания правильного поведения ($\rho = 0,211$; $p = 0,006$).

С целью выявления особенности стратегии психологического воздействия онлайн грумера на жертву и проверки данных корреляционного анализа мы применили множественный линейный регрессионный анализ. В случае прогнозирования подчинения онлайн грумеру в ситуации сексуального онлайн домогательства (жертва, будучи несовершеннолетней, отправляла по требованию растлителя свои интимные фотовизуальные материалы) коэффициент регрессии имел значение $R = 0,428$ ($R^2 = 0,183$, $F = 12,407$, $p < 0,0001$).

Хотя только 18,3% дисперсии объясняется изучаемой переменной, учитывая наличие множества внутренних (индивидуально-личностные особенности жертвы) и внешних (особенности семейного воспитания, возраста, культурной среды и т.д.) латентных социально-психологических факторов, мы склонны считать доказанной значимость анализируемых переменных в ситуации успешного психологического воздействия на жертву сексуальных домогательств, в то время как выявление остальных составляющих выходит за рамки целей настоящего исследования.

В психологическом воздействии онлайн грумера наиболее значимыми стратегиями являются следующие: а) использование лести и комплиментов ($\beta = 0,156$, $t = 2,189$, $p = 0,030$, допуск = 0,974; VIF = 1,026); б) использование любопытства жертвы ($\beta = 0,322$, $t = 4,492$, $p = 0,000013$, допуск = 0,955; VIF = 1,047); в) использование непонимания жертвой правильного поведения (она «не знала, что делать») ($\beta = 0,251$, $t = 3,508$, $p = 0,001$, допуск = 0,962; VIF = 1,040).

Была сформулирована следующая регрессионная модель психологического воздействия онлайн-грумера:

$$\text{Подчинения влиянию онлайн грумера}_{\text{прогноз}} = 0,014 + 0,121 \times X_1 + 0,353 \times X_2 + 0,275 \times X_3,$$

где X_1 – лести и комплименты, X_2 – любопытство, X_3 – непонимание правильного поведения («не знала, что делать»).

Обсуждение результатов исследования

Приведенные факты свидетельствуют о наличии целенаправленности поведения правонарушителя в ситуации сексуальных посягательств против неприкосновенности несовершеннолетних.

В ходе своей деятельности онлайн грумеры предпочитают использовать стратегии лести и комплиментов, а также манипуляцию такими особенностями личности объекта воздействия, как любопытство и непонимание правильного поведения. В данном случае речь идет о неопытности жертвы сексуальных домогательств ввиду ее малого возраста. Наряду с этим обстоятельством отмечается виктимный аспект поведения объектов онлайн груминга: они избегают сообщать об инциденте взрослым, что делает данный вид сексуальных посягательств крайне латентным в современном обществе.

Указанные составляющие – неопытность малолетней жертвы и ее нежелание информировать взрослых о случившемся создает своеобразную «безопасную» киберсреду для онлайн грумера, в которой он может начать чувствовать себя свободным и безнаказанным и спокойно удовлетворять свои сексуальные потребности за счет несовершеннолетних.

Заключение

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1) сексуальные онлайн грумеры зачастую целенаправленно выбирают в качестве объектов своих противоправных посягательств несовершеннолетних, сами при этом являясь совершеннолетними;

2) в наибольшей степени онлайн грумеры нацелены на несовершеннолетних жертв в возрастном периоде 10–15 лет;

3) для трети исследуемых характерно продолжение общения с онлайн грумером по причине шантажа с его стороны, а также таких качеств личности жертв, как любопытство и непонимание ими правильных моделей поведения;

4) проблема сексуальных домогательств в сети Интернет отличается высоким уровнем

латентности ввиду попыток несовершеннолетних скрывать факты посягательств против них;

5) корреляционный и множественный линейный регрессионный анализ позволили установить наиболее значимые стратегии психологического воздействия онлайн грумера на объект сексуальных домогательств: использование лести и комплиментов, а также манипулирование такими психологическими особенностями личности жертв, как любопытство и непонимание ими адекватных (с точки зрения их личной безопасности) моделей поведения;

6) данное психологическое воздействие имеет двусторонний характер: оно связано как с активностью самих грумеров, так и с индивидуально-личностными особенностями их жертв;

7) значимым является проведение психопрофилактических мероприятий, направленных на формирование навыков самозащиты несовершеннолетних и повышения их доверия к своим родителям, чтобы они могли своевременно сообщить им о случаях посягательств против их половой неприкосновенности.

Список литературы

1. Число случаев сексуального насилия в отношении детей в России выросло на 44% с 2010 года. URL: tass.ru/proisshestiya/16661015 (дата обращения: 05.05.2023).
2. Алиева Е. А. Сеть Интернет как средство совершения развратных действий // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 180–182.
3. Медведева А. С. Реакции детей и подростков на сексуальный онлайн груминг // Психология и право. 2020. Т. 10, № 1. С. 123–132. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100111>
4. Романова Н. М. Представления студентов о рисках вовлечения личности в криминальную деятельность: фокус-групповое исследование // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 439–444. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-439-444>
5. Аксеновская Л. Н., Прозоров В. В. Взаимосоответствие базовых структур литературных родов и социального взаимодействия в контексте орденового подхода к социально-психологическому изучению // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 176–181. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2016-16-2-176-181>
6. Barak A. Sexual harassment on the Internet // *Social Science Computer Review*. 2005. Vol. 23. P. 77–92. <https://doi.org/10.1177/0894439304271540>
7. Дозорцева Е. Г., Медведева А. С. Сексуальный онлайн груминг как объект психологического исследования // Психология и право. 2019. Т. 9, № 2. С. 250–263. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090217>
8. Секреж Т. Н. О терминах и понятиях, отражающих явления интернет-коммуникации по делам о нарушении половой неприкосновенности несовершеннолетних // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17, № 1. С. 130–136. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2022-1-130-136>
9. Нуцкова Е. В., Бадмаева В. Д. Последствия сексуального насилия и злоупотребления в отношении несовершеннолетних: гендерная специфика // Психология и право. 2020. Т. 10, № 3. С. 235–247. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100316>
10. Scarduzio J. A., Sheff S. E., Smith M. Coping and Sexual Harassment: How Victims Cope across Multiple Settings // *Arch Sex Behav*. 2018. Vol. 47. P. 327–340. <https://doi.org/10.1007/s10508-017-1065-7>
11. Casanovas L. V.-L., Serra L., Canals C. S. Sanz-Barbero B., Vives-Cases C., López M. J., Otero-García L., Pérez G., Renart-Vicens G. Prevalence of sexual harassment among young Spaniards before, during, and after the COVID-19 lockdown period in Spain // *BMC Public Health*. 2022. Vol. 22. Article number 1822. URL: <https://bmcpublihealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12889-022-14264-9> (accessed 1 May 2023). <https://doi.org/10.1186/s12889-022-14264-9>
12. Gámez-Guadix M., De Santisteban P., Resett S. Sexting among Spanish adolescents: Prevalence and personality profiles // *Psicothema*. 2017. Vol. 29, iss. 1. P. 29–34. <https://doi.org/10.7334/psicothema2016.222>
13. Кабаченко Т. С. Методы психологического воздействия: учебн. пособие. М.: Педагогическое общество России, 2000. 544 с.
14. Кондратьев М. Ю., Ильин В. А. Азбука социального психолога-практика. М.: ПЕР СЭ, 2007. 464 с.
15. Kloess J. A., Seymour-Smith S., Hamilton-Giachritsis C. E., Long M. L., Shipley D., Beech A. R. A Qualitative Analysis of Offenders' Modus Operandi in Sexually Exploitative Interactions With Children Online // *Sex Abuse*. 2017. Vol. 29, iss. 6. P. 563–591. <https://doi.org/10.1177/1079063215612442>

References

1. *Chislo sluchaev seksualnogo nasiliia v otnoshenii detey v Rossii vyroslo na 44% s 2010 goda* (The number of cases of sexual violence against children in Russia has increased by 44% since 2010). Available at: tass.ru/proisshestiya/16661015 (accessed 5 May 2023) (in Russian).
2. Alieva E. A. Internet as a means of performance sexual abuse. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2017, no. 4, pp. 180–182 (in Russian).
3. Medvedeva A. S. Reactions of children and adolescents to sexual online grooming. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2020, vol. 10, no. 1, pp 123–132 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100111>
4. Romanova N. M. Notions of students about risks of involvement of the person in criminal activity: Focus-

- group research. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 439–444 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-439-444>
5. Aksenovskaya L. N., Prozorov V. V. Correlation of basic structures of literary genres and social interaction within the framework of the order approach to the social-psychological research of organizational culture. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 2, pp. 176–181 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2016-16-2-176-181>
 6. Barak A. Sexual harassment on the Internet. *Social Science Computer Review*, 2005, vol. 23, pp. 77–92. <https://doi.org/10.1177/0894439304271540>
 7. Dozortseva E. G., Medvedeva A. S. Sexual online grooming as an object of psychological research. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2019, vol. 9, no. 2, pp. 250–263 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090217>
 8. Sekerazh T. N. On the terms and concepts reflecting the phenomena of internet communication on the cases of violation of minors' sexual integrity. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy* [Theory and Practice of Forensic Science], 2022, vol. 17, no. 1, pp. 130–136 (in Russian). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2022-1-130-136>
 9. Nuckova E. V., Badmaeva V. D. Consequences of sexual violence and abuse on minors: Gender specifics. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2020, vol. 10, no. 3, pp. 235–247 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100316>
 10. Scarduzio J. A., Sheff S. E., Smith M. Coping and Sexual Harassment: How Victims Cope across Multiple Settings. *Arch Sex Behav*, 2018, vol. 47, pp. 327–340. <https://doi.org/10.1007/s10508-017-1065-7>
 11. Casanovas L. V.-L., Serra L., Canals C. S., Sanz-Barbero B., Vives-Cases C., López M. J., Otero-García L., Pérez G., Renart-Vicens G. Prevalence of sexual harassment among young Spaniards before, during, and after the COVID-19 lockdown period in Spain. *BMC Public Health*, 2022, vol. 22, article no. 1822. Available at: <https://bmcpublihealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12889-022-14264-9> (accessed 1 May 2023). <https://doi.org/10.1186/s12889-022-14264-9>
 12. Gámez-Guadix M., De Santisteban P., Resett S. Sexting among Spanish adolescents: Prevalence and personality profiles. *Psicothema*, 2017, vol. 29, iss. 1, pp. 29–34. <https://doi.org/10.7334/psicothema2016.222>
 13. Kabachenko T. S. *Metody psikhologicheskogo vozdeystviya* [Methods of Psychological Influence]. Moscow, Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii Publ., 2000. 544 p. (in Russian).
 14. Kondratev M. Yu., Ilin V. A. *Azbuka sotsialnogo psikhologa-praktika* [The ABCs of the Social Psychologist Practitioner]. Moscow, PER SE, 2007. 464 p. (in Russian).
 15. Kloess J. A., Seymour-Smith S., Hamilton-Giachrisis C. E., Long M. L., Shipley D., Beech A. R. A Qualitative analysis of offenders' modus operandi in sexually exploitative interactions with children online. *Sex Abuse*, 2017, vol. 29, iss. 6, pp. 563–591. <https://doi.org/10.1177/1079063215612442>

Поступила в редакцию 16.05.2023; одобрена после рецензирования 08.06.2023; принята к публикации 09.06.2023
The article was submitted 16.05.2023; approved after reviewing 08.06.2023; accepted for publication 09.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 318–325

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 318–325

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-318-325>, EDN: QDXJHF

Научная статья

УДК [159.9:616]+316.6

Предикторы субъективного ощущения социальной поддержки у онкологических больных на примере заболеваний репродуктивной системы

М. М. Орлова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Орлова Мария Михайловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры консультативной психологии, orlova-maria2010@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2340-8343>

Аннотация. Введение. Актуальность исследования предикторов субъективного ощущения социальной поддержки у онкологических больных заключается в распространенности и социальной значимости данного заболевания с выраженной витальной угрозой. **Теоретический анализ.** Понятие «ситуация болезни» является многозначным, включает в себя трудности, связанные с течением болезни, социальные последствия и социальную поддержку как возможный ресурс. Это предполагает необходимость рассмотрения данного ресурса и факторов его эффективности. **Эмпирический анализ.** В данной статье на примере больных онкологическими заболеваниями репродуктивной системы устанавливается связь субъективного ощущения социальной поддержки, характеристик самоотношения, адаптационных стратегий здоровых и больных женщин. **Заключение.** В группе женщин с онкологическими заболеваниями выявлены высокая значимость сотрудничества с социальным окружением, близости эмоциональных контактов, стремление опереться на ресурсы других и быть для них нужной. Основными предикторами субъективного ощущения социальной поддержки больных женщин оказались принятие ситуации и принятие себя в этой ситуации. Для здоровых женщин более характерна опора на собственную активность и ответственность. Полученные результаты свидетельствуют о выраженной мобилизации личности больных женщин. Это в том числе позволяет выстроить отношения с близкими людьми.

Ключевые слова: ситуация болезни, ситуация здоровья, социальная поддержка, социально-психологические ресурсы, онкологические заболевания репродуктивных органов

Для цитирования: Орлова М. М. Предикторы субъективного ощущения социальной поддержки у онкологических больных на примере заболеваний репродуктивной системы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 318–325. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-318-325>, EDN: QDXJHF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Predictors of subjective feeling of social support in women with oncological diseases of the reproductive system

M. M. Orlova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Maria M. Orlova, orlova-maria2010@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2340-8343>

Abstract. Introduction. The relevance of the study of predictors of subjective feeling of social support in cancer patients lies in the prevalence and social significance of this disease with a pronounced vital threat. **Theoretical analysis.** The concept of “disease situation” is ambiguous, it includes difficulties associated with the course of the disease, its social consequences, and the social support available to patients as a possible resource. This implies the need to consider this resource and the factors of its effectiveness. **Empirical analysis.** In this article, using the example of patients with oncological diseases of the reproductive system, the connection is established between the subjective feeling of social support, characteristics of self-attitude, adaptation strategies of healthy and sick women. **Conclusion.** For this group of women, the high importance of cooperation with the social environment, the proximity of emotional contacts, the desire to rely on the resources of others and be needed for them was revealed. The main predictors of the subjective feeling of social support for sick women were: acceptance of the situation and acceptance of themselves in this situation. Healthy women are more likely to rely on their own activity and responsibility. The results obtained indicate a pronounced mobilization of the personality of sick women. This also allows them to build relationships with loved ones.

Keywords: disease situation, health situation, social support, socio-psychological resources, oncological diseases of reproductive organs

For citation: Orlova M. M. Predictors of subjective feeling of social support in women with oncological diseases of the reproductive system. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 318–325 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-318-325>, EDN: QDXJHF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Рак является одной из значимых медико-психосоциальных проблем. Заболевания злокачественными опухолями являются распространенными как во всем мире, так и в нашей стране, и сопровождаются высокой смертностью. Проблеме реабилитации инвалидов по онкологическим заболеваниям посвящено большое количество работ, но в исследованиях, рассматривающих проблему женщин-инвалидов после операции по поводу рака матки, анализируется преимущественно медицинский аспект [1]. Вместе с тем отмечается неэффективность социализации, которая возникает при недостаточности соматических, социальных и психологических ресурсов у больных. При этом исследования свидетельствуют о том, что соматические предикторы инвалидизации не являются облигатными [2]. Значимость приобретают личностные и социальные возможности больного и ресурсы ближайшего социального окружения, доступные для реабилитации лиц, страдающих онкологическим заболеванием.

Цель данной работы – анализ субъективных и объективных факторов, определяющих ощущение социальной поддержки женщин с раком матки.

Теоретический анализ

Обнаружение злокачественного новообразования является причиной высокой распространенности психопатологических нарушений у онкологических больных [3]. Как показано в исследованиях Б. Ю. Володина, для больных раком матки характерны самодеструктивные тенденции, пассивные формы реагирования, неудовлетворенная потребность в любви, страх перед эмоциональной близостью, завышенные морально-этические требования к самим себе, чувство вины. На снижение самооценки и утрату ценности для окружающих указывают и другие авторы [4, 5]. Длительность состояния такого психического неблагополучия онкологических больных отмечается во многих работах [6, 7]. Среди наиболее часто фиксирующихся проявлений психических неблагополучий называются следующие: утрата прежних интересов, самоизоляция, депрессивные переживания. Эти нарушения сохраняются у больных в течение многих лет. Эмоциональные расстройства затрудняют процессы адаптации и ресоциализации.

Многие авторы указывают на сложности в возвращении онкологических больных к прежне-

му образу жизни. Восстановление психического состояния оказалось возможным менее чем у 50% больных [8–11]. К числу факторов социального характера, способствующих реабилитации, относят благоприятное отношение к больным со стороны общества, семьи, помощь в возвращении к реальной или возможной трудовой деятельности больной, к полноценной социальной жизни, а также использование значимых для нее ценностных ориентаций.

Полноценность реабилитации больных женщин связана в том числе с понятием благополучия в межличностных отношениях. Позитивность в ближайшем социальном круге очень важна в определении жизнеспособности личности и формировании самоуважения. Удовлетворение потребности в социальной поддержке, желание получения сочувствия от близких позволяет чувствовать себя более защищенным и более здоровым, создавать барьер между человеком и жизненными трудностями. Чем шире спектр социальных контактов человека, тем больше потенциальных ресурсов он имеет.

Ситуация любого соматического заболевания может рассматриваться как трудная жизненная ситуация, которая предъявляет требования к достаточности объективных и субъективных ресурсов для ее преодоления. Ситуации болезни понимаются как утрата здоровья и его доступности. К субъективным ресурсам относятся адаптационные стратегии, позитивная идентификация, принятие ситуации и опора на социальное окружение. Социальная поддержка больной может выражаться в разнообразных формах и действиях по отношению к близкому человеку, которые совершаются добровольно и направлены на его интересы [12]. Она может быть психологически многозначна.

Ситуация болезни при онкологическом заболевании репродуктивных органов связана с такими явлениями, как болевой синдром, витальная угроза, необходимость оперативного вмешательства, химио- и лучевой терапии.

По результатам нашего исследования можно заключить, что основной смысл ситуации онкологического заболевания – это формирование новых взаимоотношений с Другими в связи с телесным опытом страдания, неблагоприятным прогнозом и предполагаемой витальной угрозой [13]. По-видимому, неблагополучие ситуации определяется чувством растерянности и утратой контроля над происходящим.

Каждая социальная связь может быть источником социальной поддержки, хотя и не определяет такие ее качества, как социальная

интегрированность, подтверждение собственной социальной и личностной значимости, чувство надежности партнеров по общению [14]. В процессе получения и оказания социальной поддержки развивается социальный интеллект, социальная компетентность, заключающиеся в числе социальных ролей, которые «проигрывает» индивид в социуме [15].

В процессе адаптации к ситуации болезни значимым ресурсом для больных является семья [16], при этом близкие отношения теряют свою привычную естественность. Данное обстоятельство повышает чувство изоляции и формирует недостаточность ресурсов для преодоления ситуации болезни [13]. Страдает активное взаимодействие, меняются социальные роли, пересматриваются правила, надежность близких связей ставится под сомнение. Адаптационные стратегии, характерные для семьи в трудной жизненной ситуации, в частности в ситуации болезни, недостаточно изучены. При этом семья понимается как самоорганизующаяся социаль-

ная система, что приводит к представлению о ее адаптивности как способности к изменению в новых непривычных условиях функционирования.

Эмпирический анализ

В нашем исследовании приняли участие 28 женщин, больных онкологическими заболеваниями репродуктивных органов. В контрольную группу вошли 48 чел. (женщины), не имеющих хронических заболеваний.

Анализ проводился по следующим психодиагностическим методикам: биографическая анкета, методика исследования самооотношения (МИС), опросник «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса, опросник Келлермана – Плутчика – Конте «Индекс жизненного стиля», УСК (уровень субъективного контроля) Дж. Роттера, методика социальной поддержки (А. А. Нестерова).

Статистические методы представлены вычислением средних арифметических, Т-критерием Стьюдента и регрессионным анализом (рис. 1).

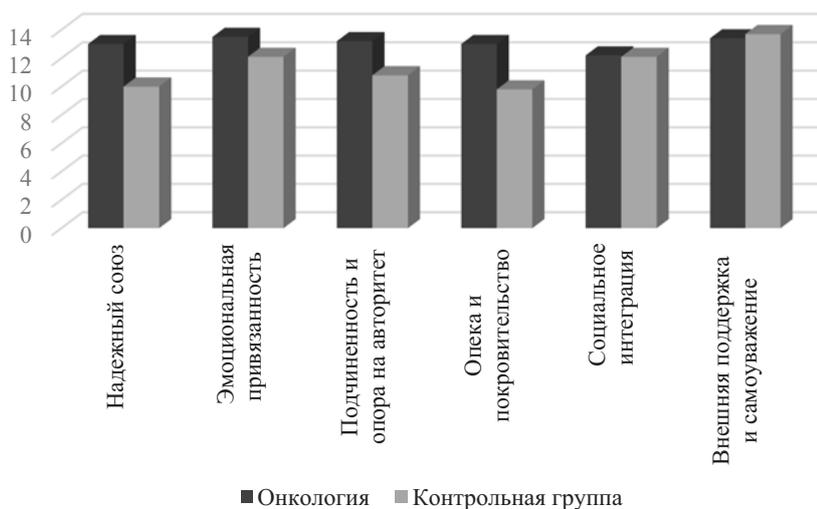

Рис. 1. Выраженность ощущения социальной поддержки в экспериментальной и контрольной группах

Fig. 1. The severity of the feeling of social support in the experimental and control groups

Были выявлены более высокие показатели по следующим шкалам методики «Социальная поддержка»: «надежный союз» (13,7/10; $p < 0,01$; $T = 5,2$), «эмоциональная привязанность» (13,6/12,1; $p < 0,001$; $T = 6,7$), «подчиненность и опора на авторитет» (13,28/10,8; $p < 0,01$; $T = 4,7$), опека и покровительство (13,07/9,8; $p < 0,01$; $T = 3,6$). Это может свидетельствовать как о значимости перечисленных факторов, так и о большей их удовлетворенности у представительниц контрольной группы.

Предикторами значимости сотрудничества в группе больных женщин и доверия своему социальному окружению в ситуации столкновения с трудностями являются опора на правила в семье, принятие ситуации и уверенность в себе (рис. 2). По-видимому, сотрудничество возможно в случае достаточной опоры на себя. В группе здоровых женщин предиктором сотрудничества является опора на принятие ответственности без защиты собственного эмоционального состояния.

Рис. 2. Предикторы надежного союза как фактора социальной поддержки в экспериментальной и контрольной группах

Fig. 2. Predictors of a reliable union as a factor of social support in the experimental and control groups

Таким образом, больные женщины нацелены на поиск сотрудничества в семейных отношениях при условии принятия себя в ситуации болезни, в то время как здоровые женщины выстраивают сотрудничество, опираясь на принятие решения о собственной ответственности за эти отношения. Можно говорить о том, что доверие социальному окружению требует от личности усилий в обеих группах, но в группе больных оно имеет большую значимость и требует более значительных усилий.

Предикторами близости эмоциональных контактов с людьми из своего окружения у онкологически больных женщин являются значимость позитивного отношения к себе и наличие жесткой системы правил. В контрольной группе предикторами оказались сплоченность семьи и снижение самопривязанности (рис 3).

Следовательно, эмоциональная близость определяется отказом от значимости себя и теплотой межличностных отношений в семье. Таким образом, больные ищут в семье заботу о себе, подтверждение значимости проблем ситуации, в которой они находятся, опираясь на правила, гарантирующие это. Для здоровых важно ощущение непосредственного тепла от близких людей.

Предикторами стремления опираться на ресурсы и советы других у больных женщин являются снижение конфликтности в семье, поиск социальной поддержки и острота внутреннего конфликта. Следовательно, стремление к подчинению у них связано с необходимостью получения помощи. В группе здоровых женщин предикторами являются, с одной стороны, также снижение конфликтности, а с другой, самоуважение, аутосимпатия и наличие жестких правил в семье (рис. 4).

Таким образом, в группе больных стремление к подчинению определяется нуждой в ресурсах, а у здоровых – благополучием как собственной личности, так и в семейных отношениях.

Предикторами чувства нужности в экспериментальной группе являются правила в семье, принятие ситуации и своих возможностей при наличии внутренних проблем. Это свидетельствует о стремлении сохранить свою социальную значимость (рис. 5).

В контрольной группе предикторами восприятия себя нужным для других оказались большая открытость, принятие ответственности, опора на морально-нравственные ориентации в семье, т. е. субъективное ощущение нужности достигается за счет активной жизненной позиции.

Рис. 3. Предикторы эмоциональной привязанности как фактора социальной поддержки в экспериментальной и контрольной группах
Fig. 3. Predictors of emotional attachment as a factor of social support in experimental and control groups

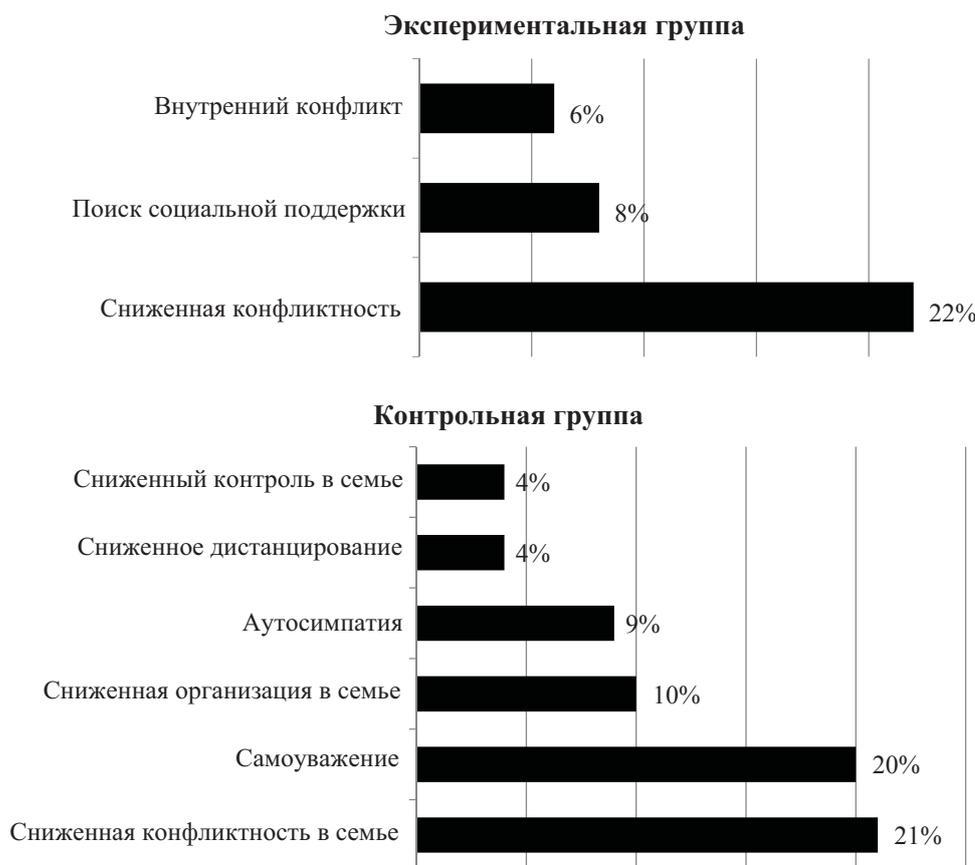

Рис. 4. Предикторы подчиненности и опоры на авторитет как факторы социальной поддержки в экспериментальной и контрольной группах
Fig. 4. Predictors of subordination and reliance on authority as factors of social support in experimental and control groups

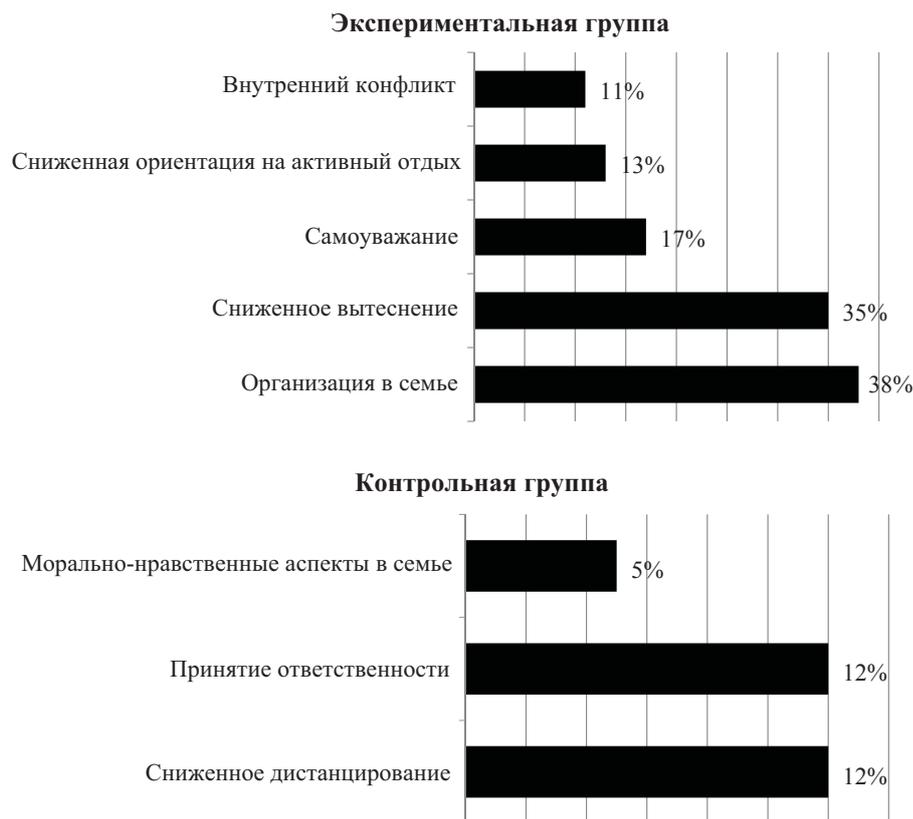

Рис. 5. Предикторы опеки и покровительства как факторы социальной поддержки в экспериментальной и контрольной группах

Fig. 5. Predictors of guardianship and patronage as factors of social support in experimental and control groups

Следовательно, сохранение социальной значимости в ситуации болезни требует усилий и духовной работы, возможности сохранять направленность на Других.

Заключение

Полученные результаты свидетельствуют о значимости следующих предикторов социальной поддержки женщин, больных раком: снижения психологических защит, открытости и самоуважения, организации и снижения конфликтности в семье. Это свидетельствует о выраженной мобилизации личности женщин, больных онкологией, и не менее выраженной необходимости опереться на близких, а также стремлении выстроить отношения с семьей. Женщины, не имеющие данного заболевания, более независимы и непосредственны в своих отношениях. Болезнь, создавая ощущение чрезвычайности, способствует эгоцентричности, сосредотачивая женщину на самой себе и собственных проблемах, что отражается на отношениях с близкими. Это обедняет взаимодействия в семье и потому

делает данный ресурс уязвимым. Таким образом, женщины нуждаются в поддержке, но не получают ее в полном объеме. Этому препятствует эгоцентризм женщины, который можно рассматривать как реакцию на ситуацию болезни. По-видимому, при оказании терапевтической помощи следует обратить внимание на формирование у женщин, страдающих онкологией, возможности сохранять опору на собственные цели, решать личностные проблемы с психотерапевтом, что будет способствовать принятию ситуации болезни, снижению эгоцентрического восприятия и формированию полноценного взаимодействия с близкими людьми, получению и оказанию поддержки.

Список литературы

1. Савин А. И. Психопатологические проявления и личностные особенности у больных раком тела матки: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2016. 24 с.
2. Дмитриев В. Н. Комплексное исследование заболеваемости, смертности и инвалидности вследствие злокачественных новообразований женских по-

- ловых органов и пути совершенствования медико-социальной экспертизы и реабилитации: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2015. 48 с.
3. Володин Б. Ю. Психосоматические взаимоотношения и психотерапевтическая коррекция больных раком молочной железы и опухолевой патологией тела матки: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2008. 59 с.
 4. Березанцев А. Ю., Монасыпова Л. И., Стражев С. В., Спиртус А. М. Клинические и психосоциальные аспекты реабилитации женщин с онкологической патологией репродуктивной системы // Психические расстройства в общей медицине. 2011. № 1. С. 28–33.
 5. Самушия М. А., Мустафина Е. А. Нозогении (психогенные реакции) у женщин со злокачественными опухолями органов репродуктивной системы // Психические расстройства в общей медицине. 2007. № 3. С. 11–16.
 6. Андриященко А. В. Основные принципы реабилитации онкологических больных // Библиотека психолога. URL: http://help-patient.ru/psychological_help/psychologists/library/ (дата обращения: 01.03.2023).
 7. Бажин Е. Ф., Гнездилов А. В. Психофармакологические и психокоррекционные аспекты реабилитации онкологических больных / сост. В. Н. Герасименко, Ю. В. Артюшенко. М. : Медицина, 1988. С. 46–65.
 8. Артюшенко Ю. В. Восстановление трудоспособности больных, радикально оперированных по поводу рака молочной железы // Вопросы онкологии. 1980. № 2. С. 95–99.
 9. Блохин Н. Н. Деонтология в онкологии. М. : Медицина, 1977. 70 с.
 10. Герасименко В. Н., Артюшенко Ю. В. Вопросы реабилитации онкологических больных // Клиническая медицина. 1976. Т. 5, № 1. С. 138–141.
 11. Герасименко В. Н., Шабашова Н. Я., Голубев А. М. Реабилитация больных раком легкого // Вопросы онкологии. 1982. № 2. С. 61–65.
 12. Силантьева Т. А. Социальная поддержка как ресурс совладания со стрессом в трудной жизненной ситуации // Психология стресса и совладающего поведения в современном российском обществе: материалы II Международной научно-практической конференции (Кострома, 23–25 сентября 2010 г.) : в 2 т. / отв. ред. Т. Л. Крюкова, М. В. Сапоровская, С. А. Хазова. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. Т. 1. С. 177–179.
 13. Орлова М. М. Семейная поддержка в контексте внутренней картины болезни // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 439–443. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2016-16-4-439-443>
 14. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. СПб. : Питер, 2005. 480 с.
 15. Brissette I., Cohen S., Seeman T. E. Measuring social integration and social networks // S. Cohen, L. G. Underwood, B. H. Gottlieb (eds.). Social support measurement and intervention. New York : Oxford University Press, 2000. P. 53–85.
 16. Орлова М. М. Идентичность больного в контексте внутренней картины болезни больных онкологическими заболеваниями репродуктивной системы // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 3. URL: <http://humjournal.rzgm.ru/upload-fi> (дата обращения: 01.03.2023).

References

1. Savin A. I. *Psychopathological Manifestations and Personality Traits in Patients with Uterine Body Cancer*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Med.). Moscow, 2016. 24 p. (in Russian).
2. Dmitriyev V. N. *Comprehensive Study of Morbidity, Mortality and Disability Due to Malignant Neoplasms of the Female Genital Organs and Ways to Improve Medical and Social Expertise and Rehabilitation*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Med.). Moscow, 2015. 48 p. (in Russian).
3. Volodin B. Yu. *Psychosomatic Relationships and Psychotherapeutic Correction of Patients with Breast Cancer and Tumor Pathology of the Uterine Body*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Med.). Moscow, 2008. 59 p. (in Russian).
4. Berezantsev A. Yu., Monasypova L. I., Strazhev S. V., Spirtus A. M. Clinical and psychosocial aspects of rehabilitation of women with oncological pathology of the reproductive system. *Psikhicheskie rasstroystva v obshchey meditsine* [Mental Disorders in General Medicine], 2011, no. 1, pp. 28–33 (in Russian).
5. Samushiya M. A., Mustafina E. A. Nosogenies (psychogenic reactions) in women with malignant tumors of the reproductive system. *Psikhicheskie rasstroystva v obshchey meditsine* [Mental Disorders in General Medicine], 2007, no. 3, pp. 11–16 (in Russian).
6. Andryushchenko A. V. Basic Principles of Rehabilitation of Cancer Patients. In: *Biblioteka psikhologa* (Psychologist's Library). Available at: www.rak.by (accessed 1 March 2023) (in Russian).
7. Bazhin Ye. F., Gnezdilov A. V. Psychopharmacological and psychocorrectional aspects of rehabilitation of cancer patients. In: *Rehabilitatsiya onkologicheskikh bolnykh* [Gerasimenko V. N., Artyushenko Yu. V., comp. Rehabilitation of Cancer Patients]. Moscow, Meditsina, 1988, pp. 46–65 (in Russian).
8. Artyushenko Yu. V. Restoration of the working capacity of patients who underwent radical surgery for breast cancer. *Voprosy onkologii* [Oncology Issues], 1980, no. 2, pp. 95–99 (in Russian).
9. Blokhin N. N. *Deontologiya v onkologii* [Deontology in Oncology]. Moscow, Meditsina, 1977. 70 p. (in Russian).

10. Gerasimenko V. N., Artyushenko Yu. V. Issues of rehabilitation of cancer patients. *Klinicheskaya meditsina* [Clinical Medicine], 1976, vol. 5, no. 1, pp. 138–141 (in Russian).
11. Gerasimenko V. N., Shabashova N. Ya., Golubev A. M. Rehabilitation of lung cancer patients. *Voprosy onkologii* [Oncology Issues], 1982, no. 2, pp. 61–65 (in Russian).
12. Silant'yeva T. A. Social support as a resource for overcoming stress in a difficult life situation. Krukova T. L., Saporovskaya M. V., Khazova S. A., eds. *Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya v sovremennom rossiyskom obshchestve: materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 t.* [Psychology of Stress and Coping Behavior in Modern Russian Society. Materials of the 2 International Scientific and Practical Conference: in 2 vols. (Kostroma, September, 23–25, 2010)]. Kostroma, Kostroma State University named after N. A. Nekrasov Publ., 2010, vol. 1, pp. 177–179 (in Russian).
13. Orlova M. M. Family support in the context of the subjective illness appearance in patients with the reproductive system cancer. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 439–443 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2016-16-4-439-443>
14. Petrenko V. F. *Osnovy psikhosemantiki* [Fundamentals of Psychosemantics]. St. Petersburg, Piter, 2005. 480 p. (in Russian).
15. Brissette I., Cohen S., Seeman T. E. Measuring Social Integration and Social Networks. In: Cohen S., Underwood L. G., Gottlieb B. H., eds. *Social Support Measurement and Intervention*. New York, Oxford University Press, 2000, pp. 53–85.
16. Orlova M. M. Patient identity in context of internal disease pattern of patients with oncological diseases of the reproductive system. *Lichnost v menyayushchetsya mire: zdorovye, adaptatsiya, razvitiye* (Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development), 2014, no. 3. Available at: <http://humjournal.rzgm.ru/upload-fi> (accessed 1 March 2023) (in Russian).

Поступила в редакцию 28.03.2023; одобрена после рецензирования 27.04.2023; принята к публикации 09.06.2023
The article was submitted 28.03.2023; approved after reviewing 27.04.2023; accepted for publication 09.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 326–330
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 326–330
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-326-330>, EDN: QFUZHO

Научная статья
УДК 159.9:78

Проблема сравнительной оценки картин, созданных художником и сгенерированных нейросетью

А. Ф. Пантелеев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Пантелеев Александр Фёдорович, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и консультативной психологии, afp45@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4357-4998>

Аннотация. Введение. Роль искусства в жизни общества состоит в трансляции гуманитарных ценностей. Создатель подлинно творческого произведения способен при взаимодействии с миром воспринимать и воплощать в своих трудах то, чего может и не быть в статистике и, вероятно, будет актуальным для человечества в будущем. **Теоретический анализ.** Согласно имеющимся данным агрегированные нейросетью и написанные художником картины не различаются субъектами. В данной статье реализуется деятельностный подход к оценке различия таких картин. В основе лежит решение испытываемой задачи, связанной с выявлением указанного различия, которое состоит в способе «перевода» замысла картины из символического кода в образный, объективации отношения художника к миру, трансляции таким способом гуманитарных ценностей. **Эмпирический анализ.** В ходе эмпирического исследования проводилось попарное сравнение картин, в качестве критерия предлагалось сравнение на основе возможной успешности передачи отношения художника к миру. **Заключение.** Предварительно констатировано, что различие написанных художником и сгенерированных нейросетью картин в условиях решения испытываемой новой для него задачи выявления успешности передачи проблематично.

Ключевые слова: цифровизация искусства, искусственный интеллект, восприятие картины, деятельность, нейросеть

Для цитирования: Пантелеев А. Ф. Проблема сравнительной оценки картин, созданных художником и сгенерированных нейросетью // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 326–330. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-326-330>, EDN: QFUZHO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The problem of comparative evaluation of paintings created by an artist and generated by a neural network

A. F. Panteleev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander F. Panteleev, afp45@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4357-4998>

Abstract. Introduction. The role of art in the life of society is to translate humanitarian values. The creator of a truly imaginative work is able to perceive when interacting with the world and embody in his works what may not be in statistics and will probably be relevant for humanity in the future. **Theoretical analysis.** According to the available data, the pictures aggregated by the neural network and painted by the artist do not differ in subjects. In this paper, an activity-based approach is implemented to assess the differences of such paintings. It is based on the decision of the test subject of the problem associated with the identification of this difference. The difference lies in the method of “translating” the idea of the painting from a symbolic code into a figurative one, objectifying the artist’s attitude to the world, translating humanitarian values in this way. **Empirical analysis.** In the course of an empirical study, a pairwise comparison of paintings was carried out, as a criterion, the comparison was proposed based on the possible success of the transfer of the artist’s attitude to the world. **Conclusion.** It was previously stated that the distinction between paintings written by the artist and those generated by the neural network in the conditions of solving a new task for the subject to identify the success of the transfer is problematic.

Keywords: digitalization of art, artificial intelligence, perception of a picture, activity, neural network

For citation: Panteleev A. F. The problem of comparative evaluation of paintings created by an artist and generated by a neural network. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 326–330 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-326-330>, EDN: QFUZHO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Глобальный характер создания и распространения цифровых продуктов в эпоху глобальной интернет-коммуникации создает риск дегуманизации. Нобелевский лауреат Р. Фогель в качестве одного из источников развития экономики назвал изменение вкусов и предпочтений потребителей. Применительно к обсуждаемой проблеме роль известного в экономике феномена «подталкивания» предпочтений играет доступность и дешевизна «создания» искусственным интеллектом произведения искусства. Далее, возможно, возникает характерная петля – доступность и дешевизна устраивает потребителя, это формируют спрос, соответственно, растет предложение, цифровые продукты становятся доминирующим элементом восприятия, что формирует культуру и т.д. Прогресс в развитии технологий искусственного интеллекта создает новую ситуацию в культурном развитии человека. Как утверждает Ю. В. Визильтер, при работе нейросетей на первом этапе осуществляется анализ произведений искусства, на втором – на основе полученных данных «создаются» новые произведения [1]. Обучение нейронных сетей происходит благодаря тому, что есть «учитель», сообщающий о сделанной ошибке, реализуется алгоритм обратного распространения ошибки – меняется вся структура обработки сигнала от выхода к входу, что позволяет находить причину ошибки. В качестве аналогии из психологии можно привести декларированный задолго до возникновения систем искусственного интеллекта подход к формированию умственных действий П. Я. Гальперина. Он утверждал, что умственное действие с заданными характеристиками может быть сформировано с начальной фазы, проходя через последующие стадии, оно приобретает характер свернутого умственного действия. Психологические процессы, происходящие при реализации умственного действия, могут быть достоверно описаны лишь в том случае, если действие будет сформировано исследователем в контролируемых условиях.

«Обучение» нейросети и создание сетью продукта носит модельный характер и существенно отличается от создания творческого продукта художником. У художника на стадии создания подлинно творческого произведения нет «учителя», продукт возникает спонтанно. В противном случае речь может идти о репродуктивной деятельности. Д. С. Мережковский, описывая творческий путь Леонардо да Винчи, писал: «Художник, сила твоя в одиночестве.

Когда ты один, ты весь принадлежишь себе...» [2, с. 163]. Косвенным подтверждением сказанному может послужить и неоднократно констатированный факт трудностей перевода стихотворных произведений. Например, О. Э. Мандельштам был врагом стихотворных переводов. Он утверждал, что даже самый тщательный перевод иностранного автора не является «живой переключкой» культуры народов [3]. Любой перевод носит компромиссный характер.

При создании произведения искусства после возникновения замысла происходит перевод с языка смыслов на «язык» образов. Обработка сигнала ошибки человеком в отличие от нейросети может и не иметь послышного (дискурсивного) характера: человек способен на основе логически недостоверных построений найти верное решение проблемы. В качестве подтверждения можно привести известное высказывание Н. Бора о безумной теории. Вопрос заключается в том, достаточно ли она безумна, чтобы быть правильной. Непоследовательный, разорванный характер обработки информации в процессе мышления и поиске решения проявляется в феномене блуждания ума. Смеллвуд и Шоулер [4] отметили, что сознательный опыт подвижен; он редко остается на одной теме в течение длительного периода без отклонений, его динамическая природа проявляется в опыте блуждания ума, при котором внимание переключается с текущей задачи на несвязанные мысли и чувства. Блуждающие мысли в значительной степени зависят от процессов, которые спонтанны, а не вызваны непосредственно экспериментатором, не связаны с внешними факторами, а продиктованы исключительно внутренней логикой переработки информации субъектами. Возникновение нового продукта мышления синергично, т. е. порядок рождается из хаоса.

Теоретический анализ

Возникновение функционального решения как стадии творческого мышления (в частности, в известной модели Дункера) позволяет субъекту продвинуться на пути создания творческого продукта. Завершение картины как итоговая ступень ее создания всегда дело рук художника. Из истории живописи известно, что черновая работа над картиной нередко поручалась ученикам. Рука мастера чувствовалась в доработке замысла, что и превращало исходный продукт в подлинно творческое произведение. Уникальность мазка кисти автора картины отражает специфику его психомоторики, личностные особенности.

Любое движение человека носит на себе определенный отпечаток личности. Согласно теории Н. А. Бернштейна, если уровень D организации движения – уровень конкретных предметных действий, то (наивысший) уровень E отвечает за экзистенциальные, наиболее осмысленные действия, является исключительно произвольным и связанным со спецификой личности человека. Существенным является характер поставленной цели [5]. В этом работы Н. А. Бернштейна перекликаются с теорией деятельности А. Н. Леонтьева, в частности с концепцией образа мира как системы экспектаций. Произведение искусства либо отвечает, либо не отвечает ожиданиям зрителя.

Отношение художника к миру опредмечивается в его картинах и именно эта составляющая произведения вызывает конкретную реакцию при восприятии картины. З. Фрейд утверждал, что при создании произведения художник использует изменения и сокрытия, которые позволяют смягчить воздействие свойственных ему эгоистических грез [6].

Произведение искусства при его восприятии людьми, не являющимися профессионалами в этой области, чаще всего оценивается по принципу «нравится – не нравится», который нельзя свести к сугубо эмоциональным аспектам. В данном случае, на наш взгляд, адекватным понятием, позволяющим раскрыть сущность отношения, является понимание.

Результативная сторона понимания, по свидетельству С. Л. Рубинштейна, состоит в образовании новых связей, этот процесс представляется как анализ явлений в контексте опыта субъекта [7]. Л. П. Добраев считает, что необходимо учитывать, образуются новые связи или же применяются ранее усвоенные [8]. Специфические условия понимания, по мнению А. М. Матюшкина, состоят в необходимости учета формы и содержания того материала, который подлежит осмыслению [9].

Л. Л. Гурова отмечала, что направленность понимания состоит в «релевантной обращенности на действительность», при которой у субъекта получаемая информация перерабатывается таким образом, что на основе всех имеющихся у него смысловых связей конструируется концепт, «адекватный объективному значению этой информации» [10, с. 135–136].

Понимание произведений искусства специфично, так как не полностью подчиняется предметной логике. Если переформулировать представление Л. Л. Гуровой о формировании концепта, адекватного значению информации,

то восприятие произведения художника позволяет зрителю открыть на его основе субъективно новое. Воспринимающий картину находит источник новых смыслов, тем самым произойдет удовлетворение познавательной потребности. Непонятное не нравится.

Картины, созданные алгоритмом Midjourney от Д. Хольца, считаются одними из самых реалистичных и инновационных, претендующих на статус современного искусства. В то время как нейросеть при генерировании произведения искусства оперирует символами, художник в своем творчестве оперирует образами. Если произведение искусства при трансляции смыслов воздействует на личность, то факт различения «природного» и «искусственного» способен указать не столько на вид трансляции, сколько на содержание транслируемого. Если предположить, что человек не способен отличить «созданной» нейросетью картины от созданной рукой художника, то становится очевидной перспектива подмены смыслов.

Эмпирический анализ

Цель проведенного нами эмпирического исследования состояла в проверке возможности различения субъектом картин, написанных художниками и сгенерированных нейросетью с применением вышеназванного алгоритма.

Исследование проводилось с участием С. А. Лазарева в онлайн-форме с помощью платформы Google. Выборку составили 60 испытуемых, возраст – от 16 до 56 лет. Согласно данным Уитенхове, Джаннэрэта и Вэджова, неконтролируемое веб-тестирование приводит к незначительной потере качества данных по сравнению с контролируемым лабораторным тестированием [11]. При анализе выборки было установлено, что она являлась достаточно однородной и состояла в основном из обычных зрителей.

Процедура исследования заключалась в следующем. Были выбраны 7 малоизвестных картин, созданных человеком, и 7 картин, сгенерированных нейросетью на ту же тему, например «Царевна-лягушка». Информация о происхождении картин испытуемым не предоставлялась. Им предлагалось оценить по 10-балльной шкале каждую из 14 картин, критерий оценки – насколько картина передает выраженность отношения автора данной картины к миру. В этом состоит отличие данного исследования от уже известных, в которых установлено, что испытуемые не различают картины, написанные художником и сгенерированные нейросетью [12].

Выбор критерия был связан с необходимостью избежания «вкусовых» оценок и создания мотивации для решения новой для испытуемого задачи. Предложенный критерий создает, с одной стороны, условия для возникновения желания задуматься, анализировать картину, а с другой – отвечает подходу к восприятию картины как

средства трансляции смыслов. После этого испытуемым предлагалось определить, какая из картин сгенерирована нейросетью. Картины предъявлялись на экране монитора попарно.

Итоговые данные, отражающие различия в оценках картин по критерию «отношение автора к миру», отражены в таблице.

Статистические показатели различения картин
Table. Statistical indicators of the distinction of paintings

Статистический показатель	Картина													
	Левая 1	Правая 1	Левая 2	Правая 2	Левая 3	Правая 3	Левая 4	Правая 4	Левая 5	Правая 5	Левая 6	Правая 6	Левая 7	Правая 7
Хи-квадрат	2,364	1,545	1,545	1,364	2,364	2,364	1,091	1,364	4,909	1,545	1,364	1,545	1,364	1,364
Асимптотическое значение	6,883	5,908	5,908	7,987	6,883	6,883	6,982	7,987	4,297	5,908	7,987	5,908	7,987	7,987

Судя по содержащимся в таблице данным, различия в оценках большинства картин, написанных художником и сгенерированных статистически нейросетью, незначимы. Это означает, что выявление смысла картины как отображенного в ней отношения к миру мало зависит от ее происхождения. Тем не менее следует отметить, что некоторые различия по этому параметру оценивания были выявлены по одной из картин, что требует дополнительного исследования, тем более, что именно эта картина большинством испытуемых была квалифицирована как сгенерированная нейросетью.

При постановке следующего за первым второго вопроса: «Какая из картин написана художником, а какая нейросетью?» было выявлено, что распознавание некоторых из них было адекватным.

В ходе опроса удалось установить, что у многих испытуемых возникли затруднения с определением отношения автора к миру. 65% из них утверждали, что обе картины – это некоторые образы с определенным смыслом, который просто задуман автором. Чаще всего такие высказывания фиксировались в тех случаях, когда испытуемые не могли отличить, какая из картин была сгенерирована нейросетью. Анализ результатов и ответов участников эксперимента показал, что имеются существенные индивидуальные различия в оценках людей при выявлении картин, сгенерированных нейросетями.

Полученные данные позволяют признать актуальным выказанное Ю. М. Лотманом положение о развитии искусства: искусство

опошляется, тиражируется, превращается в околоскусство, которое носит имитационный характер: «...Имитации усваиваются легче, они понятнее» [13, с. 436].

Заключение

По результатам вышеизложенного можно высказать некоторые предположения. Категоризация картины зависит не только от содержания ее как стимульного материала, но и от специфики решаемой субъектом задачи – выявления на основе восприятия отношения художника к миру, адекватной трансляционной сущности искусства, что раскрывает возможность определения «авторства» картины. В случае, когда подобная задача не ставится, а речь идет о распознавании, цель действия субъекта мало связана с смысловой сущностью произведения искусства.

Возможным ограничением в понимании полученных данных служит способ экспозиции стимульного материала: картины на экране монитора и воспринимаемые непосредственно неизбежно отличаются по глубине распознавания деталей, изображение на экране носит не аналоговый, а цифровой характер. Последнее способно повлиять на восприятие и впечатление. Необходимо продолжение работы в данном направлении.

Список литературы

1. Визильтер Ю. В. «Сильный» искусственный интеллект – наследник человечества. Часть 1 // Научная Россия. Вып. 29.01.2020. URL: <https://scientificrussia>.

- ru/articles/silnyj-iskusstvennyj-intellekt-naslednik-chelovechestva (дата обращения: 05.02.2023).
2. Мережковский Д. С. Воскресшие боги Леонардо да-Винчи. М. : Художественная литература, 1990. 640 с.
 3. Мандельштам О. Э. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. М. : Альфа-книга, 2017. 1182 с.
 4. Smallwood J., Schooler J. W. The science of mind wandering: empirically navigating the stream of consciousness // *Annual Review of Psychology*. 2015. Vol. 66. P. 487–518.
 5. Бернштейн Н. А. О построении движений. М. : Медгиз, 1947. 254 с.
 6. Фрейд З. Художник и фантазирование. М. : Республика, 1995. 400 с.
 7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2006. 235 с.
 8. Добраев Л. П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. М. : Педагогика, 1982. 176 с.
 9. Матюшкин А. М. Психология мышления. Мышление как разрешение проблемных ситуаций : учебное пособие. М. : КДУ, 2009. 190 с.
 10. Гурова Л. Л. Психологический анализ решения задач. Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1976. 327 с.
 11. Uittenhove K., Jeanneret S., Vergauwe E. From Lab-Testing to Web-Testing in Cognitive Research: Who You Test is More Important than how You Test // *Journal of Cognition*. 2023. Vol. 6, iss. 1. P. 1–17. <https://doi.org/10.5334/joc.259>
 12. Gangadharbatla H. The Role of AI Attribution Knowledge in the Evaluation of Artwork // *Empirical Studies of the Arts*. 2021. Vol. 40, iss. 2. P. 125–142. <https://doi.org/10.1177/0276237421994697>
 13. Лотман Ю. М. О природе искусства // Ю. М. Лотман и тартусско-московская семиотическая школа. М. : Гнозис, 1994. С. 432–438.
 2. Merezhkovsky D. S. *Voskresshie bogi Leonardo da-Vinchi* [The Resurrected Gods of Leonardo daVinci]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1990. 640 p. (in Russian).
 3. Mandelshtam O. E. *Polnoe sobranie poezii i prozy v odnom tome* [The Complete Collection of Poetry and Prose in One Volume]. Moscow, Alfa-kniga, 2017. 1182 p. (in Russian).
 4. Smallwood J., Schooler J. W. The science of mind wandering: empirically navigating the stream of consciousness. *Annual Review of Psychology*, 2015, vol. 66, pp. 487–518.
 5. Bernshtein N. A. *O postroenii dvizheniy* [On the construction of movements]. Moscow, Medgiz, 1947. 254 p. (in Russian).
 6. Freud Z. *Khudozhnik i fantazirovanie* [Artist and Fantasy]. Moscow, Respublika, 1995, 400 p. (in Russian).
 7. Rubinstein S. L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg, Piter, 2006. 235 p. (in Russian).
 8. Dobraev L.P. *Smyslovaya struktura uchebnogo teksta i problemy ego ponimaniya* [Semantic Structure of the Educational Text and Problems of Its Understanding]. Moscow, Pedagogika, 1982. 176 p. (in Russian).
 9. Matyushkin A. M. *Psikhologiya myshleniya. Myshlenie kak razreshenie problemnykh situatsiy: uchebnoe posobie* [Psychology of Thinking. Thinking as a Solution to Problem Situations]. Moscow, KDU, 2009. 190 p. (in Russian).
 10. Gurova L. L. *Psikhologicheskii analiz resheniya zadach* [Psychological Analysis of Problem Solving]. Voronezh, Voronezhskii gosudarstvenny universitet Publ., 1976. 327 p. (in Russian).
 11. Uittenhove K., Jeanneret S., Vergauwe E., From Lab-Testing to Web-Testing in Cognitive Research: Who You Test is More Important than how You Test. *Journal of Cognition*, 2023, vol. 6, iss. 1, pp. 1–17. <https://doi.org/10.5334/joc.259>
 12. Gangadharbatla H. The Role of AI Attribution Knowledge in the Evaluation of Artwork. *Empirical Studies of the Arts*, 2021, vol. 40, iss. 2, pp. 125–142. <https://doi.org/10.1177/0276237421994697>
 13. Lotman Yu. M. On the nature of art. In: *Yu. M. Lotman i tartussko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow Semiotic School]. Moscow, Gnozis, 1994, pp. 432–438 (in Russian).

Поступила в редакцию 06.03.2023; одобрена после рецензирования 08.05.2023; принята к публикации 09.06.2023
The article was submitted 06.03.2023; approved after reviewing 08.05.2023; accepted for publication 09.06.2023

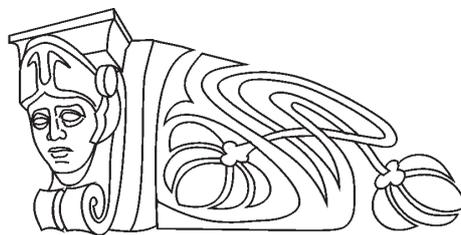

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 331–335
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 331–335
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-331-335>, EDN: RGATFT

Научная статья
УДК 159.972

Эмоциональные факторы дефицита социальной перцепции при неврастении

С. Л. Руденко

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, д. 14

Руденко Светлана Львовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии, rudenkosl.r1@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4628-5764>

Аннотация. Введение. Исследование направлено на выявление эмоциональных факторов, детерминирующих дефицит социальной перцепции при неврастении. **Теоретический анализ.** Показана недостаточная изученность феноменологии неврастении и трудности ее дифференциальной диагностики на этапе патологического развития личности. Подчеркнуто отсутствие адресной помощи больным и их объективно стремительная инвалидизация. Сформулирована гипотеза, согласно которой больные неврастением имеют выраженное нарушение социальной перцепции, детерминированное социальной ангедонией. **Эмпирический анализ.** В группе больных неврастением в сравнении со здоровыми обследуемыми обнаруживаются выраженные трудности распознавания эмоций по вербальным и невербальным проявлениям, нахождения необходимого тона общения и слабость аналитических способностей, позволяющих предвидеть динамику социальных ситуаций. Факторный анализ показал определяющую роль эмоциональных детерминант в развитии исследуемых нарушений – высокого уровня социальной ангедонии и связанных с ней личностной, реактивной тревожности и депрессивности. **Заключение.** Эмоциональные факторы формируют выраженную социальную ангедонию, определяющую образование дефицита социальной перцепции. Слабая ориентация на детали социальных ситуаций, тенденция к приписыванию собственных переживаний окружающим определяют низкий уровень эффективности социального взаимодействия, постепенный уход от контактов и полную социальную дезинтеграцию.

Ключевые слова: неврастения, социальная ангедония, социальная перцепция, социальная дезинтеграция, инвалидизация

Для цитирования: Руденко С. Л. Эмоциональные факторы дефицита социальной перцепции при неврастении // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 331–335. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-331-335>, EDN: RGATFT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Emotional factors of social perception deficit in neurasthenia

S. L. Rudenko

Belgorod State National Research University, 14 Studentskaya St., Belgorod 308007, Russia

Svetlana L. Rudenko, rudenkosl.r1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4628-5764>

Abstract. Introduction. The study is aimed at identifying emotional factors that determine the deficit of social perception in neurasthenia. **Theoretical analysis.** Insufficient knowledge of the phenomenology of neurasthenia and the difficulties of its differential diagnosis at the stage of pathological personality development is shown. The lack of targeted assistance to patients and their objectively rapid disability is emphasized. The hypothesis is formulated that patients with neurasthenia have a pronounced violation of social perception, determined by social anhedonia. **Empirical analysis.** In the group of patients with neurasthenia, in comparison with healthy subjects, there are pronounced difficulties in recognizing emotions by verbal and nonverbal manifestations, finding the necessary tone of communication and weakness of analytical abilities that allow to anticipate the dynamics of social situations. Factor analysis has shown the decisive role of emotional determinants in the development of the studied disorders – a high level of social anhedonia and associated personal, reactive anxiety and depression. **Conclusion.** Emotional factors form a pronounced social anhedonia that determines the formation of social perception deficit. A weak focus on the details of social situations, a tendency to attribute one's own experiences to others determine the low level of effectiveness of social interaction, gradual withdrawal from contacts and complete social disintegration.

Keywords: neurasthenia, social anhedonia, social perception, social disintegration, disability

For citation: Rudenko S. L. Emotional factors of social perception deficit in neurasthenia. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 331–335 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-331-335>, EDN: RGATFT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Изучение познавательной сферы лиц с невротозами в настоящее время представляет популярное направление научных исследований, в эпицентре которых разработка проблемы социальной перцепции. Выявление особенностей данного процесса открывает частные преморбидные факторы, задающие клинику невротозов и их патогенез, а также определяет причины социального снижения.

Теоретический анализ

Способность понимать эмоциональные состояния в литературе обозначена множеством синонимичных терминов: эмоциональный, социальный интеллект, «модель психического» и пр. Применительно к спектру признаков невротического радикала подчеркивается весомое пусковое значение дефицита способности анализировать социальные стимулы [1]. Больные с трудом различают эмоции по речевым и внешним проявлениям, в оценочных суждениях доминирует субъективизм, препятствующий определению причин и следствий социальных ситуаций [2]. Отмечается неизбирательная ориентация на прошлый опыт и склонность к навязчивому переосмыслению социальных отношений, препятствующему эффективной ориентации в актуальной ситуации [3, 4].

Вопросы социальной перцепции на модели лиц с невротозами освещены недостаточно. В единичных исследованиях содержатся указания на доминирование эмоциональных факторов в виде тревоги, депрессии и социальной ангедонии, определяющих уязвимость способности к считыванию информации и тенденцию к самоизоляции с постепенным уходом от активного социального функционирования [5, 6].

В практической деятельности клиницистов и психологов сегодня, как и ранее, четко обозначена проблема разведения феноменологически близких картин невротозии на этапе патологического развития личности и невротозоподобной шизофрении с астено-ипохондрическим синдромом. Данное обстоятельство объясняет трудности оказания адресной помощи больным и ведет к их инвалидизации [7, 8]. Трудности дифференциации признаков невротозии и тяжелые социальные последствия отсутствия своевременной целенаправленной помощи при данной нозологии подтверждают высокую актуальность и значимость предпринимаемых исследований.

Гипотеза исследования: больные невротозами имеют выраженное нарушение социальной перцепции, детерминированное социальной ангедонией.

Цель исследования: выявление эмоциональных факторов, детерминирующих дефицит социальной перцепции при невротозии.

Задачи исследования:

- 1) выявить характерные особенности социальной перцепции при невротозии;
- 2) определить эмоциональные факторы дефицита социальной перцепции;
- 3) проанализировать меру их участия в формировании имеющихся нарушений;
- 4) определить влияние социальной ангедонии на снижение возможностей социальной перцепции.

Методы:

1) выявление состояний, аффилированных с невротозом, проведено с помощью специального опросника, предназначенного для идентификации и оценки невротических паттернов К. К. Яхина, Д. М. Менделевича;

2) ведущие аспекты эмоционального состояния больных изучены шкалами тревожности Ч. Д. Спилбергера – Ю. Л. Ханина, депрессии А. Т. Бека – В. Н. Тарабриной, социальной ангедонии М. И. Екблед – О. В. Рычковой и М. А. Приймак;

3) нозологическая специфичность социальной перцепции при невротозии определена тестами лицевой и пантомимической детекции Н. Г. Гаранян и Н. С. Курека. Комплексные характеристики получены на основе диагностики социального интеллекта тестом J. P. Guilford, M. O. Sullivan – Е. С. Михайловой.

Выбранные тесты социальной перцепции обладают общим преимуществом – относительно скрытой целью, поскольку обследуемые не могут догадываться о типе последующей психологической интерпретации. Стимульный материал неоднозначен, отсутствуют ограничения в выборе вариантов ответов. Основным приоритетом выступила возможность проведения прицельного анализа мимики изолированно от пантомимики. Состоялось всестороннее изучение процесса, поскольку был задействован как зрительный канал восприятия (просмотр фотографий лица, поз и жестов, сюжетных картинок), так и слуховой (выявление смысловой нагрузки фраз в зависимости от интонации и контекста).

Результаты психодиагностики подверглись компьютерной обработке в программе SPSS Statistics 17.0.1. Математико-статистический анализ позволил произвести подсчет среднего арифметического, определить стандартное отклоне-

ние, установить значимость различий между основной группой и контингентом сравнения с помощью *F*-критерия Фишера. Для определения связей между параметрами в условиях предположения об избыточности переменных произведен факторный анализ. Реализован метод главных компонент. С помощью вращения Varimax, при наименьших информационных потерях снижена размерность пространства признаков, обнаружены подпространства.

В исследовании участвовали 240 чел. Прицельно изучены 120 больных неврастением, проходивших медико-социальную экспертизу. Обследуемые имели равновесное распределение по полу. Средний возраст 37.5 ± 1.57 лет, опыт жизни в условиях патологии 12.75 ± 1.38 лет. Частота стационарного лечения больных неврозом за последние 5 лет составляет от 1 до 5 госпитализаций (средняя частота $3 \pm 1,4$).

Прохождение полного объема заданий явилось для больных неврастением тяжелым испытанием, поскольку представляло трудоемкий процесс. В состав основной группы вошли только те обследуемые, которые полностью справились с нагрузкой и преодолели все тесты без признаков выраженного истощения либо подчеркнутого сопротивления процессу.

Критериями включения в группу больных неврастением явились следующие:

- 1) отсутствие признаков психотического регистра;
- 2) ведущая роль психогенных факторов в возникновении и декомпенсации нозоспецифических симптомов;
- 3) эгодистонический характер психопатологических проявлений с сохранением критичности к своему состоянию.

Из исследования исключались лица со следующими патологиями:

- 1) неврозоподобной шизофренией;
- 2) невротическими реакциями;
- 3) признаками поражения головного мозга различного генеза;
- 4) соматическими заболеваниями в стадии обострения;
- 5) психопатиями;
- 6) алкоголе- и наркозависимостью;
- 7) побочными эффектами фармакотерапии.

В качестве группы контраста выступили 120 здоровых людей. Установлено, что данный контингент не имел существенных половых и возрастных отличий от основной группы.

Эмпирический анализ

Больные основной группы имели клинически выраженные, верифицированные

признаки астении ($-7,24 \pm 0,59$) и депрессии ($-7,12 \pm 0,45$). Фиксировались повышения по шкалам вегетативных сенсаций ($-3,9 \pm 0,36$), тревоги ($-3,84 \pm 0,11$) и обсессивно-фобических симптомов ($-2 \pm 0,27$). Показатель истерической симптоматики в норме ($2,5 \pm 0,18$).

На первый план выходили признаки психической гиперестезии. Данный контингент был уязвим по отношению ко внешним раздражителям. Отмечалось обострение чувствительности к физиологическим ощущениям. Происходили фиксация на головных болях, наблюдалось ощущение неустойчивости, шум в ушах, повышенная чувствительность кожных покровов. В дневное время проявлялась сонливость, в ночные часы фиксировались трудности засыпания, беспокойство с частыми пробуждениями и спутанными сновидениями бытового содержания. При пробуждении имело место чувство разбитости. Колебания настроения зависели от времени суток. Улучшение состояния отмечалось в вечернее время. Страдала работоспособность, наблюдалось снижение физических и умственных показателей. Любая нагрузка способствовала ухудшению состояния.

В условиях общей астении и стремления к экономному расходу собственных сил путем самоустранения от повседневных обязанностей проявлялись страхи и тревожно-депрессивная настроенность, которые в содержательном плане были связаны с состоянием здоровья и носили характер витальных переживаний. Фиксировались признаки астеноипохондриии за счет расширения числа соматических патологических явлений, острые состояния с тахикардией и ощущением удушья, а также страхи кардиологических пароксизмов, онкологических заболеваний и смерти.

В группе лиц с неврастением регистрировалась высокая личностная ($73 \pm 0,65$) и реактивная ($69,45 \pm 0,55$) тревожность. Попытки преодоления нежелательных состояний вызывали умственное и физическое напряжение, но не приводили к совладанию с испытываемыми эмоциями. Тревожность усиливалась, больные становились избыточно настороженными, мнительными в отношении любых сигналов от своего тела, патологически застредали на ипохондрически переработанных соматических проявлениях. Нарастали признаки астении, с течением времени отмечалось превалирование дистимии.

Здоровые люди были склонны к незначительному беспокойству по поводу реальных угроз ($32 \pm 0,77$), уровень личностной тревожности оптимален ($19 \pm 0,68$), ($p \leq 0,03$).

Показатели депрессии больных соответствовали тяжелой степени ($59,05 \pm 0,48$). В структуре аффективных нарушений преобладала эмоцио-

нальная лабильность. Плаксивость с легкостью сменялась раздражительностью. Больные были фиксированы на своих внутренних ощущениях. Сенестоалгии возникали и усиливались в связи с психотравмирующими обстоятельствами, редуцировались при купировании причин. Обнаруживалась склонность к руминативной рефлексии.

В контрольной группе клинически очерченных проявлений снижения настроения не наблюдалось ($5,25 \pm 0,63$), ($p = 0,01$).

Установлено, что неврастеники испытывали отчетливый дискомфорт в социуме, выражавшийся в отсутствии удовольствия от социальных контактов ($27,44 \pm 0,54$). В группе сравнения гедонистический компонент общения в норме ($5,32 \pm 0,28$), ($p = 0,03$). Дифференцированный анализ показал, что больные не были удовлетворены общением с социумом ($2,11 \pm 0,27$), в том числе с друзьями ($2,35 \pm 0,43$). Более комфортно они чувствовали себя в кругу семьи ($3,24 \pm 0,08$) и с медицинским персоналом ($4,78 \pm 0,04$).

Изучение социальной перцепции лиц основной группы ($9,43 \pm 0,29$) выявило значительные трудности расшифровки эмоций по мимике в сравнении со здоровыми обследуемыми ($17,06 \pm 0,33$), ответы которых максимально верны ($p = 0,04$). Характерны игнорирование состояния презрения ($0,19 \pm 0,02$), выражения неуважения с чувством превосходства, побуждающего дистанцироваться, исключая сочувствие, а также страха ($0,39 \pm 0,05$), эмоции, вызванной опасностью или угрозой. В значительной мере затруднялось распознавание страдания ($1,85 \pm 0,03$), представлявшего собой совокупность тягостных и мучительных ощущений, сопровождавшегося эмоциональным и часто физическим дискомфортом, а также удивления ($1,91 \pm 0,04$), быстрой реакции, связанной с обнаружением неожиданных отклонений от нормы. Умеренно было снижено распознавание гнева ($2,11 \pm 0,08$), проявлявшегося паттернами недовольства, негодования. Идентификация радости не была нарушена ($2,98 \pm 0,07$).

В основной группе отмечался значительный дефицит декодирования эмоций по пантомимике ($10,67 \pm 0,74$) в сопоставлении с контрольной выборкой, имевшей нормативные показатели ($18,19 \pm 0,97$), ($p = 0,04$). Профиль распределения оценок по параметрам был идентичен полученному на материале теста определения эмоций по мимике.

Больные неврастенией нечувствительны к оттенкам речевой экспрессии ($2,14 \pm 0,07$), имели трудности нахождения соответствующего тона общения, в поведении проявляли выраженную

ролевую ригидность. Фиксировалась слабость аналитических способностей ($2,18 \pm 0,14$), позволявших увидеть ситуацию межличностного взаимодействия в динамике. Больные недостаточно понимали связь конкретных поступков и их последствий ($2,22 \pm 0,18$), были лишены возможности действовать с опорой на нормы, существовавшие в обществе, поскольку дезориентированы в обстоятельствах, требовавших их учета. Существовали трудности понимания языка поз и жестов ($2,26 \pm 0,23$). В группе сравнения результаты по всем субтестам являлись высокими ($p = 0,03$).

Факторный анализ показал определяющую роль эмоциональных детерминант в развитии исследуемых нарушений. Наибольшую нагрузку имел Фактор 1 «Нарушение социальной перцепции вследствие социальной ангедонии» ($-0,82$). Соответственно влияла мера удовольствия от социальных контактов и пребывания с людьми, что подтверждало гипотезу. Также определяющими являлись Факторы 2 и 3. Полученные нагрузки отражали значение и меру участия тревожности ($-0,77$) и депрессии ($-0,68$).

Таким образом, больные неврастенией, в отличие от контингента сравнения, имели четкие очерченные трудности определения эмоциональных состояний. Ошибки распознавания отмечались при считывании не только сложных эмоций, но и достаточно доступного образца – гнева. Следовательно, ограниченность социальной перцепции при данной нозологии выходит за пределы влияния сложности стимульного эталона.

Данный контингент избегал взаимодействия с социумом в связи с фиксацией на своем состоянии и чувством стигматизированности в обществе, не испытывал гедонистических ощущений от антиципации взаимодействия. Контакты вызвали отрицательные эмоции и побуждали к критическому самоанализу. Больные патологически застревают на негативных аспектах опыта, ощущали себя неэффективными коммуникаторами, напряженно ожидали отрицательной оценки своих качеств. Любая сложная ситуация, провоцирующая напряжение, приводит к самоустранению.

Нарушения социальной перцепции обусловлены дефицитом удовольствия от социального взаимодействия в том числе с друзьями. Больные были умеренно удовлетворены общением с родственниками. С одной стороны, совместное проживание раздражало сенсibilизированных неврастеников, невольно провоцировало конфликтное поведение. С другой, близкие люди, оказывались единственными, способными искренне сочувствовать. Максимальное удовольствие про-

являлось в отношении общения с медицинским персоналом. Обследуемые наиболее гармонично чувствовали себя в условиях поликлинических отделений и стационара, когда инициировали беседы по вопросам причин своего состояния и принимали помощь медработников, получая вторичную выгоду от роли больных и нуждавшихся в терапии. Высокая загруженность переживаниями, связанная с избыточной тревожной фиксацией на состоянии соматической сферы, многоаспектной депрессивностью, в условиях повышенной истощаемости, определяли недостаточную направленность на партнера по общению. Формировался благоприятный фон для беспрепятственного проецирования собственных опасений, ощущения уязвимости и малозначимости. В итоге социальные стимулы трактовались ошибочно, с весомой долей субъективизма, что задавало тенденцию к избеганию социальных контактов и социальной дезинтеграции.

Заключение

Больные неврастением в сравнении со здоровыми людьми имеют высокий уровень личностной и реактивной тревожности, а также депрессивности, испытывают значительное напряжение в социуме, в том числе от контактов с друзьями и членами семьи. Исключение составляет взаимодействие с медицинским персоналом, которое дает ощущение внутренней опоры.

Изучение социальной перцепции данного контингента в сравнении с группой контраста вскрыло выраженные трудности распознавания эмоций по лицу, позе и жестам. Выражено игнорирование состояний презрения и страха, значительны трудности сканирования страдания и удивления. Умеренно снижено распознавание гнева. Идентификация радости не нарушена.

Больные нечувствительны к оттенкам речевой и невербальной экспрессии, имеют трудности нахождения соответствующего тона общения и слабость аналитических способностей, позволяющих увидеть логику развития социальных ситуаций.

Нарушение социальной перцепции детерминировано социальной ангедонией. Высокая загруженность переживаниями на фоне астении определяет слабую концентрацию внимания на аспектах ситуаций. Социальные стимулы трактуются ошибочно, на основе проекций, что задает тенденцию к уходу от общения и функционирования в социуме.

Список литературы

1. Frith C. D. Brain mechanisms for having a «theory of mind» // *Psychopharmacology*. 1996. № 1. P. 9–15.
2. Пуговкина О. Д., Паламарчук Л. С. Социальный интеллект и хронификация депрессии // *Консультативная психология и психотерапия*. 2013. № 1. С. 115–117.
3. Strauss E. Perception of emotional words // *Neuropsychologia*. 2018. № 4. P. 99–103.
4. Fonagy P., Gergely G., Jurist E.L., Target M. *Affect regulation, mentalization and the development of the self*. New York: Other Press, 2020. 592 p.
5. Ковалев Ю. В. Особенности клиники и динамики тревоги при неврастении // *Российский психиатрический журнал*. 2004. № 4. С. 16–18.
6. Wearden A. J., Tarrier N., Barrowclough C., Zastowny T. R., Rahill A. A. A review of expressed emotion research in health care // *Clinical Psychology Review*. 2020. № 5. P. 633–666.
7. Виленский О. Г. *Психиатрия*. М. : Вузовская книга, 2020. 188 с.
8. Van Rooy D. L., Visveswaran C. Emotional intelligence: A meta-analytic investigation of predictive validity and nomological net // *Journal of Vocational Behavior*. 2020. № 1. P. 71–95. [https://doi.org/10.1016/s0001-8791\(03\)00076](https://doi.org/10.1016/s0001-8791(03)00076)

References

1. Frith C. D. Brain mechanisms for having a «theory of mind». *Psychopharmacology*, 1996, no. 1, pp. 9–15.
2. Pugovkina O. D., Palamarchuk L. S. Social intelligence and chronification of depression. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2013, no. 1, pp. 115–117 (in Russian).
3. Strauss E. Perception of emotional words. *Neuropsychologia*, 2018, no. 4, pp. 99–103.
4. Fonagy P., Gergely G., Jurist E. L., Target M. *Affect regulation, mentalization and the development of the self*. New York, Other Press, 2020. 592 p.
5. Kovalev Yu. V. Features of the clinic and dynamics of anxiety in neurasthenia. *Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal* [Russian Psychiatric Journal], 2004, no. 4, pp. 16–18 (in Russian).
6. Wearden A. J., Tarrier N., Barrowclough C., Zastowny T. R., Rahill A. A. A review of expressed emotion research in health care. *Clinical Psychology Review*, 2020, no. 5, pp. 633–666.
7. Vilenskiy O. G. *Psikhiatriya* [Psychiatry]. Moscow, Vuzovskaya kniga, 2020. 188 p. (in Russian).
8. Van Rooy D. L., Visveswaran C. Emotional intelligence: A meta-analytic investigation of predictive validity and nomological net. *Journal of Vocational Behavior*, 2020, no. 1, pp. 71–95. [https://doi.org/10.1016/s0001-8791\(03\)00076](https://doi.org/10.1016/s0001-8791(03)00076)

Поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 02.02.2023; принята к публикации 09.06.2023
The article was submitted 25.01.2023; approved after reviewing 02.02.2023; accepted for publication 09.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 336–342

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 336–342

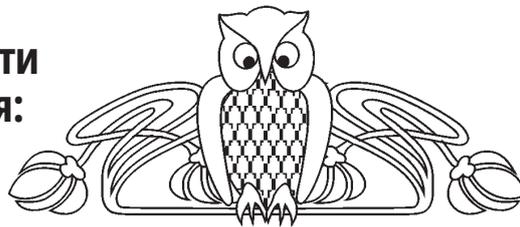
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-336-342>, EDN: RICACS

Научная статья

УДК 159.9.072.422

«Методика диагностики» адекватности профессионального самоопределения: психометрические характеристики

А. Ю. Смирнова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Смирнова Анна Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, anna-smirnova-sgu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2364-8163>

Аннотация: Введение. Обосновывается актуальность исследования и формулируется его цель. **Теоретический анализ.** Рассматривается понятие адекватности профессионального самоопределения; описываются подходы к его анализу и измерению. Обосновывается значение самооценки адекватности профессионального самоопределения как условия неподверженности частым стрессам и превенции профессионального психического выгорания, в том числе эмоциональной истощенности и эмоциональной дистанцированности от результатов своего труда (деперсонализации) персонала. **Эмпирическое исследование** основано на результатах валидизации методики «Адекватность профессионального самоопределения», разработанной автором статьи. Эмпирическая база – 396 работников промышленности, 277 мужчин и 119 женщин. Проверка факторной структуры методики позволила подтвердить ее двухфакторную структуру и выделить субшкалы «Соответствие личных качеств требованиям работы» (Cronbach's $\alpha = 0,82$) и «Соответствие работы качествам сотрудника» (Cronbach's $\alpha = 0,63$). Факторная структура методики подтверждена результатами подтверждающего факторного анализа (RMSEA = 0.061, CFI = 0.964, TLI = 0.906). Выявлены отрицательные связи адекватности профессионального самоопределения с профессиональным выгоранием, частотой стрессов и положительные – с удовлетворенностью трудом, различий в адекватности профессионального самоопределения между мужчинами и женщинами не обнаружено. **Заключение.** Результаты исследования подтверждают валидность методики «Адекватность профессионального самоопределения», вносят вклад в теоретическую рефлексию профессионального самоопределения.

Ключевые слова: адекватность профессионального самоопределения, стресс, выгорание, удовлетворенность трудом, валидность, методика

Для цитирования: Смирнова А. Ю. «Методика диагностики» адекватности профессионального самоопределения: психометрические характеристики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 336–342. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-336-342>, EDN: RICACS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Psychometric characteristics of the "Appropriateness of professional self-determination" Scale

A. Yu. Smirnova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anna Yu. Smirnova, anna-smirnova-sgu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2364-8163>

Abstract. Introduction. The concept of appropriateness of professional self-determination is analyzed, approaches to its analysis and measurement are described. **Theoretical analysis.** The significance of self-assessment of appropriateness of professional self-determination as a condition of sustainability to frequent stresses and prevention of professional burnout, including emotional exhaustion and depersonalization of personnel. **Empirical analysis.** The empirical study presents the results of the validation of the "Appropriateness of professional self-determination" Scale, developed by the author of the article. The empirical research base includes 396 workers, 277 men and 119 women. The performed in the study verification of the factor structure of the Scale confirmed its two-factor structure (subscale "Compliance of personal qualities of the job's demands" (Cronbach's $\alpha = 0.82$) and subscale "Compliance of job of personal qualities" (Cronbach's $\alpha = 0.63$)). The factor structure of the Scale was confirmed by the results of confirmatory factor analysis (RMSEA = 0.061, CFI = 0.964, TLI = 0.906). It was found that male workers and female workers evaluate their own appropriateness of professional self-determination in the same way. Negative correlations of appropriateness of professional self-determination with professional burnout, frequency of stresses and positive correlations with job satisfaction were revealed. **Conclusion.** The results of the study confirm the validity of the Appropriateness of Professional self-determination Scale, contribute the theoretical reflection of professional self-determination.

Keywords: appropriateness of professional self-determination, stress, burnout, job satisfaction, validity, scale

For citation: Smirnova A. Yu. Psychometric characteristics of the "Appropriateness of professional self-determination" Scale. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 336–342 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-336-342>, EDN: RICACS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Успешная адаптация и функционирование персонала на рабочем месте – один из ключевых факторов организационной эффективности. Однако быстрая адаптация, продуктивная работа, неподверженность профессиональному выгоранию во многом обусловлены адекватностью профессионального самоопределения [1], предопределяющей эффективность других аспектов работы с персоналом. Важно не только найти соответствующего требованиям к должности сотрудника и гармонично «вписать» его в коллектив, культуру, «настроить» его профессиональные компетенции под выполнение конкретных профессиональных задач, предусмотренных должностными обязанностями [2], но и необходимо, чтобы сотрудник субъективно оценивал свое профессиональное самоопределение как адекватное в аспекте того, что он подходит должности, и в аспекте того, что ему подходит данная работа. От степени адекватности профессионального самоопределения персонала зависит закрепляемость работников в организации, индивидуальная и командная эффективность. Цель данной статьи – валидизация методики «Адекватность профессионального самоопределения» А. Ю. Смирновой.

Теоретический анализ

Адекватность профессионального самоопределения, как и адаптированность к профессиональной деятельности, служит, на наш взгляд, условием надежности профессионала [3]. Отмеченное акцентирует важность исследования феноменов адекватности профессионального самоопределения и адаптированности персонала. Однако, если проблема адаптации нередко рассматривается как центральная в управлении персоналом, и для диагностики адаптации персонала к работе уже имеется определенное количество методик, разработка методов диагностики адекватности профессионального самоопределения в объективном и субъективном аспектах посредством оценки руководителем или наставником и самооценки является актуальной научной задачей. Самооценка эффективности профессионала рассматривается исследователями как базовый ресурс поактивного поведения [4]. Как условие

успешной адаптации личности в значимом виде деятельности анализируется адаптационная готовность – «состояние, сопровождающееся психическим напряжением, позволяющим личности сохранить настрой на приспособление к значимой, с точки зрения реализации потребностей, ситуации, основанной на представлении о желаемом (успешном) её исходе, а также допустимых средствах и действиях» [5, с. 456]. Адекватность же профессионального самоопределения, как условие успешной работы анализируется значительно реже, что и делает данную статью актуальной.

Эмпирическое исследование

Эмпирическую базу исследования составили работники промышленности – 277 мужчин и 119 женщин разных профессий.

Использовались следующие методики:

1. Опросник «Профессиональное выгорание» (ПВ) русскоязычная версия Н. Водопьянова, Е. Старченкова (МВІ К. Маслач и С. Джексон) [6].
2. Опросник трудового стресса (Job stress survey, Spielberger, 1989 – русскоязычная версия А. Б. Леоновой и С. Б. Величковской, 2000) [7].
3. Методика экспресс – диагностики удовлетворенности трудом (Bref job Satisfaction Measure from T. A. Judge, E. A. Locke, C. C. Durham; A. N. Kluger) в адаптации А. Ю. Смирновой [8].
4. Валидируемая методика «Адекватность профессионального самоопределения» А. Ю. Смирновой.

Сведения о локальной надежности – внутренней согласованности методик, рассчитанные по критерию Cronbach's α , приводятся в табл. 1.

Надежность примененных методик удовлетворительная, что делает также надежными результаты нашего исследования.

Конструктивная валидность оценивалась в диалоге с экспертами как ключевой метод для валидации методики «Адекватность профессионального самоопределения». Нами был использован подтверждающий факторный анализ, позволивший обосновать двух-факторную структуру методики. Проблема отсутствия нормальности распределения переменных преодолена выбором приблизительно свободного от распределения метода для выполнения факторного анализа, а также большим размером выборки, что делает приблизительно свободный от распределения

Таблица 1 / Table 1

**Локальная надежность методик исследования
The local reliability of scales**

Название методики (шкалы)	Показатель Cronbach`a
Опросник трудового стресса (шкала «Сила стресса»)	0,94
Опросник «Профессиональное выгорание» (шкала «Эмоциональное истощение»)	0,77
Опросник «Профессиональное выгорание» (шкала «Деперсонализация»)	0,7
Опросник «Профессиональное выгорание» (шкала «Редукция профессиональных достижений»)	0,73
Методика экспресс – диагностики удовлетворенности трудом	0,69
Адекватность профессионального самоопределения (шкала «Соответствие личных качеств требованиям работы»)	0,82
Адекватность профессионального самоопределения (шкала «Соответствие работы качествам сотрудника»*)	0,63

Примечание. * Данная шкала не переходит границу 0,7, однако исключение утверждений из шкалы не улучшает ее надежность (табл. 2).

Note. * This scale does not exceed 0.7, however, the exclusion of statements from the scale does not improve its reliability (Table 2).

Таблица 2 / Table 2

**Надежность – внутренняя согласованность шкалы «Соответствие работы качествам сотрудника»
при удалении пункта**

Reliability – internal consistency of the scale “Compliance of work to the qualities of the employee” if item dropped

Пункт шкалы	Показатель Cronbach`a при удалении пункта
Моя работа не заставляет меня нервничать или испытывать стресс	0.543
В работе у меня всегда все идет как надо	0.515
У меня большое будущее в выбранной профессии	0.626
Во время работы мне нередко кажется, что количество сложностей так велико, что я не смогу с ними справиться (обратное утверждение)	0.570

метод достаточно надежным [9]. Применение факторного анализа дополнительно обосновано результатами проверки Kaiser-Meyer-Olkin

(KMO) test, показавшего приемлемый результат выше 0,7, свидетельствующий о правомерности метода факторного анализа (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

**Kaiser-Meyer-Olkin (KMO) тест
Kaiser-Meyer-Olkin (KMO) test**

Параметры	(KMO) test
Моя работа не заставляет меня нервничать или испытывать стресс	0.870
В работе у меня всегда все идет как надо	0.906
У меня большое будущее в выбранной профессии	0.918
Во время работы мне нередко кажется, что количество сложностей так велико, что я не смогу с ними справиться (обратное утверждение)	0.911
Я знаю, какие знания, умения и личные качества нужны в моей работе	0.871
Я могу контролировать то, что связано с моей работой	0.883
Я всегда чувствую уверенность в том, что справлюсь со своими профессиональными задачами и проблемами	0.923
У меня есть все качества, которые нужны моей работе	0.904
В рабочих делах я чувствую себя «на коне»	0.888
Overall	0.897

В целях обоснования двухфакторной структуры методики мы приводим данные подтвержденного факторного анализа при предположении, что в методике один (табл. 4) или два (табл. 5) фактора.

Отметим, что основные критерии согласия в двухфакторной модели (X²/df, RMSEA, Comparative Fit Index (CFI), Tucker-Lewis Index (TLI), Bollen's Incremental Fit Index (IFI)) сви-

детельствуют о лучшей факторной структуре модели, чем в ее однофакторной версии. Таким образом, двухфакторную структуру разработанной нами методики, предполагающей наличие факторов «Соответствие личных качеств требованиям работы» и «Соответствие работы качествам сотрудника» можно считать эмпирически обоснованной.

Таблица 4 / Table 4

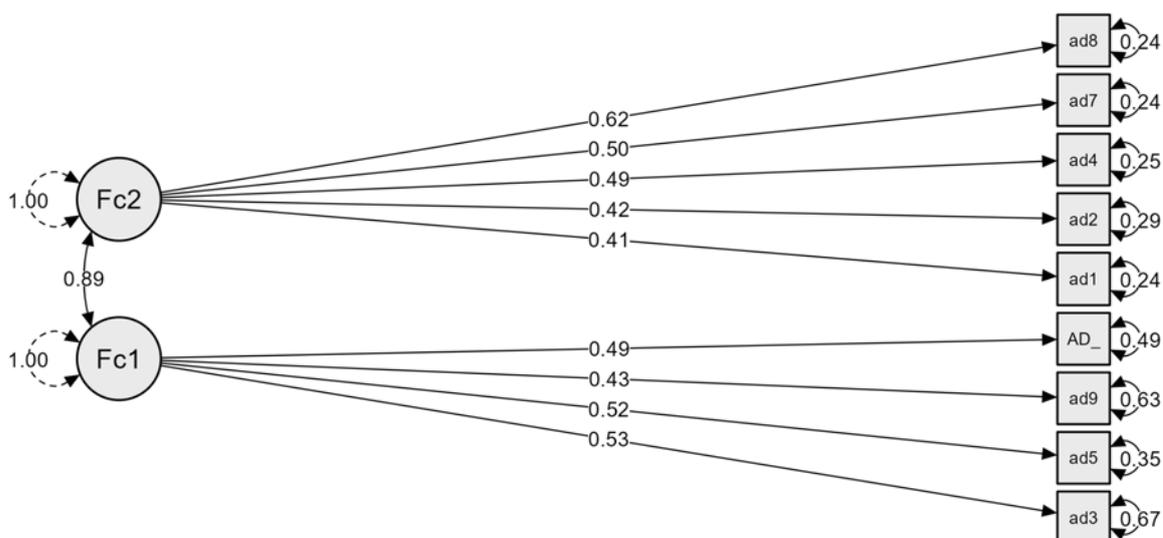
Результаты подтверждающего факторного анализа методики «Адекватность профессионального самоопределения», однофакторная модель
The results of the confirmatory factorial analysis of the «Appropriateness of professional self-determination» Scale, one-factor model

Chi-square test			
Model	X ²	df	P
Factor model	125.026	35	< .001
Индексы согласия модели			Value
CFI	0.927		
TLI	0.906		
NNFI	0.90		
NFI	0.902		
PNFI	0.702		
RFI	0.874		
IFI	0.927		
RNI	0.927		
RMSEA	0.081		
RMSEA 90% CI lower bound	0.066		
RMSEA 90% CI upper bound	0.096		

Таблица 5 / Table 5

Результаты подтверждающего факторного анализа методики «Адекватность профессионального самоопределения», двухфакторная модель
The results of the confirmatory factorial analysis of the «Appropriateness of professional self-determination» Scale, two-factor model

Chi-square test			
Model	X ²	df	P
Factor model	64.087	26	< .001
Индексы согласия модели			Value
CFI	0.96		
TLI	0.950		
NNFI	0.950		
NFI	0.941		
PNFI	0.680		
RFI	0.919		
IFI	0.964		
RNI	0.964		
RMSEA	0.061		
RMSEA 90% CI lower bound	0.042		
RMSEA 90% CI upper bound	0.080		

Факторная структура методики «Адекватность профессионального самоопределения»
 Figure. Factor structure of the «Appropriateness of professional self-determination» Scale

Для обоснования конвергентной и дискриминативной валидности методики мы применили методики: «Профессиональное выгорание» (ПВ) русскоязычная версия Н. Водопьянова, Е. Старченкова (МВІ К. Маслач и С. Джексон), «Опросник трудового стресса» (Job stress survey, Spielberger, 1989 – русскоязычная версия А. Б. Леоновой и С. Б. Величковской, 2000), а также методику экспресс-диагностики удовлетворенности трудом (Bref job Satisfaction Measure from T. A. Judge, E. A. Locke, C. C. Durham; A. N. Kluger) в адаптации А. Ю. Смирновой, предположив на основании данных теоретического

анализа [1, 2], что недостаточная адекватность профессионального самоопределения будет причиной частых стрессов работников, а также причиной их преждевременного профессионального выгорания, т. е. можно предусмотреть обратную корреляционную связь между указанными и разрабатываемой методиками. Напротив, хорошо адаптированные к работе специалисты будут удовлетворены своим трудом. Корреляционная связь между методикой экспресс-диагностики удовлетворенности трудом и разрабатываемой методикой будет прямой. Результаты корреляционного анализа приведены в табл. 6.

Таблица 6 / Table 6

Результаты корреляционного анализа
The results of correlation analysis

Переменные	Фактор 1 «Контроль рабочей ситуации»	Фактор 2	Em_ist	Depersonal	Reduction	УТ
«Соответствие личных качеств требованиям работы», (фактор 2)	0.658***	—				
Эмоциональное истощение (Em_ist)	-0.526***	-0.386***	—			
Деперсонализация (Depersonal)	-0.313***	-0.190***	0.590***	—		
Редукция персональных достижений (Reduction)	-0.409***	-0.504***	0.327***	0.213***	—	
Удовлетворенность трудом (УТ)	0.427***	0.319***	-0.432***	-0.345***	-0.215***	
Сила стресса	-0.183***	-0.099*	0.276***	0.327***	0.014	-0.251***

Примечание / Note. *** $p < .001$.

На основании корреляционного анализа (см. табл. 6) можно заключить, что субшкала 1 «Соответствие работы качествам сотрудника» и субшкала 2 «Соответствие личных качеств требованиям работы» в методике «Адекватность профессионального самоопределения» отрицательно связаны с такими переменными, как «Эмоциональное истощение», «Деперсонализация», «Редукция персональных достижений», и положительно связаны с удовлетворенностью трудом, что соответствует нашим гипотетическим предположениям и подтверждает валидность методики.

На основании данных Mann-Whitney U test мы не обнаружили значимых различий в выраженности значений анализируемых субшкал в мужской и женской выборке. В подтверждение приводим средние значения шкал с делением группы респондентов по признаку пола (табл. 7) и без такового (табл. 8).

Корреляции отдельных утверждений методики «Адекватность профессионального самоопре-

деления» значимы, при этом связи утверждений, входящих в одну субшкалу, выше, чем в разные, что дополнительно подтверждает внутреннюю согласованность методики (табл. 9).

Заключение

Резюмируя, следует заключить, что результаты математико-статистического анализа подтверждают валидность методики «Адекватность профессионального самоопределения», вносят вклад в теоретическую рефлексию конструкта адаптации в организации. Методика «Адекватность профессионального самоопределения» имеет двухфакторную структуру, включает субшкалы «Соответствие личных качеств требованиям работы» и «Соответствие работы качествам сотрудника», обладает валидностью и надежностью и может быть использована в организационно-психологических исследованиях и практике.

Таблица 7 / Table 7

Описательные статистики для методики «Адекватность профессионального самоопределения»
Descriptive statistics of the “Appropriateness of professional self-determination” Scale

Описательные статистики	Субшкала 1 «Соответствие работы качествам сотрудника»	Субшкала 2 «Соответствие личных качеств требованиям работы»
Valid	396	396
Missing	0	0
Mean	18.826	20.639
Std. Deviation	2.579	3.389
Skewness	-0.430	-2.345
Std. Error of Skewness	0.123	0.123
Kurtosis	0.628	12.293
Std. Error of Kurtosis	0.245	0.245

Таблица 8 / Table 8

Описательные статистики для методики «Адекватность профессионального самоопределения»
Descriptive statistics of the “Appropriateness of professional self-determination” Scale

Переменная	Группа	N	Mean	SD	SE
Субшкала 1 «Соответствие работы качествам сотрудника»	1	277	19.018	2.496	0.150
	2	119	18.378	2.722	0.249
Субшкала 2 «Соответствие личных качеств требованиям работы»	1	277	20.816	3.101	0.186
	2	119	20.227	3.965	0.363

Таблица 9 / Table 9

Корреляционный анализ связи отдельных утверждений методики «Адекватность профессионального самоопределения»
Correlation analysis of the items of “Appropriateness of professional self-determination” Scale

Наименование параметра	adapt1	adapt2	adapt3	adapt4	adapt5	adapt7	adapt8	adapt9
2. adapt2	0.525							
3. adapt3	0.224	0.333						
4. adapt4	0.519	0.493	0.404					
5. adapt5	0.390	0.404	0.456	0.512				
6. adapt7	0.522	0.423	0.312	0.555	0.475			
7. adapt8	0.511	0.454	0.319	0.586	0.527	0.641		
8. adapt9	0.226	0.248	0.219	0.354	0.315	0.330	0.424	
9. AD_10R	0.352	0.295	0.343	0.454	0.403	0.489	0.459	0.267

Примечание. Все приведенные в таблице корреляции значимы на уровне 0.001. Содержание приведенных в таблице утверждений (см. в Приложении).

Note. All correlations given in the table are significant at the level of 0.001. The content of the statements given in the table in Appendix.

Список литературы

1. Калашикова С. А. Адекватность профессионального самоопределения и ее проявление в развитии синдрома «профессиональное выгорание» в особых условиях деятельности: дис. ... канд. психол. наук. Чита, 2004. 206 с.
2. Калашикова С. А. Личностно-развивающий потенциал особых условий профессиональной деятельности // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2010. № 1. С. 80–86.
3. Леонова А. Б. Психическая надежность профессионала и современные технологии управления стрессом // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2007. № 3. С. 69–81.
4. Маничев С. А., Лепехин Н. Н., Ильина О. Н. Русскоязычная версия шкалы базового самооценивания (Core Self-Evaluation Scale): психометрическая проверка и перспективы использования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Т. 12, вып. 3. С. 285–308. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.304>

5. Шамионов Р. М. Структура адаптационной готовности личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 454–458. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2016-16-4-454-458>
6. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса : учебное пособие. СПб. : Питер, 2009. 336 с.
7. Величковская С. Б. Зависимость возникновения и развития стресса от факторов профессиональной деятельности педагогов: дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. 171 с.
8. Смирнова А. Ю. Основы организационной психологии : учеб. пособие. Саратов : ИЦ «Наука», 2017. 210 с.
9. Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: учебное пособие. СПб. : Речь, 2004. 392 с.
- ern stress management technologies. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 14 Psihologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 2007, no. 3. pp. 69–81 (in Russian).
4. Manichev S. A., Lepekhin N. N., Ilina O. N. The Russian version of “Core Self-Evaluation Scale”: psychometric testing and prospects of using. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Psychology*. [Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology], 2022, vol. 12, iss. 3, pp. 285–308 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.304>
5. Shamionov R. M. Structure of Personal Adaptation Readiness. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4. pp. 454–458 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2016-16-4-454-458>
6. Vodopyanova N. E. *Psikhodiagnostika stressa* [Psychodiagnosics of Stress]. St. Petersburg, Piter, 2009. 336 p. (in Russian).
7. Velichkovskaya S. B. *The dependence of the occurrence and development of stress on the factors of professional activity of teachers*. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow, 2005. 171 p. (in Russian).
8. Smirnova A. Yu. *Osnovy organizatsionnoj psikhologii* [Fundamentals of Organizational Psychology]. Saratov, ITs “Nauka”, 2017. 210 p. (in Russian).
9. Nasledov A. D. *Matematicheskie metody psikhologicheskogo issledovaniya. Analiz i interpretatsiya dannykh* [Mathematical Methods of Psychological Research. Data Analysis and Interpretation]. St. Petersburg, Rech, 2004. 392 p. (in Russian).

References

1. Kalashnikova S. A. *Appropriateness of professional self-determination and its manifestation in the development of the “professional burnout” syndrome in peculiar conditions of activity*. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Chita, 2004. 206 p. (in Russian).
2. Kalashnikova S. A. Personal-developing potential of special conditions of professional activity. *Gumanitarnyj vektor. Seriya: Pedagogika, psikhologiya* [Humanitarian Vector. Series Pedagogy. Psychology], 2010, no. 1, pp. 80–86 (in Russian).
3. Leonova A. B. Mental reliability of a professional and mod-

Приложение / Appendix

Бланк методики диагностики адекватного профессионального самоконтроля The methodology form for diagnosing adequate professional self-control

Используя шкалу:

- 1 – совершенно не согласен,
- 2 – не согласен,
- 3 – нечто среднее (затрудняюсь ответить),
- 4 – согласен,
- 5 – абсолютно согласен,

укажите, насколько Вы согласны с этими утверждениями, вписав соответствующий балл после каждого утверждения

Утверждение/код в рисунках и таблицах /порядковый номер в методике	Принадлежность к фактору
Моя работа не заставляет меня нервничать или испытывать стресс /adapt3 /3	1
В работе у меня всегда все идет как надо /adapt5 /5	1
У меня большое будущее в выбранной профессии /adapt9 /9	1
Во время работы мне нередко кажется, что количество сложностей так велико, что я не смогу с ними справиться (обратное утверждение) /AD_10R /10	1*
Я знаю, какие знания, умения и личные качества нужны в моей работе /adapt1 /1	2
Я могу контролировать то, что связано с моей работой /adapt2 /2	2
Я всегда чувствую уверенность в том, что справлюсь со своими профессиональными задачами и проблемами /adapt4 /4	2
У меня есть все качества, которые нужны в моей работе /adapt7 /7	2
В рабочих делах я чувствую себя «на коне» /adapt8 /8	2

Примечание. * Все утверждения, входящие в каждый фактор, нужно сложить; отмеченное утверждение до складывания обратить по формуле (6 – ответ респондента).

Note. * All statements included in each factor must be added; the marked statement should be converted before adding according to the formula (6 – respondent's answer).

Поступила в редакцию 03.03.2023; одобрена после рецензирования 19.04.2023; принята к публикации 09.06.2023
The article was submitted 03.03.2023; approved after reviewing 19.04.2023; accepted for publication 09.06.2023

ПЕДАГОГИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 343–348

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 343–348

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-343-348>

EDN: SWUSCK

Научная статья
УДК 37.012.3

Проблемные вопросы практической подготовки сотрудников полиции зарубежных стран и Российской Федерации на этапе учебной практики

А. Ю. Денисова

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Россия, 117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

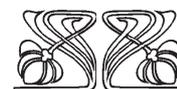
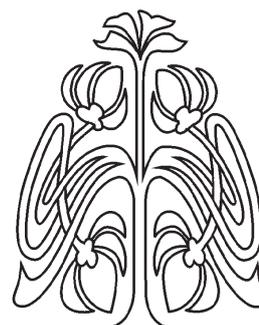
Денисова Анна Юрьевна, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров, katusya2003@yandex.ru

Аннотация. Введение. В происходящих экономических и политических реалиях современная деятельность полицейского требует от него не только профессиональных теоретических знаний, но и практических умений, выдержки, стрессоустойчивости и определенных психологических навыков. Актуальность данной темы объясняется необходимостью решения проблем кадрового обеспечения ввиду растущих угроз и развития преступности, а также повышения уровня практической подготовки сотрудников полиции во внештатных ситуациях, которая начинается на этапе стажировки, названной термином «externship» в международной образовательной среде и учебной практике, являющейся базовой формой подготовки будущих специалистов ОВД. **Теоретический анализ.** Цель статьи – раскрыть отличительные особенности и организационные проблемы практической подготовки сотрудников полиции в ходе учебной и квазипрофессиональной деятельности. **Эмпирический анализ** позволил подтвердить теоретические положения, полученные в ходе анкетирования на базе Нидерландского института по изучению преступности и правоохранительной деятельности, а также Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. **Заключение.** В результате проведенных исследований сформулирован вывод об актуальности проблемы профессиональной подготовки сотрудников полиции и необходимости поиска подходов к ее организации и, как следствие, разработки комплексной модели организации практик.

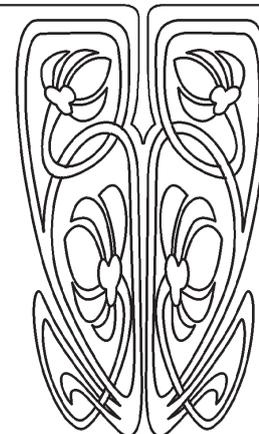
Ключевые слова: практико-ориентированный подход, профессиональная подготовка, стажировка, учебная практика, социальное партнерство

Для цитирования: Денисова А. Ю. Проблемные вопросы практической подготовки сотрудников полиции зарубежных стран и Российской Федерации на этапе учебной практики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 343–348. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-343-348>, EDN: SWUSCK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Problematic issues of police officers' practical training in some foreign countries and the Russian Federation during training practices

A. Yu. Denisova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 12 Akademika Volgina St., Moscow 117437, Russia
Anna Yu. Denisova, katusya2003@yandex.ru

Abstract. Introduction. In the current economic and political realities, the modern activity of a policeman requires from him not only professional theoretical knowledge, but also practical skills, endurance, stress resistance and strong psychological skills. The relevance of this issue is explained by the need for solving staffing problems in view of growing threats and the rise in crime, as well as for increasing the level of practical training of police officers in emergency situations, which begins at the internship stage, and is the basic form of training future specialists of Internal Affairs Bodies. **Theoretical analysis.** The purpose of the article is to reveal the distinctive features and organizational problems of practical training of police officers in the course of educational and quasi – professional activities. **Empirical analysis** allowed us to confirm the theoretical positions obtained during the survey on the basis of the Netherlands Institute for the Study of Crime and Law Enforcement, and Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot. **Conclusion.** As a result of the conducted research, a general conclusion is formulated about the relevance of the problem of police officers' professional training and the need for finding approaches to its organization and developing a comprehensive model of training practices.

Keywords: practice-oriented approach, professional training, externship, educational introductory practice, social partnership

For citation: Denisova A. Yu. Problematic issues of police officers' practical training in some foreign countries and the Russian Federation during training practices. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 343–348 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-343-348>, EDN: SWUSCK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Выступая в рамках расширенной коллегии Министерства внутренних дел 20 марта 2023 г., Президент России В. В. Путин отметил, что 2023 год объявлен годом педагога и наставника, что, в свою очередь, подчеркивает огромную роль образовательных организаций, прежде всего, в повышении эффективности деятельности полиции.

В данном исследовании в рамках практической подготовки курсантов образовательных организаций МВД Российской Федерации выделим учебную практику как один из ключевых моментов подготовки будущих сотрудников полиции и рассмотрим ее как «деятельность, направленную на создание или усовершенствование взаимосвязей между участниками практики на этапах ее подготовки и проведения с целью внесения упорядоченности в процесс профессиональной подготовки сотрудников полиции и повышения его результативности» [1]. При этом отметим ее важность ввиду развития квазипрофессиональной деятельности сотрудников полиции на практико-ориентированном этапе, позволяющем интегрировать полученные теоретические знания в рамках самостоятельной работы.

Теоретический анализ

Образование и профессиональное развитие сотрудников полиции претерпели эволюцию за прошедшее столетие. Учитывая меняющиеся

социальные условия и вызовы реальности, подготовка сотрудников полиции должна отражать общество, в котором они служат. Традиционные методы профессиональной подготовки, используемые, например, многими европейскими полицейскими службами ранее, показали свое несовершенство. Стало очевидным, что методы работы полиции изменились, характер полицейской работы значительно расширился ввиду происходящих политических событий, а к результативности работы органов внутренних дел предъявляются особые, повышенные требования. В ответ полицейские службы пытаются улучшить подготовку и просвещение своих сотрудников.

Соглашаясь с Е. А. Никитской и И. Г. Евсевой в том, что «практика является ключевым компонентом профессиональной социализации будущих сотрудников полиции» [2, с. 28], и ставя в детерминанту принцип практической направленности образования, мы ведем речь о неразрывной связи теории и практики, служащей тем самым фундаментом, на котором строится профессионализм будущих сотрудников органов внутренних дел.

Анализ литературы свидетельствует о том, что эта тема не теряет своей актуальности на протяжении многих лет. В своих исследованиях А. Н. Алимов, О. В. Васильева, Ю. В. Ветров и другие указывают на целый ряд сложностей организационного, качественного и даже финансового характера, связанных с подготовкой и проведением учебной практики

[цит. по: 1]. Позволим себе, однако, не согласиться с С. Геллером (S. Geller, 2000), который утверждал, что «при подготовке (обучении) достаточно указать шаги, необходимые для выполнения конкретной задачи, но не более» [3] и вспомним А. А. Вербицкого, который предлагает идею знаково-контекстного обучения: «Для достижения целей формирования личности специалиста в вузе необходимо организовать такое обучение, которое обеспечивает переход, трансформацию одного типа деятельности (познавательной) в другой (профессиональной) с соответствующей сменой потребностей и мотивов, целей действий (поступков), средств, предметов и результатов» [4, с. 51].

Справедливость этих положений на примере курсантов образовательных организаций МВД России подтверждается в диссертационных работах И. И. Ивановой [5], Ч. М. Бурханова [6], Л. Т. Бородавко [7], И. В. Жулановой [8]. Однако, несмотря на то, что данные исследования внесли огромный вклад в повышение качества подготовки сотрудников полиции, современная литература вместе с тем еще не дает всеобъемлющего обзора подготовки сотрудников полиции во всех правоохранительных органах. Отсутствие анализа практик подготовки полицейских, в частности, может быть объяснено двумя причинами. Во-первых, почти каждое профильное учебное заведение организует частоту, продолжительность и содержание практической подготовки по-своему. Это связано со многими факторами:

наличие ресурсов, бюджета, а также конкретных потребностей региона. Во-вторых, социальные или ситуационные влияния, изменение политики (например, внедрение мер по борьбе с COVID-19) и технологические достижения (например, интеграция камеры наблюдения за телом, разработка обучения виртуальной реальности) могут потребовать конкретных корректировок в структуре и содержании практической подготовки. Таким образом, ландшафт необходимых факторов, влияющих на практику обучения и позволяющих сделать вывод о ее уникальности, разнообразен.

Эмпирический анализ

Остановимся на одном исследовании, проведенном на базе Нидерландского института по изучению преступности и правоохранительной деятельности и Нидерландского учебного центра криминалистики в г. Амстердаме для изучения текущего состояния подготовки полицейских в шести европейских правоохранительных органах [9]. Были проанализированы материалы, связанные с обучением, в частности рабочие программы по обучению и оценке, учебные планы занятий, протоколы. В общей сложности было проведено 21 интервью на учебных площадках в шести европейских правоохранительных организациях. Агентства были расположены в Нидерландах, Германии, Швеции, Румынии и Бельгии (таблица).

Профиль участников каждого учреждения
Table. Profile of participants of each institution

Организация (шифр организации)	Участники
LEA 1	Преподаватель-методист
LEA 2	Инструктор по рукопашному бою, стрельбе и тактической подготовке; Инструктор по обучению огнестрельному оружию; Инструктор по тактическим действиям, связанным с применением насилия и обучению обращения с огнестрельным оружием
LEA 3	Командир оружейного подразделения по работе с координационными учебными задачами; Инструктор по огнестрельному оружию и снаряжению
LEA 4	Инструктор и патрульный офицер; Инструкторы по повышению квалификации сотрудников
LEA 5	Инструктор персонала службы безопасности (с организационными задачами); Инструктор связи и военный инструктор; Инструктор по тактике, обучению обращению с огнестрельным оружием, оказанию первой помощи, а также офицер связи и пограничного патруля
LEA 6	Инструктор по самообороне; Руководитель группы квалификации инструкторов по оперативной подготовке

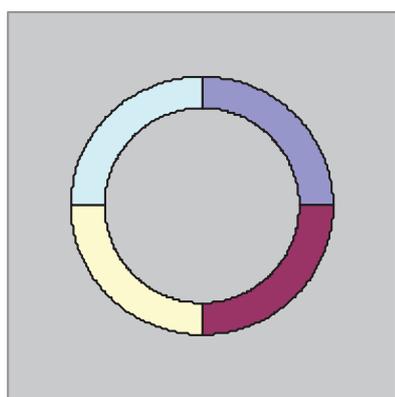

В целях соблюдения соглашений о конфиденциальности с правоохранительными органами участники и их соответствующие организации анонимизированы.

Согласно полученным данным обучение сотрудников полиции организовано в два отдельных этапа: формирование у курсантов базовых компетенций в полицейской академии и непрерывное профессиональное развитие офицеров. В вузах, в которых были проведены собеседования, базовое образование курсантов составляет от одного до трех с половиной лет в зависимости от требований служб и состоит из полу-

чения теоретических знаний, практических знаний и прохождения практики на службе.

В общей сложности неоднородность учебных программ, наличие ресурсов для обучения было центральной темой для преподавателей (инструкторов) и наставников: особенно (ограниченное) наличие самих высококвалифицированных специалистов, а также учебных помещений, мест проведения обучения и времени обучения. Для педагогического состава недостаток этих ресурсов напрямую влияет на качество обучения, а также на объем знаний и навыков, которым они могут научить курсантов и слушателей (рис. 1).

- Неоднородность учебных программ
- Недостаток высококвалифицированных специалистов
- Методическое обеспечение
- Материально-техническое оснащение (локально)

Рис. 1. Данные проведенного зарубежного исследования (цвет онлайн)

Fig. 1. Foreign research data (color online)

Для обеспечения необходимого профессионального опыта в безопасной практической обстановке преподаватели активно используют прием моделирования ситуаций в рамках практической деятельности и стажировке. Отметим важный, с нашей точки зрения, момент, связанный с регулярно проводимыми в опрошенных полицейских организациях тренингами во время стажировки, а также встречи с людьми для предоставления реалистичных ситуаций с целью обучения определенным навыкам и конкретным действиям. Например, многочисленные встречи полиции с людьми с психическими заболеваниями показали, что обучающиеся испытывали трудности с распознаванием людей с психическими заболеваниями, обращением к ним и взаимодействием с ними. Однако данный опыт необходим. В процесс стажировки вовлечены три участника – стажер, представитель учебного заведения, куратор-наставник в принимающем полицейском объединении. Последний участник крайне заинтересован в успешности прохождения стажером всех «испытаний». Проведя некую параллель

с российской системой, можно отметить, что методика ролевых игр и ситуационно-имитационных упражнений во время практической деятельности также получила распространение. Однако во время учебной практики, которая по своему содержанию близка к стажировке, выявляется ряд недостатков и противоречий. Как показывает опрос, данный вид практики не дает никаких результатов, поскольку сотрудникам полиции необходимо овладеть практически навыками их будущей деятельности, без которых большая часть работы носит непрофильный характер и сводится лишь к формальному заполнению документов, а возможность проявить личностные качества отсутствует. С целью подтверждения данной гипотезы было проведено анкетирование прошедших учебную ознакомительную практику курсантов Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, в котором приняли участие 52 чел. (рис. 2).

Можно предположить, что ни образовательная организация, ни заказчик кадров не имеют выраженной мотивации в поставленных

Рис. 2. Данные проведенного исследования курсантов после прохождения учебной ознакомительной практики (цвет онлайн)

Fig. 2. The data of the conducted research of the cadets after the educational introductory practice (color online)

условиях. Система кураторства на практике крайне несовершенна, в связи с чем курсанты оказываются «брошенными», а результатами «данной деятельности» становятся заполнение необходимых формуляров, карточек, работа в библиотеке и подготовка отчетов по практике. Таким образом, можно выделить следующие организационные недостатки, решение которых, на наш взгляд, является одной из приоритетных задач:

необходимость доработки методического обеспечения и программных документов всех категорий участников учебной ознакомительной практики;

отсутствие разработанной методики индивидуального сопровождения обучающихся на основе практико-ориентированного подхода, концепции морально-психологической поддержки, вследствие чего мотивация курсантов к профессиональному росту падает и начинается процесс стагнации;

формальный подход со стороны руководства принимающей стороны в части организации самого процесса практики, а также формальная оценка его результативности;

осуществление академического консультирования и индивидуальной супервизии будущих специалистов ОВД на всех этапах практик.

Очевидно, необходимо решать вопросы между субъектами данных отношений на более высоком качественном уровне, используя не только традиционные дидактические подходы, но и выстраивая эти отношения, учитывая потребности самих обучающихся – сотрудников полиции. Таким образом, мы говорим о построении стратегически нового социального партнерства.

Заключение

На основании проведенных исследований и изучения современного опыта выявлены ключевые проблемы практической подготовки и ее проведения как компонента профессиональной подготовки сотрудников полиции, предложен вариативный подход к организации практики.

В методологическом плане приведенные выводы могут использоваться для разработки комплексной модели организации практик, основанной на принципах интеграции, согласованности и единства руководства, индивидуализации и поэтапного рефлексивного анализа, в которой будут отражены содержание, формы и механизмы поэтапного установления и развития упорядоченного и согласованного взаимодействия субъектов процесса профессиональной подготовки будущих специалистов правоохранительных органов.

Список литературы

1. Пашоликов М. С. Ключевые проблемы организации учебной практики в процессе профессиональной подготовки будущих менеджеров в вузе // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/07PDMN320.pdf> (дата обращения: 18.02.2019).
2. Никитская Е. А., Евсеева И. Г. Практика как ключевой компонент профессиональной социализации будущих сотрудников полиции. М. : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2022. 236 с.
3. Perspectives of police science in Europe: Final Report. Project Group on a European Approach to Police Science (PGEAPS). - European Police College (CEPOL), 2007. URL: <https://www.academia.edu/85347275/>

Perspectives_of_police_science_in_Europe_final_report (дата обращения: 18.02.2019).

4. *Вербицкий А. А.* Активное обучение в высшей школе: контекстный подход: методическое пособие. М.: Высшая школа, 1991. 207 с.
5. *Иванова И. И.* Формирование профессионального самосознания курсантов в вузах МВД России: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2001. 190 с.
6. *Бурханова И. Ю.* Формирование метапредметной компетентности магистрантов в условиях практики: дис. ... канд. пед. наук. М., 2018. 178 с.
7. *Бородавко Л. Т.* Профессиональное воспитание сотрудников правоохранительных органов в вузах МВД России: дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2005. 300 с.
8. *Жуланова И. В.* Проблема организации практико-ориентированного обучения в вузе // Практика – путь к профессионализму: партнерство университетов и социальных учреждений в практическом обучении социальных работников: материалы Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 29–30 ноября 2004 г.). Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2005. С. 160–166.
9. *Kleygrewe L., Oudejans R., Koedijk M., Hutter R.* Police Training in Practice: Organization and Delivery According to European Law Enforcement Agencies // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 12–2021. P. 72.
- of Professional Socialization of Future Police Officers]. Moscow, Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. Y. Kikot Publ., 2022. 236 p. (in Russian).
3. *Perspectives of police science in Europe: Final Report. Project Group on a European Approach to Police Science (PGEAPS). European Police College (CEPOL), 2007.* Available at: https://www.academia.edu/85347275/Perspectives_of_police_science_in_Europe_final_report (accessed 18 February 2019) (in Russian).
4. *Verbitskiy A. A. Aktivnoye obucheniye v vysshey shkole: kontekstnyy podkhod* [Active Learning in Higher Education: A Contextual Approach]. Moscow, Vysshaya shkola, 1991. 207 p. (in Russian).
5. *Ivanova I. I. Formation of professional self-awareness of cadets in universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* Diss. Cand. Sci. (Ped.). St. Petersburg, 2001. 190 p. (in Russian).
6. *Burkhanova I. Yu. Formation of meta-subject competence of undergraduates in practice conditions.* Diss. Cand. Sci. (Ped.). Moscow, 2018. 178 p. (in Russian).
7. *Borodavko L. T. Professional education of law enforcement officers in universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* Diss. Dr. Sci. (Ped.). St. Petersburg, 2005. 300 p. (in Russian).
8. *Zhulanova I. V.* The problem of organizing practice-oriented education at the university. In: *Praktika – put' k professionalizmu: partnerstvo universitetov i sotsial'nykh uchrezhdenij v prakticheskom obuchenii sotsial'nykh rabotnikov* [Practice is the path to professionalism: partnership of universities and social institutions in practical training of social workers. Proceedings of the international scientific and practical conference (Ekaterinburg, November 29–30, 2004)]. Ekaterinburg, Ural'skiy gosudarstvennyi universitet Publ., 2005, pp. 160–166 (in Russian).
9. *Kleygrewe L., Oudejans R., Koyedijk M., Hutter R.* Police Training in Practice: Organization and Delivery According to European Law Enforcement Agencies. *Frontiers in Psychology*, 2022, vol. 12–2021, pp. 72 (in Russian).

References

1. *Pasholikhov M. S.* Key problems of the organization of educational practice in the process of professional training of future managers at the university. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* (World of Science. Pedagogy and Psychology), 2020, no. 3. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/07PDMN320.pdf> (accessed 18 February 2019) (in Russian).
2. *Nikitskaya E. A., Evseeva I. G.* *Praktika kak klyuchevoj komponent professional'noj sotsializatsii budushchikh sotrudnikov politsii* [Practice as a Key Component

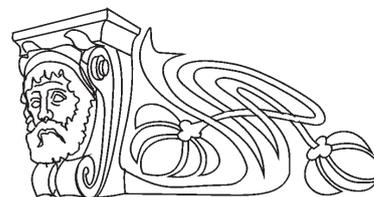
Поступила в редакцию 29.01.2023; одобрена после рецензирования 22.04.2023; принята к публикации 09.06.2023
The article was submitted 29.01.2023; approved after reviewing 22.04.2023; accepted for publication 09.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 349–353
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 349–353
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-349-353>, EDN: SNODFM

Научная статья
УДК 378.1

Аспекты становления профессиональной культуры будущего руководителя образовательной организации

А. С. Большакова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Большакова Алина Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения, alinabolshakova15@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4639-4012>

Аннотация. Введение. Изучение проблемы становления профессиональной культуры будущего руководителя образовательной организации актуально и связано с потребностью в руководителе как носителе профессиональной культуры, готовом и способном продуктивно решать управленческие профессиональные задачи согласно предъявляемым запросам и вызовам в современной системе образования. **Теоретический анализ.** Рассмотрены аспекты процесса исследуемого становления с различных позиций, каждая из которых акцентирует внимание на его отдельно взятой стороне. Рассматриваемая проблема актуализирована согласно проведенному анализу исследований, посвященных изучению профессиональной культуры, свидетельствующих о том, что высокий уровень ее развития у руководителя выступает гарантом эффективности не только его собственной управленческой деятельности, но и деятельности и функционирования всей образовательной организации. Осуществлен поиск различных сторон понимания процесса становления и предложено его рассмотрение с позиции синергетического подхода, взаимодействия общей и профессиональной культур, присутствия творчества в управленческой деятельности, формирования профессиональной компетентности руководителя. **Заключение.** Описаны аспекты становления, необходимые руководителю образовательной организации для эффективного развития его профессиональной культуры.

Ключевые слова: становление профессиональной культуры, руководитель, образовательная организация, аспекты, эффективность

Для цитирования: Большакова А. С. Аспекты становления профессиональной культуры будущего руководителя образовательной организации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 349–353. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-349-353>, EDN: SNODFM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Aspects of professional culture development for future head of an educational organization

A. S. Bolshakova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alina S. Bolshakova, alinabolshakova15@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4639-4012>

Abstract. Introduction. The study of professional culture development for future head of an educational organization is relevant and associated with the need for an organization leader to act as a carrier of professional culture, who is willing and able to productively solve managerial professional tasks in accordance with the demands and challenges of the modern educational system. **Theoretical analysis.** The article views several aspects of the process of professional culture development of the future head of an educational organization from various positions, each of which focuses on its individual aspect and reveals its understanding. The problem under study has been modernized based on the analysis of studies devoted to professional culture and its formation, indicating that high level of its development in the leader acts as a guarantor of effectiveness of not only his/her own managerial activities, but also the activities and functioning of the entire educational organization. Within the framework of the study we searched for different aspects concerning understanding of the process of professional culture development in a future leader of an educational organization using the synergistic approach, interaction of general and professional cultures, presence of creativity in managerial activities, and formation of professional competence of an educational organization head. **Conclusion.** The development aspects described in the article are necessary for the head of an educational organization for effective formation of his/her professional culture.

Keywords: development of professional culture, head, educational organization, aspects, effectiveness

For citation: Bolshakova A. S. Aspects of professional culture development for future head of an educational organization. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 349–353 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-349-353>, EDN: SNODFM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Современные образовательные организации испытывают потребность в руководителе с высоким уровнем развития профессиональной культуры, готового и способного эффективно решать управленческие профессиональные задачи, обусловленные сложными и динамичными ситуациями в стране и в системе образования.

В психолого-педагогической литературе в работах Н. А. Бодневой [1], А. В. Морозова [2], В. В. Тарасенко [3], Е. Ю. Шпаковской [4] и других личности руководителя организации и его развитию придается важное значение. Признание авторами А. А. Гребенниковой [5], Л. Н. Максимовой [6], О. Г. Скворцовой [7] необходимости исследований, касающихся становления профессиональной культуры личности, привлекают все большее внимание. А. Н. Спицин [8], Н. А. Сырейщикова [9] конкретизируют становление обозначенной культуры у руководителя современной образовательной организации. В работах Н. В. Новиковой [10], Е. М. Огурцовой [11], М. В. Фалей [12] освещаются вопросы управленческой культуры руководителя образовательной организации, непосредственно связанные с его профессиональной культурой. А. М. Борлаков предлагает управленческую культуру рассматривать как слагаемое профессиональной культуры [13]. Это позволяет говорить об актуальности и своевременности изучения данного процесса.

Теоретический анализ

В изучении становления профессиональной культуры будущего руководителя образовательной организации мы опираемся на содержание понятия «становление» как возникновение или образования кого-либо или чего-либо в процессе развития. В связи с этим становление можно рассматривать как возникновение, образование чего-нибудь в культурном плане у развивающейся личности руководителя во время выполнения им профессиональной деятельности. Появляющиеся культурные образования и(или) новообразования возможно объяснить, исходя из рассмотренных Д. А. Ерохиным [14], О. В. Павловой [15] теоретико-методологических аспектов профессиональной культуры, И. Л. Лаптевой [16] закономерностей, структуры, функций и принципов плодотворного развития профессиональной культуры руководителей. Такое понимание сути становления позволит перейти к представлению различных его аспектов.

Первый аспект. Г. Хакен объясняет становление с позиции синергетического подхода как процесс самопорождения из хаоса параметров порядка, посредством которого реализуется эволюционный ценностный отбор, рождение, упаковка и сжатие информации [17].

И. Д. Чечель в системе управления руководителем образовательной организации предметом и продуктом его труда выделяет информацию, объем которой в последнее время возрастает [18]. Информацию необходимо не только принять, но и обработать, в результате чего будет принято определенное решение, которое станет руководством для осуществления конкретных действий. Процесс становления профессиональной культуры руководителя подразумевает появление взвешенных, выверенных и последовательных решений с привлечением его потенциала.

Выработка решения руководителем обусловлена ценностным отбором, основанным, во-первых, на ориентациях личности, выражающих ее предпочтения и стремления в отношении общечеловеческих ценностей с учетом особенностей управленческой деятельности в сфере образования; во-вторых, на системе нравственных убеждений, базирующихся на потребностях личности, направляющих ее на действия согласно наличествующим у нее ценностным ориентациям. В связи с этим можно сказать, что возникшее на определенном жизненном этапе личности руководителя профессиональное становление постоянно перестраивается в зависимости от требующих решения задач, а в процессе жизнедеятельности продолжается формирование обозначенных ценностей, жизненные периоды выстраиваются согласно решаемым ею профессиональным задачам, а может случиться и так, что профессионализация будет поглощать всю жизнь.

Второй аспект представлен как освоение руководителем – носителем профессиональной культуры – культуры общей. В процессе индивидуального развития личности руководителя происходит дальнейшее формирование его общей культуры, которое с приходом в профессиональную среду ложится в основу становления его профессиональной культуры. С этой позиции приращение общей культуры руководителя образовательной организации отразится и на повышении уровня его профессиональной культуры, выступающей, как считает Е. Ю. Токарчук [19], подсистемой общей культуры. С освоением личностью руководителя конкретного профессионального труда происходит освоение культурных типов, ценностей,

подходов, оценок, взглядов, концепций и т.д., характерных для его управленческой деятельности. Становление профессиональной культуры руководителя фактически реализуется всю жизнь.

Третий аспект становления профессиональной культуры руководителя образовательной организации отражает наличие (отсутствие) творчества в его управленческой деятельности, которое, по мнению А. А. Турушева, служит необходимым условием деятельности руководителя, способствуя эффективному воплощению его идей и планов [20]. В. А. Курина считает творчество важной составляющей в формировании профессионально-педагогической культуры [21]. Внешним условием для проявления творчества в работе руководителя выступают профессиональные задачи, которые необходимо решать, а внутренним – его личностные качества. Процесс становления – это не пассивный, а активный процесс перестраивания в зависимости от обозначенных профессиональных задач, предполагающий две стадии. Первая стадия связана с приспособлением руководителя к управленческой деятельности, а вторая – с использованием творчества в ней. Во втором случае меняются детерминанты развития личности в сторону ее творческого начала, использования ее творческого потенциала.

Четвертый аспект связан с профессиональной компетентностью руководителя, ее формированием. О. Г. Скворцова представляет данный процесс как освоение личностью последовательных стадий, начиная с безотчетной (неосознанной) некомпетентности и заканчивая добросовестной (осмысленной) компетентностью, проходя через осмысленную или разумную компетентность и безотчетную компетентность [7]. Последняя стадия характеризуется автором наличием высокого уровня имеющихся знаний, умений, компетенций и опыта в освоении профессионалом-управленцем профессиональной компетентности. Такое поэтапное формирование профессиональной компетентности происходит в идеале. В педагогической реальности руководителю приходится решать самые разнообразные задачи «здесь» и «сейчас» и все сразу.

Заключение

На основании современных запросов и вызовов определены актуальность и своевременность изучения аспектов процесса становления профессиональной культуры будущего руководителя образовательной организации и необ-

ходимость теоретических изысканий в данном направлении. Его профессиональная культура представляет собой постоянно развивающийся процесс и выступает в качестве показателя в оценке состояния его управленческой деятельности. Это означает, что изменения в развитии профессиональной культуры руководителя будут положительным образом отражаться как на его личностном профессиональном росте, так и на функционировании образовательной организации.

Становление профессиональной культуры будущего руководителя образовательной организации знакомит нас с различными аспектами его представления и рассматривается с позиции синергетического подхода как результат освоения руководителем общей культуры, наличие творчества в его управленческой деятельности, сформированной у него профессиональной компетентности.

Список литературы

1. Боднева Н. А., Милованова Е. С. Управление карьерой персонала образовательной организации // Перспективы науки. 2022. № 2 (149). С. 142–146.
2. Морозов А. В. Профессиональный стандарт директора школы как индикатор управленческой компетентности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8, вып. 3 (31). С. 203–209. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-3-203-209>
3. Тарасенко В. В. Управление карьерой управленческого персонала образовательной организации: современные проблемы и возможности решения // Вестник университета. 2019. № 9. С. 26–32. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-9-26-32>
4. Шпаковская Е. Ю., Токарь О. В., Гасанова Р. Р., Худякова Т. Л., Степанова О. П., Арпентьева М. Р. Карьерное и профессиональное развитие руководителя организации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6, № 4. С. 482–495. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-482-495>
5. Гребенникова А. А., Масляков В. В., Осипова И. Н. Некоторые аспекты формирования профессиональной культуры государственных и муниципальных служащих // Журнал прикладных исследований. 2022. № 3-2. С.100–108. <https://doi.org/10.47576/2712-7516-2022-3-2-100>
6. Максимова Л. Н. Трансформация современной профессиональной культуры в современном российском обществе. Саратов : Вузовское образование, 2020. 315 с.
7. Скворцова О. Г. Профессиональная культура преподавателя вуза: управленческий аспект : дис. ... канд. социол. наук. Новосибирск, 2003. 178 с.

8. Спицин А. И. Профессиональное становление руководителя развивающейся организации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 3. С. 464–466.
9. Сырейщикова Н. А., Казаченок Ю. В. Разновидности профессиональной культуры менеджера // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2022. Т. 2, № 2 (37). С. 32–34.
10. Новикова Н. В. Изучение сформированности управленческой культуры руководителей дошкольных образовательных организаций // Педагогическое образование в России. 2022. № 3. С. 42–51.
11. Огурцова Е. М. Управленческая культура как фактор развития образовательной организации. – Текст электронный // Педагогические науки. 2019. № 20. URL: <http://novaum.ru/public/p1470> (дата обращения: 10.06.2023).
12. Фалей М. В. Управленческая культура современного руководителя образовательного учреждения // Современное педагогическое образование. 2020. № 12. С. 70–73.
13. Борлаков А. М. Управленческая культура как слагаемая профессиональной культуры // Современные тенденции в науке и образовании: сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции (27 января 2017 г., г. Москва). М.: Олимп, 2017. С. 232–234.
14. Ерохин Д. А. Теоретико-методологические аспекты исследования проблемы профессиональной культуры // Вестник Ставропольского государственного университета. 2009. № 1. С. 167–174.
15. Павлова О. В. Формирование профессионально-этической культуры студентов вузов: дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2020. 201 с.
16. Лаптева И. Л. Психологическая концепция развития профессиональной культуры субъекта труда: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2013. 50 с.
17. Хакен Г. Синергетика как мост между естественными и социальными науками // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. М.: Прогресс, 2003. С. 106–123.
18. Чечель И. Д. Профессиональное развитие руководителей профессионального учреждения // Управление образованием: теория и практика. 2013. № 1 (9). С. 54–65.
19. Токарчук Е. Ю. Профессиональная культура как подсистема общей при формировании проектно-конструкторской культуры будущих мастеров производственного обучения // Педагогический эксперимент: подходы и проблемы. 2020. № 6. С. 96–103.
20. Турушев А. А. О творческих аспектах управленческой деятельности руководителя // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2001. № 2 (16). С. 40–43.
21. Курина В. А. Творчество в формировании профессионально-педагогической культуры // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2008. № 1 (9). С. 56–59.

References

1. Bodneva N. A., Milovanova E. S. Educational organization personnel's career management. *Perspektivy Nauki* [Science Prospects], 2022, no. 2 (149), pp. 142–146 (in Russian).
2. Morozov A. V. Professional standard of a school principal as an indicator of managerial competence. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2019, vol. 8, iss. 3 (31), pp. 203–209 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-3-203-209>
3. Tarasenko V. V. Career management for managerial personnel of an educational organization: Modern problems and solutions. *Vestnik universiteta* [Vestnik Universiteta], 2019, no. 9, pp. 26–32 (in Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-9-26-32>
4. Shpakovskaya E. Yu., Tokar O. V., Gasanova R. R., Hudyakova T. L., Stepanova O. P., Arpenteva M. R. Career and personal development of organization leader. *Vestnik Kemerovskogo Gosudarsvennogo Universiteta. Seriya: Politicheskkiye, sotsiologicheskkiye i ekonomicheskkiye nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences], 2021, vol. 6, no. 4, pp. 482–495 (in Russian). <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-482-495>
5. Grebennikova A. A., Maslyakov V. V., Osipova I. N. Some aspects of professional culture development in state and municipal workers. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy* [Journal of Applied Research], 2022, no. 3-2, pp. 100–108 (in Russian). <https://doi.org/10.47576/2712-7516-2022-3-2-100>
6. Maksimova L. N. *Transformatsiy sovremennoy professionalnoy kultury v sovremennom rossiyskom obshchestve* [Transformation of Modern Professional Culture in the Modern Russian Society]. Saratov, Vuzovkoye Obrazovaniye, 2020. 315 p. (in Russian).
7. Skvortsova O. G. *Professional Culture of a University Professor: Managerial Aspect*. Diss. Cand. Sci. (Sociol.). Novosibirsk, 2003. 178 p. (in Russian).
8. Spitsin A. I. Professional development of the head of developing organization. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences], 2008, no. 3, pp. 464–466 (in Russian).
9. Syreishchikova N. A., Kazachenok Yu. V. Various managerial professional cultures. *Vestnik soveta molodykh uchenykh i spetsialistov Chelyabinskoy oblasti* [Herald of the council of the young scientists and specialists of Chelyabinsk oblast], 2022, vol. 2, no. 2 (37), pp. 32–34 (in Russian).
10. Novikova N. V. Study of the development of managerial culture in heads of preschool educational organizations. *Pedagogicheskoe obrazovaniye v Rossii* [Pedagogical Education in Russia], 2022, no. 3, pp. 42–51 (in Russian).
11. Ogurtsova E. M. Managerial culture as an educational organization's development factor. *Pedagogicheskie*

- nauki* [Pedagogical Sciences], 2019, no. 20. Available at: <http://novaum.ru/public/p1470> (accessed 10 June 2023) (in Russian).
12. Falei M. V. Managerial culture of a modern head of an educational institution. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern Pedagogical Education], 2020, no. 12, pp. 70–73 (in Russian).
 13. Borlakov A. M. Managerial culture as a professional culture component. In: *Sovremennye tendentsii v nauke i obrazovanii: sbornik materialov XVIII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Modern Tendencies in Science and Education: Collection of Materials of the XVIII International Scientific and Practical Conference (January 27, 2017, Moscow)]. Moscow, OLIMP, 2017, pp. 232–234 (in Russian).
 14. Erokhin D. A. Theoretical and methodological aspects of professional culture study. *Vestnik Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Stavropol State University], 2009, no. 1, pp. 167–174 (in Russian).
 15. Pavlova O. V. *Development of Professional and Ethical Culture of University Students*. Diss. Cand. Sci. (Ped.). Saratov, 2020. 201 p. (in Russian).
 16. Lapteva I. L. *Psychological Concept of Subject's Professional Culture Development*. Diss. Dr. Sci. (Psychol.). Moscow, 2013. 50 p. (in Russian).
 17. Khaken G. Synergetics as a bridge between natural and social sciences. In: *Sinergeticheskaya paradigma. Chelovek i obshchestvo v usloviyakh nestabilnosti* [Synergetic Paradigm. Person and Society under Conditions of Instability]. Moscow, Progress, 2003, pp. 106–123 (in Russian).
 18. Chechel I. D. Professional development of professional institutions' heads. *Upravlenie obtazovaniem: teoriya i praktika* [Education Management Review], 2013, no. 1 (9), pp. 54–65.
 19. Tokarchuk E. Yu. Professional culture as a subsystem of general culture during formation of design culture of future industrial training specialists. *Pedagogicheskiy eksperiment: podkhody i problemy* [Pedagogical Experiment: Approaches and Problems], 2020, no. 6, pp. 96–103.
 20. Turushev A. A. On creative aspects of managerial activity. *Psikhopedagogika v pravoookhranitelnykh organakh* [Psychopedagogy in Law Enforcement], 2001, no. 2 (16), pp. 40–43 (in Russian).
 21. Kurina V. A. Creativity in professional and pedagogical culture formation. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Psikhologo-Pedagogicheskie nauki* [Vestnik of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences], 2008, no. 1 (9), pp. 56–59 (in Russian).

Поступила в редакцию 15.03.2023; одобрена после рецензирования 05.04.2023; принята к публикации 09.06.2023
The article was submitted 15.03.2023; approved after reviewing 05.04.2023; accepted for publication 09.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 354–358

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 354–358

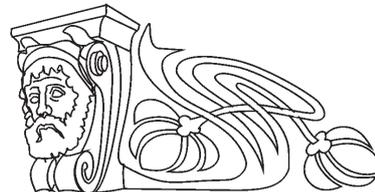
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-354-358>, EDN: SDFNHF

Научная статья

УДК 81.139

Изучение русского языка как иностранного в техническом вузе в аспекте культурно-ориентированного подхода

И. В. Михайлова

Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет, Россия, 690087, г. Владивосток, ул. Луговая, д. 52Б
Михайлова Ирина Викторовна, старший преподаватель кафедры «Русский и иностранные языки», irina019730@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7531-6173>

Аннотация. Введение. В статье рассматривается вопрос изучения русского языка как иностранного в техническом вузе в аспекте культурно-ориентированного подхода. **Теоретический анализ** материала по данной проблеме позволяет отметить актуальность данного исследования и сформулировать вывод о необходимости использования культурно-ориентированного подхода в техническом вузе, благодаря которому иностранцы могут быть адаптированы к иноязычной социокультурной среде. Выделяется ряд проблем, препятствующих эффективному усвоению русского языка. **Эмпирический анализ**, основанный на методах практического наблюдения и сравнения уровня языковой подготовки иностранных студентов, позволяет обозначить условия успешного обучения иностранных студентов в российских университетах и некоторые трудности, преодоление которых помогает стимулировать процесс обучения. Определяется особая роль преподавателя русского языка как иностранного. В качестве иллюстративного примера приводится краткое описание подготовки практического занятия-экскурсии, позволяющего иностранным студентам погрузиться в иноязычную культуру. В **заключении** делается вывод, согласно которому культурно-ориентированный подход является одним из основных при обучении иностранных учащихся русскому языку, так как он формирует у них уважение к иноязычной культуре и способствует всестороннему развитию личности. **Ключевые слова:** русский язык как иностранный, культурно-ориентированное обучение, эффективность обучения, процесс обучения, социокультурная адаптация, иноязычная культура

Для цитирования: Михайлова И. В. Изучение русского языка как иностранного в техническом вузе в аспекте культурно-ориентированного подхода // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 354–358. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-354-358>, EDN: SDFNHF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Studying Russian as a foreign language at a technical university in the aspect of a culturally-oriented approach

I. V. Mikhailova

Far Eastern State Technical Fisheries University, 52B Lugovaya St., Vladivostok 690087, Russia

Irina V. Mikhailova, irina019730@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7531-6173>

Abstract. Introduction. The article deals with the issue of studying the Russian language as a foreign language in a technical university in the aspect of a culturally oriented campaign. **Theoretical analysis** of the material on this issue allows us to note the relevance of this study and formulate a conclusion about the need to use a culturally oriented approach in a technical university, thanks to which foreigners can be adapted to a foreign-language socio-cultural environment. A number of problems are identified that impede the effective assimilation of the Russian language. **Empirical analysis**, based on the methods of practical observation and comparison of the level of foreign students' language skills, allows us to identify the conditions for successful education of foreign students in Russian universities and some "difficulties", overcoming which helps stimulate the learning process. The special role of the teacher of Russian as a foreign language is determined. As an illustrative example, a brief description of the preparation of a practical excursion is given, which allows foreign students to immerse themselves in a foreign culture. **In conclusion** it is concluded that a culturally oriented approach is one of the main ones in teaching foreign students the Russian language, as it forms foreigners' respect for a foreign culture and contributes to the comprehensive development of the individual.

Keywords: Russian as a foreign language, culturally oriented teaching, learning effectiveness, learning process, sociocultural adaptation, foreign language culture

For citation: Mikhailova I. V. Studying Russian as a foreign language at a technical university in the aspect of a culturally-oriented approach. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 354–358 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-354-358>, EDN: SDFNHF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В настоящее время, невзирая на сложности политической ситуации и трудности, связанные с изучением русского языка как иностранного в целом, международное образование в России продолжает развиваться. Количество иностранных граждан, получающих образование в России, достаточно велико. Так как мы говорим о Дальневосточном регионе, приоритет в изучении русского языка по-прежнему принадлежит студентам из Китая. Здесь традиционно востребованными являются вузы, в которых студенты получают экономические и инженерно-технические специальности. К таким вузам относится Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет.

Изучение русского языка для китайских студентов в стенах технического вуза не является основной целью. Главная их задача – это получить диплом российского университета, стать специалистом в области экономики, при этом иметь неплохой уровень знания русского языка, что может повысить их уровень востребованности и конкурентоспособность на рынке труда в Китае. Более того, многие студенты хотели бы развивать свой бизнес в России.

Немаловажно, что условия для того, чтобы обучение в российском университете было успешным, должны быть созданы сразу, как только студенты приступят к занятиям. Одним из важных условий является понимание иностранными студентами цели обучения в российском вузе – это изучение разных учебных дисциплин на иностранном, а именно русском языке. В дальнейшем все занятия по специальным дисциплинам будут проходить на русском языке. От того, насколько хорошо иностранные студенты овладеют русским языком, будут зависеть качество и эффективность всего курса обучения в России.

Обучение иностранцев в ФГБОУ ВО «Дальрыбвтуз» начинается с предвузовского этапа. Это достаточно короткий, но интенсивный курс, который продолжается 4 месяца. На этом этапе студенты должны усвоить русский язык на уровне базового (А-2) либо первого сертификационного уровня (В-1). Однако на практике такого уровня достигают далеко не все студенты и это объясняется целым рядом причин.

Первая причина – ограниченность по времени: за такой короткий период, даже с максимально возможным количеством учебных часов, усвоить русский язык на необходимом уровне для продолжения дальнейшего обучения в

российском вузе наряду с русскими студентами представляется весьма затруднительным. Вторая важная причина – несоответствие китайских и российских учебных программ. Системы образования в китайских и российских университетах сильно разнятся, что проявляется как в самих формах, методах обучения, так и в том, что студенты из Китая привыкли работать в очень больших коллективах и группы по 15–18 чел. (а иногда и по 10–12) кажутся им часто некомфортными, когда студент на «виду», и преподаватель имеет возможность частого личного взаимодействия с ним и его непосредственного контроля. Кроме того, преподавателю приходится на уроках русского языка преодолевать определенные языковой и психологический барьеры, которые связаны с тем, что учащиеся из Китая привыкли получать и развивать свои знания в письменной форме и все другие формы взаимодействия на занятиях для них новы и непонятны.

Помимо отмеченных, многие студенты считают основной причиной сложности в обучении языковую систему русского языка. Это объясняется тем, что лингвистическая система китайского языка не имеет общих черт с русской. Данное несоответствие проявляется на всех уровнях языковой структуры, начиная от фонетического и заканчивая лексико-синтаксическим. Если студенты из европейских стран могут найти общие точки соприкосновения их родного и русского языка, что упрощает понимание, то в случае с китайским языком такое сходство отсутствует. Для студентов из КНР русский язык – совершенно иная новая языковая система, понять и усвоить которую чрезвычайно сложно для них, что само по себе предполагает определенные трудности.

Итак, для того чтобы иностранцы могли освоить русский язык на достаточном для дальнейшего обучения в российском техническом вузе уровне, требуется наличие определенных условий и факторов. К одному из таких условий относится адаптация иностранных студентов в культурной и социальной среде страны изучаемого языка.

Теоретический анализ

Вопросу социокультурной адаптации посвящено немало работ разных лингвистов и психологов. Так, например, А. А. Леонтьев считает, что «на уроке языка мы призваны построить у учащихся новый образ мира или внести необходимые исправления в старый»

[1, с. 11]. О. Ф. Худобина пишет, что «трудности, связанные с процессом социокультурной адаптации, могут снижать эффективность освоения русского языка и обучения в целом» [2, с. 99]. Т. К. Фомина и Н. В. Гончаренко отмечают, что «трудности вызывает незнание норм поведения в инонациональной среде» [3, с. 69]. Помимо этого, О. Ф. Худобина указывает на проблемы, возникающие при обучении, при «наличии языковой и этнокультурной дистанций» [4, с. 102]. Т. К. Фомина также считает «если стимулом обучения являются профессиональные мотивы, то тормозом выступают социокультурные» [5, с. 22].

Разделяя мнение О. Ф. Худобиной, можно сказать, что «успешность процесса лингвистической и социокультурной адаптации» [2, с. 99] во многом определяет результативность обучения студентов-иностранцев. Исходя из этого, вслед за А. Ларионовой и С. Б. Калашниковой в качестве главных задач учебного курса русского языка выделим «развитие личности иностранного студента и адаптацию к иноязычной социокультурной среде» [6, с. 258; 7, с. 3].

Студенты-иностранцы, попадая в России в совершенно новую для них обстановку, не понимая русский язык, культуру России, менталитет русских людей, испытывают не только проблемы в общении, но и находятся в состоянии стресса и коммуникативной изоляции. Чтобы преодолеть эти трудности, студентам необходимо познакомиться с новой для них русской культурой, и это становится первоочередной задачей. В данном случае преподаватель русского языка как иностранного (далее – РКИ) должен стать для иностранных студентов «проводником» в другую новую для них иноязычную и культурную среду.

Эмпирический анализ

Основываясь на методах практического наблюдения, а также сравнения языкового уровня различных групп иностранных студентов, изучающих русский язык в разных условиях обучения, обозначим, что в процессе совместной работы преподавателя и студентов как в учебное время, так и во время внеурочной деятельности, выстраивается языковая и национально-культурная система знаний, позволяющая студенту понять «жизнь России» и тем самым способствующая эффективному изучению русского языка.

В связи с этим на занятиях студентам должны предоставляться материалы, знакомящие их с культурно-историческим наследием России, ее традициями и этикетом. В то же время ино-

странные учащиеся должны иметь возможность работать с национально-специфическим материалом, который позволяет провести сравнения и выстроить аналогии, помогающие им лучше разобраться в какой-либо сфере или области знаний.

Бесспорно, преподаватель русского языка обладает гораздо большими возможностями для того, чтобы познакомить студентов с «российской действительностью», нежели любой другой преподаватель-предметник, ограниченный узкоспециальной научной сферой. Материал для урока может привлекаться самый разнообразный, например, исторические тексты, повествования о событиях, крупнейших ученых, деятелях науки и культуры, обрядах, правилах поведения в обществе и т. д. Преподаватель русского языка не ограничен в формах и методах проведения урока (это могут быть уроки-презентации, дискуссии, экскурсии, инсценировки, ролевые игры и т. д.). Кроме того, преподаватель РКИ может в полной мере использовать интерактивные технологии, вследствие этого ему отводится в процессе обучения особая роль: развивать языковую компетенцию иностранных студентов через изучение русской культуры.

Следовательно, культурно-ориентированный поход должен занимать одну из основных позиций при обучении иностранцев. Этот вопрос рассматривался многими исследователями, но он по-прежнему остается актуальным. В частности, Т. К. Фомина и О. Ф. Худобина выделили важнейшие психологические и социальные функции изучения иностранного языка, к которым отнесли развитие у иностранцев «понимания взглядов, помыслов, культуры другого народа» [2, с. 100].

В чем же выражается культурно-ориентированный поход на практике? Прежде всего, это включение в содержание изучаемого учебного предмета (русский язык, история, экономика) информации о стране изучаемого языка, представленной в разных формах. Например, на уроках русского языка (начальный уровень) – это знакомство с русским фольклором: скороговорками, пословицами, поговорками, адаптированными русскими народными сказками, с тем, что может вызвать у иностранцев интерес, позволит им провести аналогии с национальными формами народного творчества. На начальном этапе обучения должны активно применяться различные коммуникативные игры, в которых иностранцы могли бы использовать знакомую им лексику в простых, обиходно-бытовых ситуациях общения. В результате у них будет формироваться необходимая культурно-языковая адаптация.

Следующий этап – это работа с адаптированными текстами по истории, литературе, культуре, во время которой, выполняя различные задания, студенты будут продолжать знакомство с национальной спецификой России, получать сведения о науке, искусстве, известных личностях и т. д.

На более высоком уровне обучения (уровень В1, В2) у студентов появиться возможность для дальнейшего знакомства с Россией и ее духовно-культурным наследием. Здесь возможно обращение не только к текстам художественной литературы, историческим текстам, но и работа с разного рода презентациями, художественными и документальными фильмами, продолжающими расширение кругозора иностранных учащихся. Например, иностранцы очень любят уроки-виртуальные экскурсии в музеи, театры, картинные галереи.

Преподавателями кафедры русского языка часто проводятся учебные уроки-экскурсии. Это походы в краеведческий и научно-технический музеи, музей самоваров, картинную галерею, театры, выставки и кинотеатры. Все это позволяет студентам не только «узнавать» Россию, но и адаптироваться к жизни в иноязычной среде.

Несомненно, экскурсии куда-либо требуют основательной предварительной подготовки. Например, иностранные студенты ФГБОУ «Дальрыбвтуз» очень любят экскурсию в музей самоваров. Здесь у них есть возможность познакомиться с предметами русского быта, историческими реалиями, русскими традициями. Сначала на уроке проводится предварительная работа:

1. Лексическая: студенты знакомятся с новой тематической лексикой (купец, самовар, сапог, угли, сушка, баранка).

2. Фонетическая: студенты работают с «трудными» звуками и сочетаниями. Например, они должны быстро и правильно проговорить новые слова, произнести скороговорки.

3. Работа с адаптированным текстом «Русский самовар», где учащимся необходимо понять его содержание.

4. Грамматическая: студенты в тексте находят известные им грамматические конструкции и выполняют разные типы заданий (например, определяют падеж существительных, выписывают глаголы, подбирают антонимы к прилагательным)

5. Работа с презентацией, содержащей лексический или грамматический материал в обобщающем виде.

6. Домашнее задание: подготовить рассказ или презентацию о чайной церемонии в своей стране.

Получив необходимые знания на уроке, студенты во время экскурсии в музей лучше понимают экскурсовода, могут формулировать и задавать вопросы, отвечать на вопросы экскурсовода или преподавателя в музее. В конце экскурсии в музей самоваров студентам предлагается угощение и демонстрируется фильм, который рассказывает о традиции русского чаепития.

На последующих учебных занятиях можно обсудить национальные традиции в Китае, связанные с чаепитием, провести аналогии, установить сходства и различия. Как правило, это вызывает у студентов большой интерес, им хочется продолжения дальнейшего узнавания страны, в которую они приехали учиться и язык которой они изучают.

Таким образом, подобные мероприятия знакомят студентов с русскими традициями, культурой, историей и помогают иностранцам не только расширить свой кругозор, но и способствуют их адаптации в социокультурной среде.

Конечно, страноведческая, историческая, национально-специфическая информация позволяет иностранцам погрузиться в иноязычную культуру, вызывает интерес и мотивирует их к изучению русского языка. Зачастую студенты-иностранцы начинают самостоятельно путешествовать во время каникул, чтобы познакомиться с Россией в реальности и увидеть все то, что они узнали на занятиях, своими глазами. Например, поездки в Москву и в Петербург, невзирая на огромное расстояние от Владивостока, у студентов из Китая очень популярны. Впечатления от этих путешествий преподаватель также может использовать на уроках русского языка.

Заключение

Таким образом, знания о стране изучаемого языка определяют развитие коммуникативных навыков в различных сферах общения. Иностранцы, которые усвоили необходимую информацию о России, лучше ориентируются в окружающей их иноязычной действительности и культуре.

Разделяя точку зрения многих исследователей, отметим доминирующую роль культурно-ориентированного подхода в процессе обучения иностранцев русскому языку как формирующего у иностранных студентов уважение к иноязычной культуре и способствующему всестороннему развитию личности.

Список литературы

1. Леонтьев А. А. Язык не должен быть «Чужим» // Вопросы психолингвистики. 2007. № 6. С. 9–12.
2. Худобина О. Ф., Мирюгина Н. А., Коняева Н. В. Культурно-ориентированный подход к обучению русскому языку как иностранному в системе предвузовской подготовки иностранных слушателей // Сервис Plus. 2018. Т.12, № 4. С. 97–103. <https://doi.org/10.24411/2413-693X-2018-10410>
3. Фомина Т. К., Гончаренко Н. В. Русский язык как иностранный в контексте межкафедральной интеграции в медицинском вузе // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2017. Т. 11, № 4. С. 68–74. <https://doi.org/10.22412/1999-5644-11-4-9-4>
4. Худобина О. Ф. Психологические барьеры в процессе билингвального обучения в вузе и факторы их преодоления // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2006. № 4. С. 99–103.
5. Фомина Т. К. Иностранцы студенты в медицинском вузе России: Интериоризация профессиональных ценностей: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Волгоград, 2004. 46 с.
6. Ларионова А. Проблемы коммуникативно-ориентированного обучения русскому языку иностранных слушателей на уровне предвузовской подготовки // Филология и культура. 2017. № 3 (49). С. 257–263.
7. Калашникова С. Б. Интенсификация предвузовской подготовки иностранных студентов на основе личностной ориентации обучения: дис. ... канд. пед. наук. Ростов н/Д, 2002. 211 с.

References

1. Leontev A. A. The language should not be “Foreign”. *Voprosi Psikholingvistiki* [Questions of Psycholinguistics], 2007, no. 6, pp. 9–12 (in Russian).
2. Hudobina O. F., Miryugina N. A., Konyayeva N. V. Culturally-oriented approach to teaching Russian as a foreign language in the system of pre-university training of foreign students. *Servis Plus* [Service Plus], 2018, vol. 12, no. 4, pp. 97–103 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2413-693X-2018-10410>
3. Fomina T. K., Goncharenko N. V. Russian as a foreign language in the context of interdepartmental integration in a medical university. *Vestnik Assotsiatsii vuzov turizma i servisa* [Bulletin of the Association of universities of tourism and service], 2017, vol. 11, no. 4, pp. 68–74 (in Russian). <https://doi.org/10.22412/1999-5644-11-4-9-4>
4. Hudobina O. F. Psychological barriers and factors for overcoming them in the process of bilingual education at a university. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of the Volgograd State Pedagogical University], 2006, no. 4, pp. 99–103 (in Russian).
5. Fomina T. K. *Foreign Students at a Medical University in Russia: Internalization of Professional Values*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Sociol.). Volgograd, 2004. 46 p. (in Russian).
6. Larionova A. Problems of communication-oriented teaching of the Russian language to foreign students at the level of pre-university training. *Filologija i kul'tura* [Philology and Culture], 2017, no. 3 (49), pp. 257–263 (in Russian).
7. Kalashnikova S. B. *Intensification of Pre-University Training of Foreign Students on the Basis of Personal Orientation of Education*. Diss. Cand. Sci. (Ped.). Rostov-on-Don, 2002. 211 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 07.03.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 09.06.2023
The article was submitted 07.03.2023; approved after reviewing 03.04.2023; accepted for publication 09.06.2023

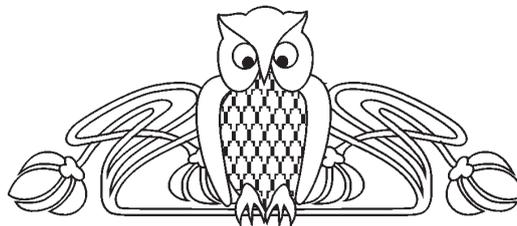

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 359–364
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 359–364
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-359-364>, EDN: THGEMB

Научная статья
УДК 372.881.161.1

Формирование компонентов критического мышления курсантов в процессе изучения русского языка как иностранного

И. С. Савина

¹Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в г. Сызрани, Россия, 446007, г. Сызрань–7, ул. Маршала Г. К. Жукова, д. 1

²Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, ул. Московское шоссе, д. 34

Савина Ирина Станиславовна, ¹преподаватель кафедры русского языка; ²аспирант кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, arina2150@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9181-9566>

Аннотация. Введение. Одной из задач современного образования является формирование компетенций группы «Системное и критическое мышление». **Теоретический анализ.** В статье раскрывается значение понятия «критическое мышление», выделяются его компоненты и обосновывается значимость развития данного мышления курсантов подготовительного курса, так как именно в этот период закладываются навыки работы с научной литературой, написанной на русском языке. **Эмпирический анализ.** Указанные методы и приемы работы с дидактическим материалом, основанным на текстах дисциплин профессионального цикла, позволили повысить не только интерес к изучению русского языка, но и подготовить учащихся к аналитическому чтению учебников, способствующему развитию критического мышления. **Заключение.** Приводятся доводы, доказывающие значимость развития критического мышления военнослужащих, так как исследование научной и методической литературы позволили сделать вывод о формировании прежде всего грамматических навыков в процессе изучения языка как иностранного. На примерах заданий, формирующих и развивающих компоненты критического мышления, обосновываются методы, используемые в процессе изучения русского языка как иностранного, указываются цель и задачи изучения данной дисциплины. Статья носит рекомендательный характер, а ее актуальность обоснована требованиями образовательного стандарта специальности «Летная эксплуатация и применение авиационных комплексов».

Ключевые слова: критическое мышление, русский язык как иностранный, компетенции, анализ, аргументация, умозаключение, методы, приемы, логические связи

Для цитирования: Савина И. С. Формирование компонентов критического мышления курсантов в процессе изучения русского языка как иностранного // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 359–364. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-359-364>, EDN: THGEMB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Formation of critical thinking components in cadets in the process of learning Russian as a foreign language

I. S. Savina

¹Branch of the Military Training and Scientific Center of the Air Force “Air Force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin” in Syzran–7, 1 Marshal G. K. Zhukov St., Syzran 446007, Russia

²Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, 34 Moscow Highway, Samara 443086, Russia

Irina S. Savina, arina2150@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0002-9181-9566>

Abstract. Introduction. One of the tasks of modern education is the formation of the competencies of the «Systemic and Critical Thinking» group. **Theoretical analysis.** The article reveals the meaning of the concept of critical thinking, highlights its components and substantiates the significance of the development of this thinking in the cadets of the preparatory course, since it is during this period that the skills of working with scientific literature written in Russian are laid. **Empirical analysis.** These methods and techniques of working with didactic material based on the texts of the disciplines of the professional cycle made it possible to increase not only interest in learning the Russian language, but also to prepare students for the analytical reading of textbooks, which contributes to the development of critical thinking. **Conclusion.** The article presents arguments proving the importance of the development of critical thinking in military personnel, since the study of scientific and methodological literature led to the conclusion that, first of all, grammatical skills are formed in the process of learning a language as a foreign one. Examples of tasks that form and develop the components of critical thinking are given, the methods used in the

process of studying Russian as a foreign language are briefly substantiated, the purpose and objectives of studying this discipline are indicated. The article is advisory in nature, and its relevance is justified by the requirements of the educational standard of the specialty "Flight Operation and Application of Aviation Complexes".

Keywords: critical thinking, Russian as a foreign language, competencies, analysis, argumentation, inference, methods, techniques, logical connections

For citation: Savina I. S. Formation of critical thinking components in cadets in the process of learning Russian as a foreign language. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 359–364 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-359-364>, EDN: THGEMB

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Задача современного высшего профессионального образования – подготовка специалистов, обладающих не только определенным количеством знаний, но и творческими способностями, направленными на генерацию интересных и новых идей. Наличие умения принимать быстрые решения, сложившееся аналитическое и рефлексивное мышление делают специалистов востребованными на рынке труда.

Новые требования подготовки военных специалистов предполагают формирование целого ряда компетенций, которые распределяются по дисциплинам, изучаемым в процессе всего периода обучения в высшем военном учебном заведении.

Подготовка специалистов происходит по единым программам как для иностранных военнослужащих, так и для российских курсантов, с той только разницей, что обучение для иностранцев начинается с курса русского языка, который изучается по программе дисциплины «Русский язык как иностранный». Программа дисциплины направлена, прежде всего, на овладение системой русского языка с целью осуществления коммуникации в условиях русскоязычной среды, а также на формирование языковых умений и навыков, которые необходимы учащимся для последующего обучения по программам специальности.

Теоретический анализ

Для понимания значимости дисциплины «Русский язык как иностранный» следует выделить ряд задач ее изучения: развитие навыков реферативного чтения текстов, овладение письмом на уровне самостоятельного написания работ, указанных в планах дисциплин специальности (контрольные, курсовые и выпускные квалификационные работы), а также формирование высокого уровня коммуникативных способностей, предполагающих использование языковых средств в сфере профессионального общения.

Данная дисциплина является основополагающей, так как именно она закладывает возможности дальнейшего изучения учебных

предметов, которые необходимо освоить за весь период обучения в вузе.

Актуальность исследования состоит в том, что новый образовательный стандарт 25.05.04 Летная эксплуатация и применение авиационных комплексов направлен на формирование ряда компетенций, среди которых следует выделить универсальную компетенцию УК-1, предполагающую выработку способности «осуществлять критический анализ проблемных ситуаций на основе системного подхода, вырабатывать стратегию действий» [1, с. 9]. Данная компетенция относится к категории (группе) «Системное и критическое мышление». Изучение русского языка как иностранного предполагает формирование данной компетенции, а значит, есть необходимость в подготовке системы упражнений и заданий, которые использовались бы на практических занятиях.

Следует отметить, что задания и упражнения должны представлять собой именно систему, которая предположительно будет задействована в качестве дополнительного дидактического материала, сопровождающего основную работу на практических занятиях. Использование системного подхода в процессе формирования критического мышления позволит не только постепенно усложнять учебный материал, методично повторяя и закрепляя изученные темы программы дисциплины «Русский язык как иностранный», но и сделает такую работу частью изучения предметов профессионального цикла.

В основе учебной деятельности лежат потребности, мотивы и стимулы, так как от мотивации зависит эффективность образовательного процесса, а положительная мотивация способствует развитию критического мышления.

В научной литературе существуют различные точки зрения на толкование понятия «критическое мышление», но общим является то, что это оценочное и рефлексивное мышление, развитие которого основывается на взаимосвязи новой информации и имеющегося жизненного опыта.

Критическое мышление можно считать основой для развития творческого мышления, но провести четкую грань между ними нельзя, поскольку они существуют в синтезе. Г. К. Се-

левко дает следующую трактовку: «Критическое мышление – это один из видов интеллектуальной деятельности человека, который характеризуется высоким уровнем восприятия, понимания, объективности подхода к окружающему его информационному полю» [2, с. 156]. С. И. Заир-Бек определяет критическое мышление как «процесс соотнесения внешней информации с имеющимися у человека знаниями, выработка решений о том, что можно принять, что необходимо дополнить, а что – отвергнуть» [3, с. 5].

Рассматривая критическое мышление как умственную деятельность, следует отметить, что изучение русского языка как иностранного, предполагающее формирование данного мышления, должно быть направлено на активный поиск учащимися информации (новая лексика, синтаксические конструкции, построенные по моделям, ответы на вопросы по содержанию текстов, правила грамматики и сравнение их с правилами грамматики родного языка с целью развития умения анализировать грамматический строй с последующим конструированием

собственных высказываний на русском языке).

Сформированное критическое мышление предполагает не только способность осмысления информации, но и ее анализ, а также развитое умение общаться с людьми, т. е. наличие коммуникативной компетенции.

Проанализировав индикаторы всех компетенций, формирующихся в процессе обучения иностранных военнослужащих по специальности 25.05.04 Летная эксплуатация и применение авиационных комплексов, были выделены следующие умения: анализировать, планировать и организовывать профессиональную деятельность, оформлять информацию графически, оценивать и прогнозировать решения, принимаемые в процессе выполнения поставленных задач. Указанные умения взаимосвязаны с компонентами критического мышления, которые выделяет Д. Халпен [4].

На рисунке графически представлена взаимосвязь компонентов (элементов) критического мышления и умений, указанных в индикаторах.

Элементы критического мышления
Figure. Elements of Critical Thinking

Для примера разберем взаимосвязь элемента «готовность к планированию» и умения оценивать, прогнозировать, планировать и организовывать деятельность как учебную, так и трудовую.

Профессиональная деятельность выпускников авиационного вуза предполагает осуществление руководства и контроля выполняемых задач, т. е. происходит совместная работа военнослужащих разных званий. В ходе решения

поставленных задач важно не только грамотно осуществлять процесс коммуникации, но и уметь спрогнозировать предполагаемые решения, заранее спланировав и организовав рабочий или учебный процесс, оценив возможные ситуации.

Умение планировать и организовывать свою деятельность также важно и на этапе изучения дисциплин, так как происходит работа с большим количеством новой информации, а

смена привычного для иностранных учащихся образовательного процесса, применяемого в их стране, требует нового подхода к организации распорядка дня, построенного согласно требованиям устава учебного заведения.

Представленная на рисунке взаимосвязь умений, содержащихся в индикаторах компетенций, и компонентов (элементов) критического мышления доказывает актуальность рассматриваемой проблемы, которая заключается в поиске и дальнейшей систематизации практического учебного материала, формирующего критическое мышление учащихся в процессе изучения русского языка как иностранного.

Вопрос развития критического мышления иностранных военнослужащих при изучении русского языка представлен в научной литературе незначительно, основной акцент в учебниках делается на формирование грамматических и лексических навыков: «Дорога в Россию» (В. Е. Антонова), «Поехали» (С. И. Чернышов), «Русский язык: 5 элементов: уровень А2 (базовый)» (Т. Л. Эсмантова) и др.

Вследствие того, что большое количество изучаемого материала предполагает заучивание, а не обдуманное понимание, будущие военные специалисты не могут формулировать свои мысли, ориентироваться в потоке информации, получаемой на русском языке, находить необходимое, осмысленно понимать полученную информацию, так как это требует сформированных мыслительных навыков. В связи с этим одной из перспективных и приоритетных задач профессионального образования является развитие критического мышления как средства эффективного познания действительности, в процессе которого факты подвергаются обдумыванию, поэтому возникает необходимость в изменении содержательной части дисциплины, предполагающей дополнительные задания на развитие способности анализировать, принимать решения и мыслить логически.

«Развитие навыков критического мышления позволяет найти свой собственный образовательный маршрут как при изучении отдельных тем, решении отдельных вопросов, так и для решения задач образования в целом: развитие способности к самореализации и дальнейшему самообразованию» [5, с. 12].

Рассматривая дисциплину «Русский язык как иностранный» в качестве основы для получения знаний, следует уделять внимание не только изучению грамматики русского языка, но и формированию навыков критического мышления, которое позволит лучше понять содержание получаемой в учебном процессе информации.

Обучение мыслить критически должно включать в себя большое количество примеров заданий и тексты из разных дисциплин, чтобы

курсанты могли расширить область изучаемой теории и применить свои мыслительные способности в работе с текстами профессиональной направленности. Собирая различную информацию, анализируя тексты, курсанты ищут и находят ответы на поставленные вопросы. Таким образом, критическое мышление как особый вид умственной деятельности позволяет оформлять мысли в сформулированное высказывание.

Курсанты, обладающие навыками мыслить критически, могут находить решение профессиональных проблем, подтверждая его обоснованными доводами и аргументами. Осознавая наличие различных решений, они доказывают, что выбранное ими логичнее и рациональнее других.

Рассматривая возможности русского языка как иностранного в качестве дисциплины, формирующей и развивающей критическое мышление, следует учитывать ряд характеристик, которыми оно обладает. Такое свойство, как гибкость мышления, помогает предвосхитить события, повышает профессиональную адаптацию выпускников вузов к реальным условиям, в которых они оказываются после завершения обучения.

Изучение русского языка как иностранного, предполагающее развитие критического мышления, позволяет сформировать умение планировать как учебную деятельность, так и дальнейшую профессиональную. Данное умение необходимо для того, чтобы выстроить последовательность умозаключений, необходимых для поиска новой информации.

О достаточном развитии такого мышления свидетельствует наличие способностей делать логические умозаключения, устанавливать логические связи, сравнивать, адекватно оценивать информацию и давать оценку. Данный вид мышления как приобретаемый навык, позволяющий эффективно анализировать информацию, необходимо постоянно развивать и совершенствовать, так как процесс анализа информации может со временем снижать свою эффективность.

Критическое мышление как социальное активнее проявляется при решении групповых задач, в процессе которого происходит взаимодействие курсантов и преподавателя с курсантами, поэтому предпочтительнее проводить работу с небольшой группой, а не в форме индивидуальных занятий.

Эмпирический анализ

В учебном процессе значительную роль играет профессионализм педагога, так как от эффективного обучения восприятию и пониманию речи зависит продуктивная деятельность курсантов.

Преподавателю, работающему над формированием критического мышления, необходимо

разработать такой дидактический материал, который будет содержать различные виды ситуаций, тексты и задания к ним, чтобы сделать процесс интенсивным и эффективным, используя различные способы, методы и приемы.

Эффективность работы преподавателя зависит от выбранных форм организации учебного процесса, от выполнения упражнений, т. е. критически мыслить можно научить, если направить работу на решение данной задачи. Обучение мышлению и улучшение мыслительных способностей должно строиться на большом количестве примеров из разных сфер жизни и на содержании различных дисциплин, которые входят в учебный план специальности.

В процессе изучения русского языка как иностранного возможно развитие отдельных компонентов критического мышления. К компонентам относятся способность устанавливать логические связи между явлениями, умение прогнозировать и делать выводы, решать проблемные задачи, способность к поиску компромиссных решений.

Для практической отработки в ходе учебных занятий были отобраны такие компоненты, как аргументация, анализ информации, интерпретация, умозаключение, оценка.

Умение аргументировать свои ответы и находить аргументы в текстах, на основе которых происходит изучение русского языка как иностранного, позволяет проверять информацию на достоверность и определять истину и ложь.

Другим важным компонентом является способность анализировать информацию, выстраивать связь между событиями, определяя последовательность и причину, позволяющая лучше усваивать теоретический материал.

Интерпретация как компонент критического мышления предполагает распределение информации на подкатегории и умение вычленять посыл из всего ее объема.

Важное значение имеет оценивание ситуаций по критериям хорошо это или плохо, а умозаключение позволяет подводить к итогу, формулировать вывод.

Для формирования вышеназванных умений необходимо использовать ряд приемов, которые применялись бы на разных стадиях учебного занятия, построенного на основе технологии развития критического мышления, описанной И. В. Муштавинской [5, с. 22].

Работа с различными текстами, основанная на технологии развития критического мышления, позволяет вырабатывать наблюдательность, выделять главное и второстепенное, обосновывать свою точку зрения, использовать аналитические навыки.

В процессе формирования компонентов критического мышления использовались такие приемы, как конспектирование текстов профессиональной направленности, работа со схемами, ассоциативные цепочки, предметные ассоциации, работа с несплошными текстами, составление кластеров и ментальных карт, решение проблемных задач, инфографика.

Дидактическим материалом для выполнения заданий послужили тексты из учебников таких дисциплин, как «Механика», «Физика», «Тактика», «Политология и военное дело», «Конструкция», «Метрология, стандартизация и сертификация», «Организация летной работы и безопасности полетов».

Работа с текстами вышеуказанных дисциплин строилась на разработанной системе упражнений и заданий, выполняемых на занятиях, основными целями которых были повторение и закрепление грамматики русского языка. Органичное введение текстов и заданий, формирующих компоненты критического мышления, в учебный процесс, позволяло не только закреплять полученные теоретические знания грамматического строя русского языка, но и познакомить учащихся подготовительного курса с информацией, которая будет изучаться на II–IV курсах.

Все задания к текстам были сведены в тематические группы, каждая из которых имела своей целью формирование того или иного компонента критического мышления.

1-я группа заданий. Кодирование текстовой информации. Отрабатывались навыки конспектирования текстов, графического представления информации и логического построения системы вопросов и ответов по содержанию текстов.

Примеры заданий:

составьте конспект текста по следующим методам: «Таблица», «Вопросы–ответы», «Боксы», «Метод Корнелла»;

восстановите текст по предложенному конспекту;

расшифруйте слова и словосочетания.

2-я группа заданий. Критический анализ текстовой информации. Отрабатывались навыки анализа содержания текстов, умение видеть явное и скрытое значения информации и распознавание последовательности.

Примеры заданий:

восстановите последовательность в тексте, расположив его части в нужном порядке;

найдите скрытую информацию на плакатах и на схемах;

какую скрытую информацию можно найти в тексте. Задайте вопросы к скрытой информации.

3-я группа заданий. Аргументация. Отрабатывались навыки аргументации, иллюстриро-

вания аргументов в найденной информации. Создавались собственные тексты.

Примеры заданий:

определите главный аргумент в тексте, найдите доводы и заключения;

определите тип текста (аргумент, объяснение, обобщение, описание).

В основе используемых приемов лежали методы изучения русского языка как иностранного, описанные А. Н. Щукиным: прямые, сознательные, комбинированные и интенсивные [6, с. 177–210].

Интенсивный методы позволили использовать различные формы педагогического общения и мотивировать учащихся, создавая благоприятную социально-психологическую обстановку на занятиях, способствующую снятию барьеров в процессе изучения языкового материала.

Комбинированные методы дали возможность параллельно усваивать все виды речевой деятельности, сохраняя речевую направленность обучения в системе сознательного овладения языком.

Прямые методы позволили исключить опору на родной язык, используя наглядность и интуитивность.

Заключение

Развитие критического мышления в процессе изучения русского языка как иностранного формирует такие умения, как интерпретация данных, оценивание утверждений и логика аргументов, делать выводы, контролировать процесс мышления, включающий в себя проверку и корректирование рассуждений, подтверждение фактов.

Формирование и развитие критического мышления позволит анализировать ситуации и действия, принимать адекватные решения, устанавливать причинно-следственные связи и понимать логику, аргументированно высказываться и оценивать собственные поступки.

Подводя итог, необходимо отметить, что развитие критического мышления на уроках русского языка как иностранного готовит курсантов к пониманию теоретической информации и практическому закреплению полученных знаний не только в области грамматического строя русского языка, но и в области систематизации, анализа получаемой учебной информации.

Список литературы

1. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образова-

ния по направлению подготовки – специалитет 25.05.04 «Летная эксплуатация и применение авиационных комплексов»: приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 20 августа 2020 г. № 1083. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009150033> (дата обращения: 14.06.2023).

2. Селевко Г. К. Энциклопедия образовательных технологий. М. : Народное образование, 2005. 556 с.
3. Заир-Бек С. И. Развитие критического мышления на уроке: пособие для учителей общеобразовательных учреждений. М. : Просвещение, 2011. 223 с.
4. Халперн Д. Психология критического мышления : учебное пособие. СПб. : Питер, 2000. 512 с.
5. Муштавинская И. В. Технология развития критического мышления на уроке и в системе подготовки учителя. СПб. : КАРО, 2015. 144 с.
6. Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие для вузов. М. : Высшая школа, 2003. 334 с.

References

1. *On the approval of the federal state educational standard of higher education in the field of study – specialty 25.05.04 “Flight operation and use of aviation systems”: order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated August 20, 2020 No. 1083.* Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009150033> (accessed 14 June 2023) (in Russian).
2. Selevko G. K. *Entsiklopediya obrazovatel'nykh tekhnologiy* [Encyclopedia of Educational Technology]. Moscow, Narodnoe obrazovanie, 2005. 556 p. (in Russian).
3. Zair-Bek S. I. *Razvitie kriticheskogo myshleniya na uroke: posobie dlya uchitelei obshheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [Development of Critical Thinking in the Classroom: A Guide for Teachers of Educational Institutions]. Moscow, Prosveshchenie, 2011. 223 p. (in Russian).
4. Halpern D. *Psikhologiya kriticheskogo myshleniya: uchebnoe posobie* [Psychology of Critical Thinking. Textbook]. St. Petersburg, Piter, 2000. 512 p. (in Russian).
5. Mushtavinskaya I. V. *Tekhnologiya razvitiya kriticheskogo myshleniya na uroke i v sisteme podgotovki uchitelya* [Technology for the Development of Critical Thinking in the Classroom and in the System of Teacher Training]. St. Petersburg, KARO, 2015. 144 p. (in Russian).
6. Shchukin A. N. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Methods of Teaching Russian as a Foreign Language]. Moscow, Vysshaya shkola, 2003. 334 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 10.03.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 09.06.2023
The article was submitted 10.03.2023; approved after reviewing 03.04.2023; accepted for publication 09.06.2023

ISSN 1819-7671 (Print). ISSN 2542-1948 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023.
Том 23, выпуск 3

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

- Серия: Акмеология образования. Психология развития
- Серия: История. Международные отношения
- Серия: Математика. Механика. Информатика
- Серия: Науки о Земле
- Серия: Социология. Политология
- Серия: Физика
- Серия: Филология. Журналистика
- Серия: Философия. Психология. Педагогика**
- Серия: Химия. Биология. Экология
- Серия: Экономика. Управление. Право

